

ISSN 20702205904

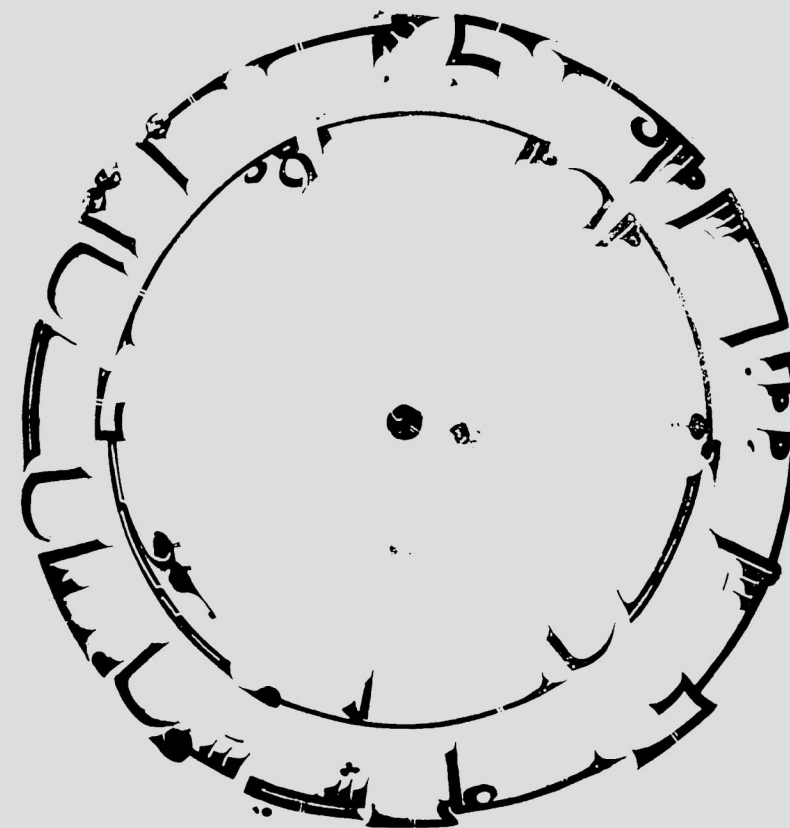

ЧЁТКИ • ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ • 4 • 2010

ЧЁТКИ

4
2010

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

Антон Савин. Черный Павлин • Ренат Беккин. Гармоничный человек • Александр Ануфриев. К песням народов Пакистана • Пуштунские народные песни • Панджабские народные песни • Народные песни Синда • Кашмирские народные песни • Назим Надиров. Гокка и Курдский Велосипед. Байки Арбакеша • Елена Неведрова. Кто такой Арбакеш • Константин Васильцов. Несколько слов о религиозно-философской поэзии Афзал ад-дина Кашани • Аида Гасымова. Антропологическое мышление в доисламской арабской поэзии • Равиль Бухараев. Религиозная суть халифата • Ахмад Макаров. Перепись вчера, сегодня, завтра

Фонд Марджани

ЧѐТКИ

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор: *Беккин Ренат Ирикович*
Заведующий отделом литературы стран Зарубежного Востока:
Башарин Павел Викторович
Редактор: *Сборовская Нина Всеволодовна*
Корректор: *Конькова Александра Александровна*
Разработка серийного оформления:
Кагаров Эркин Медатович
Верстка: *Зяллетдинова Лейля Камилевна*

ИДЕЯ Льва Николаевича Толстого

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
ООО «Издательский дом Марджани»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
117997, г. Москва, ул. Вавилова, д. 69.
Тел.: +7(495) 234-04-79
e-mail: chetky@mardjani.ru
www.mardjani.com

ИНТЕРНЕТ-ВЕРСИЯ: www.chetky.ru

Журнал «Четки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций, связи и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС77-28954

ISSN 2070-2205

Редакция не предоставляет справочной информации и не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях. Рекламуемые товары и услуги подлежат обязательной сертификации. Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Четки», а также на сайте www.chetky.ru, допускается только с письменного разрешения редакции.

Продажа по подписке.
Тираж: 1000 экз.
Цена свободная.

© ООО «Издательский дом Марджани»

В номере использованы изображения:
Обложка: Чаша. Мавераннахр. X в. Керамика, ангоб, глазурь. На чаше надпись: «Знание – самое благородное из достоинств, а мужество – самый красивый из памятников».
Стр. 5: Чаша. Иран, XVII в. Бронза, чеканка, гравировка, полуда. Стр. 54: Подсвечник. Сирия, 1 пол. XIV в. Латунь, ковка, гравировка, инкрустация серебром и золотом.
Стр. 75: Курильница. Газневиды, XI в. Медь, ковка, прорезная, чеканная. Стр. 127: Курильница в виде льва. Иран, Хорасан, XII в. Бронза, литье. Стр. 140: Масляная лампа. Мавераннахр, X–XI вв. Бронза, гравировка, инкрустация медью, следы позолоты.
© Suleiman Collection

Содержание

4 ОТ РЕДАКЦИИ

5 ТОЛКОВАТЕЛЬ СТРАСТЕЙ

- 6 *Антон Савин.* Черный павлин (Роман)
39 *Ренат Беккин.* Гармоничный человек (Повесть)

54 БЕСЕДА ПТИЦ

- 55 *Александр Ануфриев.* К песням народов Пакистана
57 Пуштунские народные песни
65 Панджабские народные песни
68 Народные песни Синда
70 Кашмирские народные песни
Перевод *Александра Ануфриева*

75 ЧУДЕСА СТРАН

- 76 *Назим Надиров.* Гокка и Курдский Велосипед: Байки Арбакеша
126 *Елена Неведрова.* Кто такой Арбакеш

127 ПОСЛАНИЯ МУДРОСТИ

- 128 *Константин Васильцов.* Несколько слов о религиозно-философской поэзии Афзал ад-дина Кашани
135 *Аида Гасьмова.* Антропологическое мышление в доисламской арабской поэзии

140 ИСКРЫ ОГНИВА

- 141 *Равиль Бухараев.* Религиозная суть халифата
148 *Ахмад Макаров.* Перепись вчера, сегодня, завтра

ОТ РЕДАКЦИИ

Драгоценный читатель!

Перед твоими глазами десятый, юбилейный выпуск журнала «Четки». Мы бы не стали обращать твоего внимания на столь незначительное на первый взгляд обстоятельство, если бы не привычка искать скрытый смысл в числах, позаимствованная нами из романа Антона Савина «Черный павлин», публикацию которого мы завершаем в этом номере.

Хочется верить, что скитание по пыльным дорогам на мотоцикле вместе с главным героем и его юной женой не было для тебя обременительным. Если же усталость взяла тебя в плен, самое время сделать привал и послушать не оставляющие никого равнодушными лекции чудаковатого Зуфара абый из «Гармоничного человека» или же насладиться песнями народов Пакистана в умелом пересказе Александра Ануфриева. Хочешь вздремнуть, укryвшись среди скал от солнца – послушай колыбельную, не можешь уснуть, тоскуя по своей второй половинке, – послушай песню-плач девушки, проводившей на войну своего возлюбленного...

Однако продолжим наш путь. Пришло время сменить средство передвижения: на мотоцикле многого не увидишь, нужна другая скорость. К твоим услугам самая настоящая арба, вернее – Арба, потому что другой такой нет ни у кого. Водитель Арбы – Арбакеш, Назим Надиров, многое повидал на своем веку и с удовольствием расскажет о своем курдско-карачаевском детстве на окраинах Советской империи. Для его Арбы не существует границ.

Стоит ли удивляться, что за увлекательной беседой мы не заметили, как снова оказались в Пакистане, где вместе с писателем Равилем Бухараевым нам предстоит возложить цветы к месту гибели жертв одного из многочисленных терактов в Пакистане.

Нас иногда упрекают, что мы предоставляем трибуну последователям периферийных (неосновных) направлений и течений в исламе и тем самым volens volens пропагандируем их взгляды. С такой точкой зрения мы не можем согласиться. Наша задача – не проповедовать чьи бы то ни было взгляды, в том числе свои собственные, а просвещать и развлекать читателя, то есть тебя. Что же еще на свете может быть достойнее этого занятия? А в остальном ты и без нашей помощи разберешься, если будет угодно Всевышнему!

Ренат Беккин

Толкователь страстей

ЧЕРНЫЙ ПАВЛИН

Антон Савин*

Окончание**

ГЛАВА 7. ВОЙНА

Часов за десять до начала войны Грачев имел неприятную беседу со своим начальником. Тема разговора, однако, вовсе не имела отношения к работе. – Я и так очень жалею, что поддался на твои уговоры, – говорил Бурмистров Грачеву, – и не сообщил твоим родителям сразу о твоём диком намерении жениться. Наверное, я как-то заразился сумасшествием, живущим в тебе после того, как ты стукнулся головой. А потом все отодвигал и отодвигал срок, чтобы сообщить им, потому что боялся после этого посмотреть им в глаза. Теперь я решился – и все!

Поэтому первой мыслью Грачева, проснувшегося от разрывов бомб, была мысль об этом разговоре. «Теперь уже не важно», – подумал он с облегчением и поднялся с матраса. Еще только начиналась весна, поэтому они спали в доме, а не во дворе, как в более теплое время. Маленькие ступни Фарзаны лежали на подушке, возле головы Грачева. Грачев любил чувствовать их рядом с собой, а девушке нравилось лежать ногами на подушке.

Вместе с Фарзане они приникли к окнам, ведущим во внутренний двор. Там, за небольшой кирпичной стеной, отделяющей двор от улицы, поднималось пламя от горящей мечети.

– Как в компьютерной игре, – сказала Фарзана.

Мир наполнял однообразный, тяжелый грохот. Задрожали металлические рамы окон и створки дверей. Грачев распахнул дверь и вышел во двор. Фарзана проскользнула туда же. Грачев замахал на нее руками, но она не остановилась.

Грохот равномерно усиливался, и оба недоуменно оглядывались по сторонам. Внезапно Фарзана больно вцепилась в руку Грачеву. Прямо над ними пролетал штурмовик. Поскольку он летел без огней, лишь зоркая Фарзана могла его заметить. А вслед за ней и Грачев почувствовал самолет – в ночи он ощущался как сильная дрожь в воздухе, заслоняющая звезды, словно колебалась и извивалась сама пустота.

* Антон Николаевич Савин (р. 1979) – писатель. Член Союза писателей Москвы с 2001 г. В 2005 г. вышел в финал Всероссийской литературной премии имени Льва Толстого (Яснополянская писательские чтения) с романом «Исход ветхого человека». В 2004 г. принял ислам. В 2006–2008 гг. изучал богословие в Духовной академии г. Кума (Иран). Путь Антона Савина в литературе – сближение культурных пространств России и мусульманского Востока.

** Начало см.: Четки. – 2010. – № 2. – С. 6–42, № 3. – С. 6–45.

Очнувшись, русский завел жену в дом и побежал набирать воду. Став семейным человеком, он невольно научился предусмотрительности. Обычно жители Узры покупали питьевую воду в специальных пунктах раздачи, установленных на улице, – вода из-под крана, несмотря на то, что добывалась она из артезианских скважин глубиной в километр, была слишком соленой и даже горьковатой: ведь прямо за городом начиналась огромная пустыня. Но, несмотря на тяжелый вкус, этой водой можно было напиться – ведь именно ею Грачев поливал деревья и цветы в своем саду, именно в этой воде пустыни плавали разноцветные рыбы в крошечном бассейне. Она создавала все то великолепие, что услаждало взор Махди и его маленькой супруги, а теперь должно было погибнуть. Поэтому в часы первого налета юноша набирал воду, пока еще льющуюся из крана, во все имеющиеся в доме емкости. Ведь главное бедствие, которое могло обрушиться на город в случае хаоса, – жажда. Кому, как не Грачеву, не раз путешествовавшему в пустыне, не знать всего ужаса безводья?

В этом наполнении сосудов солоноватой водой было что-то маниакальное: казалось, что драгоценные емкости с плещущейся в них пойманной жидкостью способны спасти молодую семью от любых опасностей. Когда приступ водной мании закончился и Грачев с Фарзане с удивлением посмотрели друг на друга, на канистры и бесчисленные бутылки, взрывы снаружи прекратились: бомбардировщики легли на обратный курс.

Юноша подумал, что можно продолжать подготовку. Подготовку к чему? К блокаде или к бегству? Грачев пока не знал, но решил, что теперь необходимо запасти бензин. Все равно ничего более умного он не мог придумать.

Они с Фарзане помчались по узким улицам на мотоцикле – Грачев решил, что лучше не расставаться ни на минуту в новых обстоятельствах. Едва разминувшись с каким-то встречным муллою, тоже на мотоцикле, промчавшимся мимо них всего в нескольких сантиметрах, они наконец прибыли на огромную бензозаправку. Отстояв в очереди всего пару часов, – медлительные и сонные восточные люди начинают проявлять удивительную прыть и сообразительность в тех случаях, когда речь идет о жизни их семей, и этот переход просто поразителен, – Грачев и Фарзана вернулись домой.

Теперь предстояло выработать план дальнейшего спасения. Грачев попытался дозвониться Бурмистрову. Мобильной связи уже не было, а вот проводные телефоны еще работали. Начальник сказал, что Грачев должен срочно приехать к нему домой, чтобы затем вместе отправиться в столицу государства, откуда непременно будут взлетать самолеты российского МЧС.

– А Фарзана? Что я буду делать с ней?.. У нее нет российского гражданства, ее не возьмут в самолет.

– Должны взять. Она ведь твоя жена, у вас и документ есть.

– Есть, а что толку? Ты сам говорил, что, по российским законам, наш брак – не брак, а уголовщина, сожительство с малолетней... Я не оставлю Фарзана.

– Там разберутся, не бойся. Скорее всего, в самолет ее пустят, всегда официально говорят «эвакуировали россиян и членов их семей»... Вот потом, в России, могут начаться проблемы.

– Вот именно! Я не хочу, чтобы на Фарзане смотрели как на обезьяну, а на меня – как на извращенца.

– Леша, ты не понимаешь, что ли, что ты не можешь здесь оставаться, здесь война! Это их разборки, и нас, русских, они не касаются... Мне надо собираться, нет времени уговаривать тебя. Говори – приедешь или нет?!

– Я не полечу в Россию.

В этот момент связь оборвалась, избавив Грачева от телефонных оправданий и, что еще лучше, от дальнейших мучительных раздумий. «Милость Божья», – подумал он. Впрочем, довольно отвлеченно.

Грачев принял решение удивительно быстро и без всякого внутреннего колебания – так, словно уже не раз в своей жизни бывал беженцем. Он решил отправиться в горы к родителям Фарзана: там и родственники, привычные к отсутствию цивилизации, были бы под боком, и вода в горах есть, между тем Узре уже через несколько дней угрожало полнейшее безводье.

Исполнить это решение было не так просто – со времени свадьбы Грачева кочевники переместились на летнее стойбище, на север, к высоким горам, так что, для того чтобы их отыскать, пришлось бы проехать не одну сотню километров, руководствуясь только словами Фарзана, которая помнила эту дорогу лишь примерно. К тому же превратности войны могли заставить ее родственников переместиться еще куда-нибудь – ведь их не сковывали пути цивилизации, а самое главное – именно с севера наступал враг, как понял Грачев из наскоро пойманной и прослушанной радиопередачи. Однако русский посчитал, что промедление опаснее, чем любое возможное действие, и решил довериться чувствам своим и своей жены, которая очень обрадовалась, узнав, что есть шанс вскоре увидеть близких.

Пару часов заняли сборы. Хорошо, что Грачев недавно записал несколько дисков с результатами работы – своей и Сардариева, а также переслал эту информацию днепрпетровскому математику, у которого она должна была сохраниться. Книг по абджаду в доме было всего четыре штуки – эта тема считалась на Востоке слишком особенной, чтобы передаваться как-то по-иному, чем прямо от учителя к ученику. С двумя книгами Грачев расстался бы без всякого сожаления, даже с радостью – ибо это были народные книги о том, как наложить заклятие на джиннов и вычислить дату своей смерти, и лишь некоторые абзацы можно было использовать для дела, потому после некоторого колебания все же прихватил тяжелую темно-синюю книгу про опьяненного нищего, любимую Сардариевым.

Следующее, самое тяжелое, решение – насчет оружия. В тайнике, в подвале, хранились автомат – тот самый, с которым чеченец охотился на газелей, – и пистолет Макарова. Расслабленные сотрудники восточных спецслужб не потрудились обыскать дом убитого боевика, и подвальный арсенал сохранился в целости. Сардариев говорил Грачеву: бери в руки оружие лишь тогда, когда сам готов получить пулю. Потому русский решил ограничиться складным ножиком.

– Что же делать с птицами? – спросил Грачев у Фарзана. – Ведь ты их любишь!..

Действительно, Фарзана подружилась с птицами, особенно с удоком. Часто она сидела, держа птицу на руках. Тогда неясно было, где заканчивается разноцветная чадра и где начинаются пестрые перья птицы Соломона.

– Нужно выпустить в небо!.. А пальма и цветы? Все засохнет...

Водопровод все еще, как ни странно, функционировал – ведь враги, казалось бы, должны были постараться вывести его из строя в первую очередь.

Грачев побежал за шлангом и забросил его в цветущие кусты, включил кран на всю мощь и вновь бросился в комнату, чтобы продолжить судорожные сборы. Через некоторое время опять вспомнили о птицах.

– А они не умрут на воле? – спросила Фарзана.

– Ну не можем мы их везти на мотоцикле. Это же не машина!

– Тогда отпустим.

Были открыты клетки с удоком и маленькими амадинами. Три из шести амадин быстро упорхнули куда-то, а три остальные весело щебетали друг с другом, вовсе не собираясь наружу. Удод вышел из клетки – в тишине было даже слышно, как его коготки скребут по бетону, – а затем, красуясь частыми взмахами пестрых крыльев, взлетел на кран, из которого через шланг поливался сад.

Грачеву и Фарзана очень жаль было покидать дом, бывший первым пристанищем их семьи. Русский к тому же вспоминал своего учителя, и казалось, что именно сейчас Сардариев уходит из его жизни по-настоящему. Случись война при Джалаладине, он-то уж непременно, почувствовав себя в своей, пусть и постылой, стихии, защитил бы своих молодых друзей. Теперь приходилось все решать самим.

На выезде из города уже стоял пост, проверявший какие-то документы, а вокруг него столпилось несчетное количество автомобилизированных беженцев. Разноцветные автобусы, стремительные современные машины и множество старых «мерседесов», доживающих свой век, стояли в непрерывном пении клаксонов и гудении временами включаемой сирены, образуя какую-то огромную металлическую мешанину. Мотоциклисты, конечно же, не ждали в беспорядочной очереди – они выскакивали на ведущую на север дорогу, пробравшись окольными путями, по узким улочкам, а то и просто через пустыри и парки. Грачев пристроился за двумя наглыми восточными ребятами, шальной веселости которых не могла помешать даже война. Они ехали по дорожке парка на одном колесе, подняв мотоцикл на дыбы, при этом орали и свистели немногочисленным прохожим. Грачев и раньше видел в Узре, как молодежь, не знающая привычных ее европейским сверстникам развлечений, взбадривала кровь подобным образом, – но тогда такие кульбиты выделяли водители-одиночки, не имевшие за спиной седока.

Километров сто на север Грачев и Фарзана проскочили быстро, без задержек, только пару раз пришлось съезжать на обочину, чтобы пропустить военные колонны. Грачева удивило, почему в них нет ни одного танка или боевой машины и почему все колонны идут ему навстречу, а не вперед, на бой с врагом. Имея перед глазами печальный пример Сардариева, клявшего увлечение политикой как главную ошибку своей жизни и в конце концов погибшего от этой догнавшей его ошибки, Грачев никогда не интересовался делами в стране и за ее пределами. Если бы он, подобно другим жителям Узры, ходил к стендам читать газеты, а главное, обмениваться сведениями с другими читающими или хотя бы изучал Интернет, то знал бы, что силы слишком неравны – ведь враждебную страну поддержали сильнейшие державы мира. Поэтому отступление не очень хорошо технически оснащенных войск было неизбежно – по крайней мере в начале войны.

Через двести километров откуда-то выскочили несколько мотоциклов, на которых восседали люди в форме. Они решили проверить у Грачева документы и поразились,

узнав, что в их сети попал иностранец. Поначалу русского хотели везти назад в Узру к начальству, чтобы оно приняло решение по поводу его дальнейшей судьбы. Насилу Грачеву удалось уговорить военных отпустить его, он упирал на то, что едет отвозить свою жену к родственникам. Подивившись возрасту жены Грачева и внимательно изучив их брачный документ, мотоциклисты разрешили продолжить путь и помчались дальше.

Опасаясь повторения подобной проверки, но с уже более печальным результатом, Грачев решил свернуть на проселочную дорогу, параллельную трассе, и двигаться по ней. Еще пару часов ехали они по пустыне, которая здесь уже немного напоминала степь, на север, держа направление по солнцу и компасу, предназначенному для определения киблы – направления намаза. А потом Грачев увидел впереди с два десятка пылящих машин, они двигались навстречу прямо по степи. Юноша увидел невысокое дерево, скорее большой куст, и решил спрятаться за ним, положив яркий красный мотоцикл на землю, и подождать приближения странных машин.

– Почему они едут здесь, а не по дороге? И почему не одна за другой, а враспынную?

Грачев задал этот вопрос в никуда, но Фарзана серьезно ответила:

– Не знаю, Махди.

Три минуты жена и муж отдыхали, сидя на земле, – это было очень приятно после нескольких часов мотоциклетной езды. Затем Грачев поднялся и стал внимательней всматриваться вперед. Тут он понял, что на него надвигаются не автомобили, а танки. Волосы зашевелились у него на голове, когда до него дошло, что это – враждебные танки, что на него наступает целая танковая часть, каждую секунду готовая открыть огонь.

Грачев растерянно обернулся назад – там был очень мирный пейзаж, волнами шли пологие холмы, поросшие высокими колючками, еще зеленеющими в конце мая и потому похожими на обыкновенные кусты. Позже, вспоминая эту историю, он так и не мог взять в толк, для чего танки, которым никто и не думал сопротивляться, шли именно в боевом порядке. Наверное, в штабе ожидали сопротивления именно на этом участке, хотя перед танками и не было никого, кроме двоих, схоронившихся в кусте-колючке.

Грачев сглотнул, потом еще.

– Ты что, пить хочешь?.. – спросила еще не понявшая ничего Фарзана.

Грачев решил, что думать не нужно, – иначе будет поздно. Он рванул на себя руль мотоцикла, стал судорожно бить ногой педаль стартера, пытаясь завести лишь наполовину поднятый с земли мотоцикл. С третьего раза «Иж» взревел, Грачев смог его за мгновение выпрямить, Фарзана прыгнула на заднее сиденье, и мотоцикл понесся по неровной почве. Грачев как-то никогда не думал, что земля может так быстро лететь навстречу, но при этом так медленно двигаться. Ему казалось, что он на огромной скорости едет лицом по земле, что она вот-вот заполнит ему рот и уши.

Грачев выписывал виражи, чудом удерживаясь от падения, – петляя, он полагал спастись от прицельного огня танков. Но, по счастью для наивного русского, пушки молчали – видимо, у танков было не так много снарядов, чтобы расходовать их на одинокого мотоциклиста. Он же каждый момент ожидал грохота и черных шапок от разрыва снарядов у себя на пути.

Но черный дым Грачев увидел только после того, как проскочил гребень и скрылся от танков. Горело что-то впереди, да так, что зарево занимало полнеба. Видимо, был разрушен город, через который он проезжали час назад. Но гораздо больше, чем это апокалиптическое зрелище, Грачева ужаснуло другое – остановившись на секунду после гонки, он обнаружил, что потерял большую часть припасов, привязанных по бокам к мотоциклу. Отлетела большая часть сумок с едой и канистр с бензином, а воды Грачев лишился полностью, не считая небольшой бутылки в рюкзаке у него за спиной. Как назло сильно захотелось пить, русский отхлебнул совсем чуть-чуть и передал Фарзана, наказав ей сделать не больше трех глотков.

Грачев боялся снова повернуть на север, потому, особенно не раздумывая, он продолжал двигаться в обратном направлении. Вскоре русский увидел в стороне от трассы, от цивилизации небольшую деревню у подножия высокой черной горы. Поскольку запасы воды надо было пополнить, он решил свернуть туда, рассчитывая на теплый прием селян. Нехороший голос шепнул ему, что в войну каждый думает о себе, поэтому удивительное восточное гостеприимство, которое он познал в мирное время, может обернуться теперь своей противоположностью. Но эту мысль Грачев с негодованием отринул – и не ошибся. В деревне он подъехал к самому большому дому и позвонил в домофон – звонок не прозвучал, ибо электричества уже не было, но ему все равно открыли. Грачев попросил воды – как он и надеялся, их с Фарзана немедленно зазвали внутрь. Чем меньше селение, тем больше гостеприимства, – этот неписанный закон работал на новой родине Грачева очень хорошо, во время своих поездок по пустыне с Фарзана он не раз беззастенчиво пользовался добротой крестьян.

Ничего не изменилось с началом войны – разве что, наоборот, внимание к гостю усилилось. Весь дом хлопотал перед ним, накрыли большую скатерть, женщины сушили на кухне так, что даже на расстоянии в несколько комнат это чувствовалось; Фарзана увели на женскую половину к самым младшим дочерям хозяина – видимо, не без тайной мысли расспросить побольше о непонятном молодом иностранце.

Грачев не дождался обеда. Опираясь на большую подушку, он начал засыпать, ему все сложнее было вести вежливые беседы с главой дома и его сыновьями. «Мы видим, что вы утомились, сейчас откушаем, и вы отдохнете», – слышал он голос, но усталость брала свое. Запоздалый шок, наступивший после первого дня войны, давал о себе знать. Хозяева поняли, что накормить гостя обедом не удастся, и отвели его в спальню, где уже были постелены самые лучшие перины. Однако Грачев сказал, усиленно моргая, что не может спокойно спать, пока к нему не приведут жену. Желание было исполнено, и вместе они проспали около двадцати часов.

Покидать гостеприимный дом очень не хотелось, тем более что хозяин, позвав Грачева на мужскую половину, рассказал ему неутешительные новости, полученные с помощью радио. Один из сыновей главы дома оказался образованным молодым человеком, учившимся в городе, – он знал английский и много других полезных вещей, поэтому, покрутив ручку приемника, мог поймать не только свои каналы или вражеские, но и западные радиостанции, а по результатам услышанного составить прямо-таки профессиональную сводку. Грачев был поражен, узнав, что уже на второй день войны бои шли на подступах к Узре! Правда, основные силы вторгшейся армии были

направлены против столицы и крупных промышленных городов. К тому же нападавшие боялись обойтись с Узрой слишком жестоко – ведь слава ее святых простиралась по всему исламскому миру, и потому правительство оккупантов опасалось волнений и недовольства в своей же стране в том случае, если знаменитая усыпальница будет повреждена, а прославленные богословы Узры убиты во время наступления – с ними планировали расправиться потом, тихо и поодиночке. Поэтому не было больше бомбардировок, кроме той, памятной Грачеву, в святой город не вводили танки и не подвигали его артиллерийским и ракетным обстрелам.

Крестьяне предлагали гостю из далекой страны остаться у них еще на несколько дней, но, научившийся уже разбираться в тональностях восточной вежливости, Грачев понял, что делают они это не особенно напористо, поэтому предпочел отказаться. Уже более настойчиво и искренне предлагали поделиться разными припасами – однако Грачев взял только воду и совсем немного еды.

Слушая образованного сына хозяина, Грачев решил ехать в Узру – хотя разумность этого решения была весьма сомнительна. Может быть, на русского повлиял известный аргумент, что зло, хоть сколько-нибудь известное, всегда лучше зла, совершенно неизвестного, а может быть, ему просто хотелось вернуться в город, где его судьба так круто изменилась и где так сильно изменился он сам. Добраться до Узры и въехать в нее через парк – путем, опробованным ранее, – удалось без приключений. По пути никаких боев и движения войск Грачев не видел – наверное, для того, чтобы всерьез организовать уже завоеванное пространство, у наступающих не было ни времени, ни сил, ни особого желания. Лишь въезжая в Узру, он услышал отдельные беспорядочные выстрелы где-то в стороне центра.

ГЛАВА 8. ЧЕРНЫЙ ФЛАГ

Священный город был пустынен, улицы дымились, словно десятки черных флагов возносились то здесь, то там. Грачев хотел проехать Узру окраинами, но ошибся и вырулил к пятничной мечети.

Такая мечеть строится для того, чтобы во время общественной пятничной молитвы здесь собирались правоверные со всего города. Поэтому пятничная мечеть крупного города обычно очень вместительна и не очень красива. «Чем-то она напоминает живот беременной женщины», – подумал Грачев. В следующую секунду он остановил мотоцикл.

Мечеть, крытая сверху гофрированным железом, которое нестерпимо сверкало на солнце, напоминала огромный шатер с куполом посередине. На этот купол и устремил свой взгляд Грачев. В его мозгу вспыхнули слова из песни Сардариева: «черный флаг мы над храмом вознесем». Купол мечети венчал небольшой шпиль – и там, действительно, очень не хватало черного флага!

Грачев нажал на педаль и через открытую калитку въехал на территорию мечети с задней стороны. Здесь никого не было. Грачев прислонил мотоцикл к стене возле технической лестницы, ведущей наверх, к крыше, и сказал Фарзани:

– Сними свою чадру и дай мне.

Та чадра, которую носили все женщины Узры, представляла собой просто квадрат черной ткани размером два на два метра.

– Подожди меня здесь, – сказал Грачев, но сам заколебался, – его взгляд наткнулся на небольшую бетонную пристройку метра в тридцати. Он завел туда мотоцикл и попросил Фарзани схорониться рядом.

– Я скоро приду.

– А возьми меня!..

– Ты слишком ярко одета. Тебя могут пристрелить.

С этими словами Грачев взял чадру, собранную в комок, и попытался подняться по металлической лестнице, ведущей вертикально вверх. Но черная тряпка мешала – тогда он, не долго думая, запихнул ее себе под майку.

На крышу Грачев попал без труда, но дальше нужно было лезть под углом в шестьдесят градусов по скользкому сверкающему железу. Крышу сделали на совесть, и цепляться можно было только за очень маленькие, слабо выступающие болты. Грачев прополз на четвереньках и метров через двадцать соскользнул вниз. Долетев до края крыши, он сумел каким-то чудом зацепиться – ведь там не было никакого ограждения, – и только одна нога повисла в воздухе. Грачев понял, что второй раз может повезти меньше. И тем не менее он, не раздумывая, начал вновь подниматься навстречу сверкающему железу, так как был удивительно упрям в иных вещах. Сначала юноша карабкался быстро, потом стал ползти медленней, прижимаясь к железной плоти животом, а вернее, заветной чадрой. У Грачева уже пропало непонятное вдохновение, теперь он лишь думал о том, что воплощает в жизнь образ, нарисованный Сардариевым – человеком, которому он обязан столь многим.

Так за десять минут Грачев добрался до купола. Там нужно было сделать последний рывок. Особенно тяжело дались последние два метра, где купол закруглялся, а болтов уже не было. И все же Грачев оказался на самой вершине.

Теперь он возликовал. Азиатский город во всем великолепии расстилался перед ним. Несмотря на свою архаичность, он чем-то напоминал современную микросхему – такие же бесконечные переходы и лабиринтообразные линии, квадраты и многоугольники; и все плоско, лишь кое-где вздымались синие мечети. Только самая большая мечеть, на вершине которой стоял теперь Грачев, не была синей.

Где-то раздавались очереди, работал миномет. Грачев видел какое-то движение вдалеке, но не мог разобрать, что там – люди, машины или танки. Авиация бездействовала, в небе носилась только одна горлица.

Грачев одернул себя – у него не было времени осматриваться, ведь внизу одна-единишенька ждала Фарзани. Он привязал самодельный флаг к шпилью, для чего пришлось карманным ножом продырявить чадру в трех местах. Вверху и в середине Грачев использовал шнурки, а внизу – ремень. Закрепив всю конструкцию, он выпрямился и вдруг услышал поблизости несколько очередей.

Грачев стал торопливо спускаться, пару раз соскользнул – в первый тот час же уцепился рукой за болт, а во второй проехал метров десять, и лишь оказавшийся на пути дефект кровли – задранный лист – спас его. Грачев успел схватить лист правой рукой, но от рывка порезал пальцы в кровь об острую кромку. Разумеется, он не смог спуститься прямо на то место, к которому присоединялась лестница, – пришлось еще двигаться боком над пропастью высотой в пятнадцать метров. Все это время стрельба нарастала: сперва пулеметные и автоматные очереди, потом и близкие взрывы.

После трюков на крыше лестницу Грачев преодолел в считанные секунды – и вовремя. Уже коснувшись земли, он услышал крики Фарзана. Один молоденький солдат тащил Фарзана к своему мотоциклу, другой поджидал друга в седле.

Увидев Грачева, солдат поставил девушку на землю, но не отпустил ее. Грачев достал нож и начал надвигаться на солдата. Фарзана чувствительно толкнула похитителя в живот и так почти освободилась. Но в это время второй солдат поднял автомат.

Грачев не имел никакого серьезного оружия. В нерешительности, но без испуга смотрел он на второго солдата. Грачев не знал, что нужно делать, если на тебя навели автомат. Случай с юным полицейским почему-то не вспомнился. Русский замер, опустив нож, но затем вновь стал приближаться. Сардариев рассказывал, что на войне умирают от страха, а не от пули, что в человека надо всадить очень много пуль, чтобы он истек кровью и потом умер. Грачев подумал, что, пока он будет истекать кровью, Фарзана уже будет спасена, да и сам он, возможно, не погибнет.

Девушка побежала к Грачеву, она заслонила его и с вызовом посмотрела на солдат. Тот, что стоял ближе, плюнул, медленно развернулся и пошел к мотоциклу. Второй опустил автомат, но не убрал оружие совсем. Грачеву казалось, что прошла целая вечность, пока первый солдат дошел до мотоцикла, перекинул ногу через сиденье, пока второй дернул стартер и, бросив последний взгляд на двоих штатских, сунул автомат своему сообщнику и рванул мотоцикл прочь. Лишь когда они почти исчезли, Грачев и Фарзана услышали очередь – это солдат стрелял вверх, в воздух.

Юноша вывел свой мотоцикл; он мчался как во сне, и уже через десять минут они доехали до дома под нарастающие звуки всеобщего боя. Против ожидания Грачева, квартира не была разграблена. Они с Фарзана немедленно забылись тяжелым сном и опять долго проспали.

Пробудившись, Грачев устроил небольшую вылазку в город и встретил соседа-муллу. Тот радостно объявил своему другу Махди, что отряды исламистов сумели перейти в контрнаступление и только что освободили святой город Узру от власти нечестивцев, было захвативших его.

Через несколько дней Грачев стоял в большой очереди за водой – при отступлении был поврежден водопровод. Через два часа автоцистерна опустела, до Грачева очередь не дошла. Собравшиеся не расходились и ждали воду. Неожиданно по толпе прошел гомон – люди говорили, что сейчас перед ними появится и выступит лидер нового, временного военного правительства города. Все они стали подтягиваться к месту, где недавно стояла машина с водой. Появились военные и стали теснить толпу, освобождая пространство для митинга и отгораживая его металлическими штангами. Через полчаса появился сам верховный исламский комиссар. Это был молодцеватый человек лет тридцати в красивой форме. Его сопровождала свита из нескольких военных и штатских.

Комиссар взошел на импровизированную трибуну и произнес краткую, зажигательную речь. Поначалу толпа смотрела на него с недоверчивым любопытством, но довольно скоро она оценила ораторское мастерство молодого комиссара, раздались одобрительные вскрики, люди уже скандировали лозунги вместе с говорящим.

Грачеву тоже было немного любопытно, но гораздо больше его занимали мысли о воде для себя и Фарзана. Хотя запасы, предусмотрительно сделанные в первую ночь

войны, еще не были исчерпаны, они уже подходили к концу. Вышло так, что толпа вынесла Грачева на самый передний край, где он с зажатыми в руках четырьмя пластиковыми белыми канистрами оказался у самой загородки, метрах в сорока перед выступавшим. Когда краткая зажигательная речь закончилась, Грачев заметил, что к комиссару подошел человек из его свиты и стал говорить что-то, указывая в сторону юноши; но Грачев сперва не придавал этому значения, ибо не подумал о том, что жест военного мог быть направлен лично на него.

Между тем комиссар быстро сошел с трибуны и вместе со своими сподвижниками направился прямо к Грачеву. Лишь в последний момент русский понял, что внимание властей обращено на него, и инстинктивно попятился в толпу; но сзади кто-то молодой и крепкий, уловив смысл его движения, схватил Грачева за плечи.

Комиссар был уже в двух метрах, он посмотрел на Грачева пронзительным взглядом, выдержал паузу в две секунды и громким, поставленным голосом спросил:

– Так это ты поднял флаг над пятничной мечетью?..

– Ну, я.

– Иди сюда.

Грачев протиснулся между двумя загородками и проследовал вслед за комиссаром на трибуну. Несколько секунд тот перешептывался со своим помощником, заинтригованная толпа смотрела на Грачева, а Грачев безучастно – на толпу. Ему хотелось пить.

Наконец комиссар подошел к Грачеву и сказал:

– Внимание! Именно этому храброму юноше силы ислама, силы добра и справедливости обязаны своей победой! Это он, не побоявшись вражеских пуль, вознес черное знамя нашей веры над мечетью и тем самым подал нашим доблестным войскам сигнал к наступлению.

Толпа взорвалась аплодисментами. Грачев от удивления прошептал по-русски нечто нецензурное.

– Откуда ты, смелый юноша? – спросил комиссар своим громовым голосом.

– Я... из России.

Теперь пришел черед удивляться комиссару. От неожиданности он сбавил тон:

– Так ты иностранец?

– Да.

– Так ты не мусульманин?..

– Почему, мусульманин.

Почерневшее было лицо комиссара просияло. Он взял Грачева за руку, поднял ее вверх и возгласил:

– Мусульмане далеких стран... со всего мира приходят на помощь к нам в этот сложный час!.. И в том – перст Божий. Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – пророк Его!

Этот лозунг подхватила вся толпа – а Грачев видел, что наряду со стоявшими в очереди за водой здесь появились и многие другие, очевидно привлеченные слухами о давно обещанном и ожидаемом публичном выступлении комиссара. Свидетельство веры скандировала, вернее распевала, вся площадь. Грачев, поняв, чего от него ждет комиссар, присоединился к этой песне.

На этом выступление закончилось. Сойдя с трибуны, комиссар пригласил Грачева на торжественную трапезу. По пути к столь знакомой ему пятничной мечети, где должна была происходить эта трапеза, Грачев имел беседу с человеком лет сорока из свиты комиссара, одетым в черный пиджак. Русский не сразу узнал службиста, посетившего его в день гибели Сардариева и унесшего с собой исследования по абджаду.

Человек очень интеллигентно, с искренним интересом расспрашивал Грачева о разных вещах – а больше всего о том, почему русский решил поднять флаг над пятничной мечетью. Грачев отвечал честно:

– Я чувствовал, что его там не хватает.

– И вас никто не просил об этом?..

– Разве только сама мечеть. Мои слова, наверное, кажутся вам странными... Понимаете, я некоторое время изучал богословие, а там очень важно мышление образами.

Услышав термин «богословие», интеллигентный человек оживился еще больше. Он порывлся в своей папке, и, к большому удивлению Грачева, достал оттуда две странички со столь хорошо знакомыми русскому текстами про абджад.

– Я как раз изучаю ваш труд. Вы с вашим учителем произвели огромную работу. Вы истинные мусульмане!

Оставшиеся пять минут дороги они с Грачевым перебрасывались именами древних мистиков.

В мечети прочитали намаз – Грачев боялся сбиться при таком большом скоплении незнакомых людей, но все обошлось. Затем прямо на полу мечети расстелили полиэтиленовые скатерти. Трапеза отнюдь не показалась бы Грачеву роскошной, происходи она в прежние, довоенные времена. Но теперь, когда русский несколько дней ел что придется, она показалась ему царской. Насытившись, Грачев ощутил себя в центре внимания – в трапезе принимали участие около сотни человек. Ему вновь было приятно, как тогда, в день знакомства с Нури. Все расспрашивали у него, как он принял ислам, как он женился на местной и почему повесил флаг на пятничную мечеть. Грачев чувствовал, что на последний вопрос не стоит отвечать так, как он ответил в машине. Спасительной мыслью пришло воспоминание о песне Сардариева – к тому же Грачеву было приятно лишний раз рассказать людям о своем друге. Исламисты очень заинтересовались чеченским коллегой – Грачев, конечно же, умолчал о том, что Сардариев отрекся от собственных песен. Юноша даже прочитал перевод текста песни про черную мечеть, чем вызвал полнейший восторг собравшихся. Несколько человек даже записали труднопроизносимую русско-чеченскую фамилию, много раз переспросив ее у Грачева, и слова песни. Один из заместителей комиссара, обладавший, по его собственным словам, литературным даром, договорился с Грачевым о том, что они вдвоем сделают полный перевод этой замечательной песни, чтобы ее могла распевать исламская гвардия Узры.

Именно этот заместитель после трапезы отвел Грачева на склад, где ему с большой деликатностью вручили набор продуктов и наполнили водой его четыре канистры. Затем тот же заместитель на своей машине отвез Грачева со всем этим добром домой, к Фарзане.

По пути Грачев наконец отважился спросить:

– А почему именно черный флаг послужил причиной победы?..

– Мы тогда были оттеснены на окраину, а увидев флаг, подумали, что какая-то из наших частей заняла центр города. Эта мысль была ошибочной, но люди воодушевились, и именно в тот момент мы решили нанести главный удар, что оказалось правильным. Враги не ожидали этого от нас, они расщедоточились по городу, и мы смогли освободить всю Узру. Но думаю, что они скоро вернуться...

Так и случилось. Всего три раза молился и трапезничал Грачев с комиссаром, каждый раз не забывая прихватывать самое вкусное для Фарзана. Второй обед прошел хорошо, даже умиротворенно и расслабленно. Грачев рассказывал полному человеку в штатском что-то об абджаде, и они жарко дискутировали о том, могут ли быть числа свидетельством на пути любви к Богу.

А вот во время третьей трапезы случился совсем другой разговор. Грачев сразу заметил, что настроение присутствующих более угрюмое и сосредоточенное. Быстрее закончили молитву и ели почти молча. Из того, что удалось услышать, Грачев понял, что дела у комиссара и его соратников не очень хороши, – на Узру двигается новый корпус противника, подкрепленный танками.

Неожиданно Грачеву передали, что комиссар хочет видеть его. Хозяин указал место возле себя, собственноручно поднес чай, да еще и насыпал туда сахару, предварительно спросив у Грачева, какой сахар он предпочитает: растворимый или кусковой?

Затем комиссар сказал:

– Завтра будет бой. Я очень надеюсь на тебя.

У Грачева все поплыло перед глазами. Он судорожно сглотнул.

– Я дам тебе взвод, – пообещал комиссар и добавил, снизив тон: – Сам понимаешь, смелых людей мало... рис кушать да слова произносить все горазды. – Затем вновь заговорил громко и торжественно: – Если Махди с нами, то нам ничего не страшно. Ведь так?

«Вот здорово, молодец!» – закричали многие, кто-то выхватил из-за спины автомат и потряс им в воздухе, широко и очень дружелюбно улыбнувшись Грачеву.

Сложно описать все чувства, переполнявшие душу юноши. Сначала мелькнула мысль о насмешке судьбы: он бежал из России от вольной жизни молодого московского бездельника, спасаясь именно от призыва в армию, а теперь эта, казавшаяся уже отступившей, опасность неожиданно настигла его в дальних краях.

С другой стороны, люди, среди которых он оказался, были ему весьма симпатичны – и для смерти, бояться которой Сардариев не советовал, это была бы не худшая компания.

Но Грачев с детства не любил массовки и хорошо помнил, как тот же Сардариев говорил: на войне самое страшное отнюдь не смерть, грабежи, насилие и мародерство, а именно обезличивание человека – что в регулярной армии, что, немного в меньшей степени, в партизанском отряде. К тому же Грачев сомневался, что победа тех или иных сил во всеобщей грызне поможет людям, включая самих победителей, стать хоть сколько-нибудь лучше.

Как же теперь от них отвязаться? Грачев подумал и спросил комиссара:

– А я могу поехать домой, попрощаться с женой?..

Сказал – и сердце его замерло: вдруг не позволят, вдруг прямо сейчас отвезут на какой-нибудь сборный пункт или как там это у них называется? Когда Грачев обозна-

чил свою просьбу, он еще не думал о реальной возможности отказа, и теперь мерзкий страх сдавил ему горло. Но комиссар ответил:

– Да, конечно, отправляйся, проведи последний вечер в неге и спокойствии...

Потом подмигнул Грачеву и сказал тихонько:

– Дело-то молодое!..

На этот раз юноша набрался наглости и на складе попросил еще и бензина для мотоцикла, на котором прибыл, – и ему без всяких проблем наполнили бак и еще выдали канистру. В последний раз промчался Грачев мимо минаретов пятничной мечети, служившей неофициальным центром временного городского правительства, и, петляя по знакомым улочкам, поехал к дому.

– Ну, Фарзана, не спать нам в эту ночь, – сказал он с порога.

Грачев решил второй раз бежать из города – ведь люди комиссара хорошо знали, где находится его дом. Бензина было достаточно на долгий путь. Теперь юноша решил ехать на юг, к морскому побережью. Там был мир, вода и электричество, туда не собирались двигаться враги, чрезмерное усиление которых не входило в планы западных владык. Там можно было неспешно решить, что делать дальше.

Стратегия нынешнего побега состояла в том, чтобы двигаться на юг не по дорогам с их пробками, проверками военных, опасностями налетов и нападений банд мародеров и даже не параллельно этим дорогам, как Грачев делал во время первого броска на север, а прямо через пустыню. У юноши была плохонькая карта страны – лучше не удалось достать и в мирное время, – и он решил попытать счастья на безлюдных пространствах.

Теперь сборы были недолги, но Грачев посчитал, что до вечернего комендантского часа осталось еще время, которое они с Фарзана могут провести в спокойствии. Стрелка часов все ползла вперед, и Грачев вступал с ней в безнадежную игру – оттягивал отъезд до последнего. Сначала он хотел стартовать за два часа до опасного времени, потом за час – и, конечно же, в последний момент ему в голову пришла мысль, что нужно собрать еще что-то, поэтому выехали довольно поздно, отчего Грачев испытал какое-то мазохистское удовольствие. Он вовсе не хотел продлить мгновения уюта – да и какой может быть уют, если время отравлено ожиданием?

– Мы переночуем на вилле у Нури. Это как раз на южной дороге.

– А кто такая Нури?

– Девушка.

– Я не хочу к ней.

– Да не бойся – никакой Нури там нет. Она давно где-нибудь в Швейцарии.

На выезде из города Грачева, однако, остановил патруль. Русский петлял, думая выехать вне основной дороги, и свернул на нее в нескольких километрах за городом – но патруль оказался и там тоже. У Грачева была мысль проскочить шлагбаум и рвануть в звездную темноту, но с ним была Фарзана.

Грачев прошел внутрь здания поста, который помещался в бывшей чайхане. Юноша надеялся выдумать какой-нибудь повод для того, чтобы покинуть город, уповав при этом на наивность простых восточных людей. Но ему даже не понадобилась сильно задумываться – внутри на импровизированном стенде висели газеты из очень плохой бумаги, тем не менее Грачев узнал на них себя – на фото, где он вместе с комендантом воздевает руки над толпой.

– Видите, это я. Теперь я еду по особому делу. А жену заодно отвожу к родственникам....

– Да тут не разберешь... – сказал один солдат, показывая на газету.

– Тут написано, это я иностранец. Ты с этим-то согласен?..

– Ну это вижу. Сейчас придет Али, он был на площади, он скажет, видел ли тебя.

В помещении поста была полутьма, поэтому Али осветил русскому в лицо фонариком.

– Да, это он, – вынес вердикт Али, и Грачев смог бежать из Узры во второй раз.

Он совершенно не был уверен в том, что спонтанно возникшая мысль переночевать на вилле у Нури удачна, однако им с Фарзана повезло – дом стоял пустой.

Вилла была кем-то разграблена. Пол со звездами и свастиками поцарапали – наверно, в спешке выносили мебель, которой в доме у Нури было немало, в отличие от других домов Узры. Стекла в замечательных высоких готических окнах были выбиты, на полу валялось несколько окурков. Впечатление было такое, будто проникшие сюда вандалы старались максимально уничтожить красоту дома, но слишком спешили, чтобы испортить его по-настоящему.

После того как свое имущество вывезли хозяева, после того как сюда наведались мародеры, в комнатах почти ничего не осталось – и все же здесь присутствовали некоторые вещи, которые были забыты первыми и не заинтересовали вторых. Среди таковых оказались краски и кисти Нури, лежащие на полу в ее комнате, – девушка увлекалась живописью. Больше ничего не напоминало о недолгой любви Грачева – зеркало, которое он когда-то чуть не поцеловал, тоже увезли.

Грачев получше спрятал мотоцикл, и для себя с Фарзана выбрал каморку понезаметнее. Под импровизированную подушку он положил пистолет. То ли общение с боевитыми исламистами, то ли какая-то еще перемена в жизни Грачева заставили его на этот раз поменять решение и взять из дома оружие.

Проснулись рано – наверно, потому, что спали настороженно. Грачев прочитал утреннюю молитву в большом зале. Он делал это далеко не каждое утро, а лишь тогда, когда находились особые силы или же случайно просыпался слишком рано.

Фарзана тоже присоединилась к нему. После поклонов они вышли навстречу солнцу. В вышине белели горы, жадно ловя первые лучи, чтобы отразить их и достойно вернуть небесам.

Внезапно зоркая Фарзана заметила еще одно белое пятно – поменьше и поближе.

– Смотри, Махди, что это?

– Где?..

– Белое.

– Тебе почудилось. Для призрака поздновато – солнце-то взошло.

Однако, взглядевшись попристальней, Грачев действительно увидел какую-то белую тень. Они с женой отправились посмотреть, но белая сущность пропала за стеной пристройки.

– Черт-те что, курица, что ли?.. А почему такая большая?

Грачев и Фарзана завернули за стену и вздрогнули от удивления. Перед ними стоял абсолютно белый павлин.

– Я и не знал, что такие бывают, – сказал юноша. – Фарзана, а ты слышала?

– Я никогда не видела павлинов. Какой красивый... и какой большой!

Было видно, что Фарзана немного побаивается столь непривычно крупной птицы. Но именно она, быстро поборов страх, сделала первый шаг к павлину. Он недовольно покосился на возмутительницу своего спокойствия и отошел как-то боком, затем направился к дереву и начал с увлечением искать пищу между его корней.

Грачев посмотрел на Фарзана и сказал – нет, продекламировал:

– Ступает он походкою важной, горделивой, крылья свои простирает – и покашливает, смеясь, довольный одежд своих красую. Но если кинет он взор на ноги свои, то кричит отчаянным голосом, свидетельствующим об истинном горе его, ибо ноги его подобны ногам петушиным корявым.

Фарзана засмеялась, а потом спросила:

– Что это, Махди?

– Это из книги имама Али, наследника пророка Мухаммада. Джалол читал мне, а я запомнил, хотя память у меня очень плохая...

– А что мы будем с ним делать, Махди?

– Покормим.

– Да, у него и взгляд какой-то голодный.

– Принеси немного риса – помнишь, куда я его положил? Нельзя оставлять такого ангела на произвол судьбы... если уж его изгнали из Рая, как говорит Мусайлима и его компания, мы, обитатели миров, должны о нем позаботиться.

Но покормить павлина рисом не удалось. Слуха Грачева достиг гул моторов неожиданно близких машин. Два авто быстро подъехали к вилле, Грачев и Фарзана еле успели схорониться.

Им нужно было незамеченными добраться до пристройки, где юноша спрятал мотоцикл. Попытаться скрыться своим ходом было бесполезно – окрестности виллы хорошо просматривались, беглецов непременно заметили бы и настигли. На мотоцикле же были шансы.

По пути к пристройке Грачев решил осторожно глянуть, с кем же столкнула их судьба. Приехавших было человек пятнадцать, они не носили форму, но большинство из них имели при себе оружие. Заправлял ими пожилой человек, привыкший командовать. Его повелительный голос показался Грачеву знакомым. Человек повернулся лицом, и юноша к удивлению своему понял, что не ошибся.

Он узнал старика из больницы – отца Мусайлимы. Инстинктивно Грачев подался вперед, чтобы разглядеть своего знакомого, и тут старик тоже заметил его и нетерпеливо махнул рукой. Грачев понял, что скрываться дальше нет смысла, и предстал перед стариком.

– Так это ты, русский?

– Я.

– Подойди поближе.

Затем старик негромко сказал, видно не желая, чтобы слышали его же подданные:

– Ты был прав насчет семидесяти четырех дней. Я провел вычисления по звездам...

Сардариев смеялся над астрологией, называл звезды «обычными светящимися пылинками», а астрологов – людьми, которые до сих пор мыслят в языческой системе

Птолемея. Чеченец говорил, что ислам – ультрамодернистская система ценностей, а знания типа астрологии считал безнадежно устаревшими и нелепыми.

Правда, именно он, сидя однажды вечером вместе с Грачевым и Фарзана во дворе дома, рассматривал звезды, а потом сказал одну удивительную вещь. Грачев еще подумал, что перед ним хорошая картинка для какой-нибудь статьи или телепередачи пацифистского толка: бывший боевик смотрит на звезды. Однако Сардариев сказал совсем даже не мечтательным голосом:

– Смотри... Я только сейчас заметил: прямо над нами явственно написано слово «рабб»!

– Где, не вижу? – спросил Грачев.

Тогда Джалаладдин мягко подскочил к нему, взял его голову за подбородок, словно одним точным движением намеревался свернуть шею, и повернул в нужном направлении, приблизив к своей голове. Наконец Грачев увидел, что небесный рисунок действительно напоминает две арабские буквы «ра» и «ба», которые в Коране составляют имя «Господь»: один рог из пяти звезд был похож на «ра», а звезды рядом с ним – на тарелку и точку под ней, то есть букву «ба».

Сардариев добавил тогда:

– На небе ты не найдешь никаких тел скорпионов и стрельцов, хоть глаза себе прогляди. Если бы абджад строился на столь надуманных силуэтах, мы были бы такими же шарлатанами. Астрология – хороший пример для нас, до чего мы не должны скатываться. Потому мы и доказываем все с самого начала – начиная с того, почему все люди считают в десятичной системе счисления.

Однако сейчас Грачев слушал отца Мусайлимы. Тот сказал:

– Но ты слишком не гордись, парень!..

– Какое гордится? Мне выжить бы. Мне и моей жене.

– Так ты уже женат? Шустрые вы, русские...

«Зато вы очень медлительные», – подумал Грачев, но промолчал.

Все собрались в комнате с поцарапанными свастиками. Фарзана сидела отдельно, в углу, поджав ноги. Вооруженные поклонники павлина расстелили скатерть и разожгли большой газовый примус, чтобы приготовить поесть. Эти примусы жители Узры в мирное время часто использовали во время пикников в парках.

– Давно ты тут?

– Нет, ночью приехал. А с утра мы увидели белого павлина. Я даже не знал, что бывают такие.

Старик взбудоражился, подозвал своих подданных и отправил их присмотреть за павлином.

– А черные павлины существуют?.. – спросил Грачев у старика.

– Нет.

– Только белые и цветные?

– Да.

– Жаль.

– Земное изображение Ангела-Павлина таково, как он сам захотел!

– А какой павлин ближе к своему небесному прототипу – белый или разноцветный?

Видно было, что старик обескуражен вопросом. На секунду его глаза утратили обычное повелительное сверкание. Но затем он с первоначальной уверенностью сказал:

– Разноцветный. Каждое из перьев Небесного Павлина обозначает собой один из родов людей, преданных Ему. Этим родов всего четырнадцать.

– Да нет, четырнадцать – это один плюс тринадцать! Один изображает единичность Божью в ее первоначальном виде, а тринадцать – ту же Единичность, только распустившуюся. Ведь тринадцать – это имя Господа – «Ахад», то есть «Единый».

Мысль о соответствии перьев Павлина четырнадцати пришла Грачеву сию секунду, поэтому он произнес ее вслух, не подумав о последствиях. Лицо старика почернело. Он продолжал злее:

– Я – из рода шейхов, только мы можем духовно окормлять остальных детей Павлина. Наш род символизирует главное перо, высшее из четырнадцати.

– Вот бы покрасить этого павлина в черный цвет!

Шейх моргнул и сказал другим, обычным, даже немного растерянным тоном:

– Да, у нас есть черная краска. Мы должны были ею красить стены в нашем тайном святилище в пустыне, куда мы едем.

– Так давайте покрасим этого павлина! Слушайте, это же знак свыше! Ведь черный цвет – это самый истинный цвет! В нем есть все-все остальные цвета, но они не открыты так бестактно, как в белом, они скрыты, они еще не распустились...

Между тем лицо шейха снова изменилось. От легкой растерянности оно вернулось к обычному выражению, потом стало меняться дальше и расплылось в каком-то оскале.

– Черный цвет хочешь? Покрасить, обрести черное?.. Подожди, поешь сперва, угостись, ты ведь не раз уже у нас угощался, и потом тебе все будет. Не отпускать же тебя натошак!..

И верно – рис уже был готов. За трапезой Грачев восседал по правую сторону от шейха так же, как день назад – по правую руку от исламского комиссара всей Узры. И хотя в обоих случаях он думал больше о еде, все равно и в первый, и во второй раз было приятно. Все остальные сидели чуть поодаль и молча жевали свой рис. Старик взял соус и подлил его Грачеву.

– А Мара и Арзу – они из какой касты?

– Они из рода учеников.

– Учеников?.. Чему же они учились?

Грачев успел усвоить, что в традиционных версиях религий женщин совсем не стремятся учить. Шейх поморщился:

– Это название рода – неужели непонятно? Из четырнадцати родов один род – великих учителей, шейхов, еще один – малых учителей, а остальные двенадцать – роды учеников.

– То есть вы учителя с младенчества, а они – ученики до старости?.. Это надо ж так издеваться над красотой!..

Шейх, сперва набросившийся на еду с энергией молодого, после речей Грачева быстро потерял аппетит. Теперь он отложил ложку и спросил зловещим голосом:

– И почему же ты хочешь покрасить Ангела-Павлина в черный цвет? Чем тебе не нравится разноцветье наших родов, разнообразие Божьего Мира?

Грачев, не замечая тона собеседника, продолжал с прежней горячностью:

– Это все хорошо, конечно... Но это все – только отражение черного цвета. Источник лучше отражения...

– Может быть. Но почему ты уверен, что человеку доступно созерцание того, высшего света?..

– Почему? Не знаю... Ну, например, я помню, как в детстве тосковал по чему-то этакому... У вас тут все дети с мамашами сидят, а у нас не так... У нас детей сгоняют в место вроде концлагеря, «детский сад» называется... Выведут, например, воспитатели во двор, а там деревья... Да только ты понимаешь, что это не настоящие деревья, а так... над головой серое небо... но это не настоящее, а плоское небо. Если бы нам был недоступен совершенный черный цвет, откуда и зачем была бы в нас заронена эта жгучая тоска?

Понаблюдай Грачев за собой со стороны в этот момент, он бы очень удивился своей невесте откуда взявшейся способности произносить пламенные речи. И его собеседник не оценил красивых слов. Старик немного успокоился и стал понемногу клевать рис. Грачев же в перерывах между речениями не забывал отправлять в рот куски побольше – и тарелка уже опустела.

– Ты поел? – спросил шейх и добавил: – Что ж, пойдём к павлину.

– Так вы еще не доели...

– Ничего страшного. Пойдем.

Вышли во двор. Павлин уныло лежал под деревом, к которому его привязали за ногу. У Грачева мелькнула мысль, что со священной птицей обошлись не слишком-то почтительно.

Метрах в двадцати от павлина уже стояли несколько больших жестяных банок с краской.

«Интересно, а сколько на него уйдет? Хватит ли краски, если заниматься каждым перышком?» – любопытствовал в уме Грачев.

Когда он приблизился к банкам с краской, по сигналу шейха сюда же стали сходиться его ученики, окружая юношу.

Один из них, самый высокий, открыл одну из банок и обмакнул в краску большую кисть. Другой, невысокий, но широкоплечий, неожиданно схватил Грачева сзади за руки. Не ожидавший подвоха Грачев дернулся, но безрезультатно.

– Любишь черное, русский? – раздался из-за спины голос шейха. – Что ж, теперь получишь свое.

Высокий стал мазать краской лицо и волосы Грачева. Тот мотал головой, кричал – все тщетно, пытался лягнуть высокого ногой – тотчас же получил сильный удар под коленку сзади. Краска попала в открытый рот, так что Грачев был вынужден замолкнуть и закрыть глаза.

Наконец он почувствовал, что свободен и кисть больше не гуляет по лицу. Инстинктивно Грачев провел рукой по глазам – теперь у него почернела и ладонь, зато он смог вновь видеть мир. Первый, кого он увидел, был шейх.

– А теперь иди, куда шел, и побыстрее!

– Мне нужна вода... умыться.

– Воды ты не получишь.

Грачев побрел к Фарзани. Самым тяжелым для него было видеть боль в ее глазах – ведь девушка наблюдала всю экзекуцию.

Когда муж приблизился к ней, Фарзана, застывшая в ступоре, мгновенно ожила. Она сказала: «Сейчас», – побежала и принесла свою чадру, и Грачев стал оттираться ею. Чадра прилипла к щекам, драла кожу и мало чем помогала. Меж тем взгляды учеников шейха становились все более острыми. Юноша отнял от лица чадру, обернулся к своим врагам, отбросил бесполезную теперь тряпку и твердыми шагами, стараясь сохранить достоинство, пошел к своему мотоциклу. «Спасибо хоть не отняли ничего», – бросил он Фарзани, выводя «Иж» во двор. Под треск мотоциклетного двигателя почерневший Грачев и его жена унеслись в пустыню.

ГЛАВА 9. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вскоре вилла исчезла за горами, но Грачев почему-то не почувствовал облегчения. На небе впервые за много дней появились облака. И солнце палило не так сильно, как обычно, но и это не радовало. В лицо дул сильный ветер из пустыни, дополняя тот поток воздуха, что непременно бьет в лицо едущему на мотоцикле. Грачев любил ощущать его и блаженно забывался, даже когда они с Фарзани в первый раз бежали из Узры под гул начавшейся войны. Но теперь в сердце обнаружилась зияющая пустота, словно черная краска с резким запахом проникла сквозь кожу в самую душу. Грачев подумал, что шейх, наверное, был прав, а Сардариев – нет.

Шейх был окружен сонмом почтительных учеников, он был уверен в себе. Сардариев тоже был вполне тверд (и даже передал частичку этой твердости Грачеву, которому с самого детства катастрофически не хватало этого качества), но он всегда стремился к смерти и получил, что желал. Его имя превратилось теперь в черную краску, сделавшую липкими волосы и кожу Грачева, человека, который мог идти теперь по жизни только путем Джалаладдина. И если путь этот ведет в тупик, – а, скорее всего, так оно и есть, – то Махди ничего не останется, как согнуть телом и душой в богато расстелившейся перед ним пустыне.

А небо прямо-таки почернело. Грачев знал, что в пустыне бывают иногда страшные грозы, по сравнению с которыми самые сильные грозы в России – это полное спокойствие и умиротворение. Мотоцикл мчался вперед, ломая и так неживые серебристые колючки. Грачев съезжал в огромную чашу, по сторонам окаймленную острыми серыми горами. Посреди чаши из земли причудливо торчали скалы – резкие и угловатые. Кроме черных облаков появилась еще и огромная коричневая туча впереди – она стояла стеной между небом и землей. Впереди горы уже исчезли в крошечной мгле, и Грачев мог, на секунду задрвав голову, увидеть только их вершины, еще не поглощенные пыльной бурей. Юноша упрямо рвался навстречу ей, решив во всем уподобиться своему учителю. Но в какой-то момент благоразумие, а может быть, маленький комочек теплой человеческой плоти, съезжившийся у него за спиной, заставили его остановиться.

Грачев завернул за одну из скал, они с Фарзани прижали мотоцикл к камню и сильнее прижались к ней сами. Небо померкло, и наступила ночь. Комки глины летели Грачеву в лицо, несмотря на убежище, которое оказалось весьма неудачным, так

как ветер проникал за скалу сбоку. Молнии били равномерно, словно небесный рудокоп ударял по земле своей киркой или великан-певец пел все время на одной оглушающей ноте. Глина, смоченная дождем, прилипла к черной краске на лице. Не сразу Грачев догадался спрятать голову между коленей, сжавшись в комок вслед за своей женой. Так и сидел он, беспомощным ребенком ожидая смерти. Последним, казалось, чувством был стыд перед покойным Сардариевым.

Тем не менее в какой-то момент инстинкты обострились, и Грачев сумел переползти в расщелину, где можно было выпрямиться и даже говорить – да и ярость бури немного утихла, хотя до полного затишья было еще очень далеко. Фарзана была рядом, она сказала:

– Я тебя очень люблю.

– И я тебя тоже, – механически ответил Грачев, а потом уже более вдумчиво добавил: – Ты, наверное, скучаешь по садику и птичкам...

– Скучаю. Но не по ним.

– А по чему?

– По своей стране.

– Странно... мне казалось, что тут вся природа похожа. Ну я, наверное, не знаю каких-то тонкостей, ведомых вам, кочевникам. Вы, наверное, каждое дерево и камень помните на своем пути.

– Это не настоящая моя страна.

– А где же настоящая? В сказках, что ли?

– Это долго рассказывать, где она.

– Хм, и как же вы там живете?..

– Мы живем в городе. Правда, в нашей стране нет таких больших городов, как Узра... Нами правит царь Азаранг. Его дед прогнал прежнего нечестного правителя Марадава.

– Ты мне лучше про простых людей расскажи, а не про всяких там политиков...

– Я тебе могу рассказать с самого детства, как у нас там, – сказала Фарзана так, будто уже прожила подробную жизнь от начала до конца. – Когда человеку исполняется пять лет, ему подбирают пять названных братьев по главным звездам, и теперь они вместе на всю жизнь... или пять сестер, если этот семья женская.

Грачев знал, что слово «семья» трактуется на Востоке более широко, чем в Европе, это словно можно понимать и как «род», «клан».

– Как это – женская семья? Совсем без мужчин, что ли?

– Нет, там главные – женщины.

– И ты, конечно, из женской семьи?..

– Да.

– А что еще там у вас интересного для нас, землян?..

Грачев натужно засмеялся.

– Не знаю... Ну, у нас младенцы с зубами рождаются. И все живое светится в темноте.

– Прямо все?! И люди тоже?

– И люди, но цветы сильнее. И бабочки. Иногда их набирают в корзины и делают светильники.

– А войны у вас там бывают?

– Еще как бывают! Моя семья очень воинственная.

Обсуждать жизнь в заповедной стране Фарзана было сложно – выл ветер и грохотал гром. Грачев вытащил из поклажи одеяло, муж и жена уселись на землю. Два живых комка приблизились друг к другу и продолжили свой разговор.

– А черной краской у вас там людей мажут?

– Нет, у нас все справедливо!

– А здесь, видишь, мажут...

Грачев сумел уловить вздох Фарзана. Она немного помедлила, чуть отвернулась и сказала:

– У нас рабам обривают волосы вокруг ушей. Уши у человека не должны быть видны, иначе это позор на всю жизнь. А свободных людей не мучают.

– Хм, откуда ты все это взяла? Я понимаю, ты там жила, в этой стране, но...

– Мой отец очень любит книги. Когда кочуешь, не очень удобно с книгами, но он бережно перевозит с десятков. Ты их не видел у нас? Я все перечитала.

– Нет, не видел. А какие там книги?

– Больше по истории, про древних царей, одна была про историю всего мира, две – про революционеров...

Ветер достиг такой силы, что даже здесь, в укрытии, прислоненный к скале мотоцикл стал шататься. Грачев встал и положил его на землю, колесами к пустыне. Переднее колесо беспомощного мотоцикла зачем-то сделало несколько оборотов.

Муж и жена теперь молчали и смотрели вперед. Земля словно бы дымилась коричневой пылью. Дождь, правда, закончился, но молнии продолжали бить. Грачев приблизился к Фарзана и прижался к ней. Рука его коснулась ее кроссовки – эту обувь Грачев специально купил жене для мотоциклетных прогулок по пустыне. Он расшнуровал неподатливые шнурки, снял носок, и его ладонь легла на ее маленькую ступню.

– Я не могу прийти к тебе лицом. Оно грязное, липкое. Тебе будет неприятно...

В ответ Фарзана начала оттирать его лицо концом одеяла. Но краска совсем не отходила.

– Нет, насилие – это всегда плохо!.. В твоём царстве-государстве не должно быть войн! Пусть там порхают лишь светящиеся светлячки... Посмотри, что сделали со мной, – и ты поймешь мою правоту.

Грачев пытался говорить назидательным тоном, но в его голосе прорезывались плаксивые нотки. Фарзана очень сосредоточенно смотрела на него, стараясь очистить от краски хотя бы кожу вокруг рта. От ее вдумчивой работы Грачеву становилось немного спокойнее.

– Не переживай. Буря стихнет, мы поедим назад, и я убью шейха.

– В каком смысле – убьешь?..

– У тебя же есть пистолет, и ты научил меня из него стрелять.

Фарзана говорила об этом по-будничному спокойно, не меняя пристальный взгляд и ровный тон голоса. Сам Грачев совершенно забыл про свой пистолет. Перед утренней молитвой он засунул его в мотоциклетную сумку, а во время издевательств над собой, учиненного шейхом и его прислужниками, на секунду было вспомнил об ору-

жии, но как-то по-детски. Тогда он без усилия прогнал эту мысль, ибо не смог представить себя в роли мстителя-убийцы. Грачеву никогда не приходило в голову, что он может убить человека.

Во время предыдущих, мирных путешествий в пустыню юноша иногда брал с собой пистолет Сардариева, и они вместе с Фарзана выкладывали столбики из небольших камней и по очереди стреляли по ним. Видимо, теперь девушка вспомнила об этом.

Грачев не смог найти ответа на ее слова и издал лишь какой-то нечленораздельный звук. Фарзана, однако, угадала его настроение. Она чуть отстранилась от лица Грачева, удовлетворенно оценивая свою работу, отбросила в сторону кончик одеяла и сказала:

– Я же из женской семьи.

Услышав эти слова, сказанные тоном спокойной убежденности, Грачев обмяк и уже ни в чем не противоречил своей жене. Позже он так и не смог понять, как они сумели вернуться на виллу – то ли буря неожиданно сошла на нет, то ли им двоим было уже все равно. Наверное, гроза хотя бы немного утихла, если учесть, что юноша на мгновение сумел услышать впереди какой-то гул явно не природного происхождения.

Грачеву очень хотелось плакать, но он не умел. «Я плачу по-сухому», – подумал он и даже усмехнулся про себя. Он видел, как тонкая рука Фарзана скользнула, как змейка, в седельную сумку и достала оттуда оружие. Находясь на переднем сиденье, он мог представить дальнейшее – как тяжелый пистолет исчез в бесконечных складках одежды восточной женщины.

Удивительно, но сначала их как будто никто не заметил. Один из бойцов старика прошмыгнул в виллу, не обратив внимания на вернувшихся. На улице не оказалось никого, даже охраны. Грачев и Фарзана вошли внутрь.

Им попался на пути самый молодой из учеников шейха. Он единственный, как заметил Грачев, смотрел на него с жалостью и некоторым сочувствием после процедуры с черной краской. Он быстро заговорил:

– У нас большое горе. Взорвался ящик с патронами, мы положили его за стеной дома, взрыв выбил стекло, и осколки попали шейху в глаза. Промывали – не помогает, один осколок большой, а доктора у нас нет. Что делать, что делать?!

Фарзана и Грачев проследовали в зал. Там вокруг шейха столпились его воины. Поскольку пришедшие имели вид решительный, как будто твердо знали, что делать, их пропустили.

Старик возле стены лежал на спине на спешно подстеленной одежде цвета хаки. Один глаз его часто и беспомощно моргал, так как осколки в этом глазу были поменьше, а другой не мог моргать, поэтому оставался все время открытым. На лице шейха было несколько свежих ссадин.

Фарзана сделала какое-то движение, Грачев предостерегающе махнул ей, но вышло это неубедительно. Девушка приблизилась к старику и уверенно опустилась на колени, не забыв поправить подстеленный под шейхом китель так, чтобы не оказаться коленями на холодном каменном полу. Затем она наклонилась над его лицом – все в нетерпении подались вперед, Грачев тоже поддался всеобщему на-

строению. А Фарзана языком в несколько движений вылизала осколки сначала из одного, потом из другого глаза. Затем она быстро поднялась и встала в стороне, как и положено было скромной девушке.

Теперь старик моргал уже обоими глазами. Он обхватил рукой косяк двери и попытался подняться. Несколько учеников бросились поддержать его, но он остановил их и велел принести воды. Испытания не повлияли на твердость его голоса.

– Учитель, вы видите? Видите?!

– Вижу, – устало и немного раздраженно ответил шейх.

Самый младший ученик промыл ему спасенные глаза с великим тщанием. Когда шейх снова смог смотреть на окружающий мир, его взгляд упал на Грачева. Он протянул руку к юноше и сказал:

– Его тоже умойте.

Боевики вывели Грачева во двор, принесли воды, мыло и тряпки. Вскоре юноша почувствовал себя вполне освежившимся: рьяные сектанты постарались на славу – от липкой краски не осталось никаких следов, и Грачев ощутил себя другим существом, словно змей, скинувший старую и уже съжившуюся кожу.

Шейх вышел к нему на крыльцо и спросил:

– Может быть, ты уже проголодался?

– Салам алейкум!

– Салам, салам... Так что?

– Есть немного, – слабо улыбнулся Грачев.

– Представь себе, и я тоже. Хотя время ужина еще не настало, мы можем, тем не менее, приступить к трапезе. У меня есть особый, белый горный мед – я еще тебя им не угощал.

Рис и курицу жители Узры могли есть годами – к этому Грачев уже привык. А мед на десерт уже и впрямь был в диковинку.

– Как будто мед и молоко одновременно, – сказал Грачев.

– Если ты мусульманин, ты должен помнить, что в Коране есть кое-что об этом.

– Точной цитаты я не помню. Не знаю, почему до сих пор принято учить Коран наизусть, вроде люди уже научились свои мозги употреблять на более разумные вещи, чем память... Но я помню – там четыре реки в Раю: из воды, молока, меда и вина. Молоко – это удвоенная вода, ибо вода оцифровывается как сорок один, а молоко – как восемьдесят два. А вот с медом посложнее будет... Логично было бы предположить, что мед – это удвоение молока, то есть сто шестьдесят четыре. А он всего только сто шестьдесят. Куда-то делась четверка. Маленькое число, но в таком деле не бывает мелочей. Вы, шейх, случайно не знаете, куда делась четверка?..

– Все, что ты говоришь, походит на бред. И главное – непонятно, зачем это все нужно.

– Нужно влезть в эти цифры, проникнуть по ту сторону координатной плоскости, рассмотреть ее с изнанки, вдоволь полазить и в плюсовой части, и в минусовой, и тогда будет хорошо. Вы увидите странную, переплетающуюся игру этих чисел, если они вечно будут играть у вас в голове, вечно сходить и расходиться. Это так красиво!.. Я как-то нарисовал на компьютере фрактал Божьего Имени «Хай», то есть «Живой» – были бы мы у меня дома, шейх, я бы вам показал!..

Старик покачал головой:

– Ты безумен, безумен... В больнице врачи говорили мне, что ты упал со столичного монорельса вниз головой. Ты, наверное, и в этом видишь знамение: мол, слово «моно» означает «Единый»!..

Грачев фыркнул:

– А что, лучше просчитывать то, кто с кем состоит в родстве, как у вас заведено?

– Родство – перст Божий!

– Скорее возможность надеяться на предков и ничего не делать самому.

– Все вы на Западе так говорите... Совсем стыд потеряли.

– А вы на Востоке потеряли Число, оно выпрыгнуло из вашей сумки, побежало по камням да по долам, смеялся, и прибежало к нам. Упустили, упустили – алгебру, алгоритм, все «ал»...

– Ты по-прежнему хочешь перекрашивать павлина?

– Попытался бы.

«Снова какой-нибудь подвох готовит», – подумал Грачев, но решил сыграть в игру во второй раз. Однако сейчас шейх говорил искренне.

«Наверное, ему будет неприятно», – подумал Грачев, приближаясь к птице с кистью и вспоминая о том, как он сам был на месте павлина.

– Что ж делать, друг, извини. Придется потерпеть... ради небесного прототипа.

Птица, конечно же, начала отбиваться. Дюжий сектант, тот самый, который мучил Грачева, схватил ее сзади – все повторялось. Однако павлин стал сопротивляться не в пример сильнее человека, так что было невозможно приблизиться к нему с кистями.

– Свяжите ему ноги – он сразу успокоится, – раздался из-за спины Грачева голос шейха.

Когда указание старца было исполнено, павлин, действительно, стал гораздо покорнее. Грачев начал красить перья птицы, не трогая пока хвост. Только теперь он понял, за какую адскую работу взялся. Грачев, его жена и двое сектантов колдовали над павлином вечер и весь следующий день. Фарзана взяла на себя самую сложную и важную работу – расписывать хвост павлина тонкими кистями Нури, когда все остальные использовали малярные. Грачев же должен был раскрывать перья хвоста, как ветки в лесу, и долгое время держать их так. Ах, если бы павлин сам соизволил расправить хвост, отдавая должное тому ритуалу, который замыслил Грачев! Но об этом приходилось только мечтать. Руки юноши порядком затекли, он сильно устал за день такой работы – но все равно был доволен собой. То же самое можно было сказать о его жене, у которой под вечер глаза слезились не меньше, чем за день до этого у старика. Когда она подкрашивала тонкие перья на хвосте, составляющие красу павлина – ту самую красу, к которой, если верить шейху и ему подобным, возревновал сам Господь Бог, – Грачев часто видел все то же знакомое ему теперь сосредоточенное, отрешенное выражение на ее лице. Именно с этим выражением она бестрепетно решила убить старца, словно убрать с дороги досадное недоразумение, и Грачев теперь со страхом и любовью изучал новую Фарзана.

Утром третьего дня – если считать от момента первого посещения разграбленной виллы – русский и его жена распрощались с сектантами. Жалко, что не удалось увидеть полностью черного павлина во всей его красе – не нашлось павы, перед которой

он мог бы раскрыть свой хвост. Но и в нераскрытой ипостаси павлин выглядел впечатляюще.

– Пава должна быть, – немного извиняющимся тоном говорил шейх, – но ее, наверное, украли или убили. Удивительно, как он-то спасся, мы и не надеялись...

Покинув наконец виллу Нури, Грачев и Фарзана провели день наедине с пустыней. Юноша ориентировался по карте и компасу, избегая селений. Пекло немилосердно, и встречный воздух не охлаждал – скорее жег. В такой обстановке сложно обращать внимание на живописность окружающих пейзажей – и все же они не могли остаться равнодушными к великолепию пустыни.

Перед ними простиралось переливающееся, разноцветное и разномерное пространство. Оно напоминало гигантскую шахматную доску, где черные клетки можно уподобить горам, а белые – плоским равнинам. Грачев всегда удивлялся, насколько быстро одно переходит в другое: только что земля была совершенно ровной, и вдруг огромный хребет вырастает из земли.

Все без исключения горы были морщинисты и стары, они напоминали Грачеву стены разрушенных городов тех мифических племен, что упоминались в Коране как наказанные Всевышним, или драконьи гнезда, в которых ворочались на жестком ложе огромные огнедышащие рептилии и оставили хорошо заметные по сей день огромные вмятины своих железно-чешуйчатых тел, а иногда и следы страшных небесных битв – пятна яркой драконьей крови. Да, выходы различных руд придавали почве и горам самые фантастические оттенки, словно именно отсюда Господь черпал краски для раскрашивания остального мира огромной кистью – не меньше, чем до неба. Тогда шла работа, противоположная той, которую по непонятному наущению произвел Грачев над павлином. «Что ж – всему свое время, – думал юноша, – и ни в чем нет вопиющего противоречия».

Неудивительно, что здесь так мало теплой, трепетной жизни – краски мира в пустыне слишком густы: пустыня добровольно согласилась быть палитрой и обрекла себя на смерть. Джалол здесь казался гуще, чем воздух. Грачев и Фарзана видели сам скелет Вселенной, пред ними воочию представал замысел Божий, и в матово-голубом зеркале неба, надраенном до блеска катящимся солнцем, люди, хотели они того или нет, наблюдали свою душу, а ничтожность материи, плоти представала пред ними без обычных прикрас.

Вся пустыня была изрисована, как письменами, дорогами – вернее, мотоциклетными и автомобильными колеями. Кто, когда и зачем проезжал тут? Большинство этих дорог использовались по одному разу. Попадались и другие следы людского присутствия – например, одиноко стоящие строения из кирпича, их смысл Грачев также не мог понять. Однажды из-за холма показались деревья – явно сады, значит, близко было какое-то селение. Грачев совсем не хотел видеть людей и взял вправо, чтобы миновать встречи с ними. По счастью, воды было достаточно – беглецы расходовали ее весьма экономно, несмотря на жару. Фарзана не капризничала – сказала выучка кочевницы. А зачем заезжать к людям, если еще есть вода?..

Солнце уже клонилось к вечеру, резкие, агрессивные краски гор стали нежнее – пустыня словно бы улыбнулась Грачеву таинственно, как женщина. В свете этой ее улыбки он заметил какие-то сооружения в очередной чаше, образованной холмами. Грачев удивился, как поздно он заметил эти строения – они были одного цвета с желто-коричневой

глиной, составлявшей основу пустыни. Перед Грачевым появилось старое, заброшенное селение. Он и раньше видел такие во время небольших путешествий. Селение напоминало крепость – внешние стены домов представляли собой укрепления: дома были поставлены впритык друг к другу, так, что получался правильный четырехугольник. Сюда же были встроены дом и мечеть, а по углам возвышались небольшие, в два раза выше домов, круглые башни. Все это было сооружено из одного и того же нехитрого материала – глины с соломой, причем глина бралась прямо из-под ног. Если враги не знали точно местоположения деревни, то они могли пройти всего в километре и не заметить ее – если, конечно, никто не готовил пищу.

Сейчас жители страны уже не обитали в таких деревнях-крепостях – они строили где-то в километре от старой новую деревню из отдельно стоящих кирпичных домов со всеми удобствами и домофонами на дверях и перебирались туда. Через узкий проход Грачев и Фарзана въехали внутрь укрепления. Здесь, как и ожидал русский, было пусто. В середине крепости возвышалось конусообразное сооружение – хранилище для воды.

– Тут мы и заночуем, Фарзана. Теперь это будет наш город.

Действительно, Грачев не воспринимал это сооружение со стенами как деревню – скорее, как маленький, но все-таки город, хотя в каждой из четырех стен было не больше дюжины домов-ячеек. О современности здесь напоминали лишь несколько пластиковых пакетов, принесенных ветром. Стояли здесь и несколько кривых, сухих деревьев, говоривших, что поселение было оставлено людьми не так уж и давно. Силуэты деревьев выглядели причудливо в мерцающем огне газовой горелки, на которой Фарзана готовила ужин. Грачев был очень утомлен дорогой, ему еще никогда не приходилось проводить за рулем весь день, поэтому время ожидания ужина и собственно сама трапеза как-то выпали из его памяти, а остались только неживые деревья и глиняные стены, как будто сами, по дуновению ветра, возникшие в пустыне, где так трудно отличить дело рук человеческих от творений природы.

Ночью Грачев видел, как горы начинают двигаться, сжимая долины: так сказано в Коране – что они ходят друг промеж друга, словно тюлени. И когда он проснулся при первых лучах солнца, то привычно собрался на молитву, поблагодарив Бога, что вовремя пробудился. Чтобы точно определить направление молитвы, Грачев достал компас и вдруг обнаружил, что небо розовеет на западе. Удивленно он поднял свое лицо выше и увидел, как несколько звезд падает, вольно простирая пути свои к непоявившемуся еще солнцу. Не совсем придя в себя ото сна, юноша вспомнил: «Когда звезды облетят, и когда горы сдвинутся с мест...» – это они читали с Сардариевым за несколько дней до гибели друга.

«А не теперь ли конец света?» – подумал Грачев. Точно, все приметы совпадают, только трубного гласа не слышно, но возможно, что именно он-то и разбудил беглеца. «Неужели наконец начнется настоящая жизнь?!» – подумал он, в напряжении вглядываясь в силуэты кругом. Однако не должно забывать и о молитве – не решившись будить свернувшуюся калачиком Фарзана, юноша помолился в одиночку, сориентировавшись в спорном вопросе о сторонах света на солнце.

Ставшие уже привычными телодвижения окончательно разогнали сон, и к Грачеву вернулось чувство реальности. Он зевнул, сел на землю и вновь взглянул на компас.

Наверное, какие-то залежи руды в богатой разноцветными минералами пустыне отклонили его стрелку.

Еще пару часов Грачев провел в полудреме, то обдумывая свою судьбу – чуть ли не впервые за всю жизнь, то проваливаясь в забытие и видя там подтверждения или, напротив, опровержения своих мыслей. Вспоминался ему черный павлин, затейливое кружево его длинного черного хвоста, возникало лицо шейха, который умел чувствовать, но не хотел пойти навстречу этому чувству из опасения потерять связь со своими родственниками, вспоминались азиатские жители, которые до того панически боялись Числа, что не желали давать номера своим домам и городским автобусам, отчего водителям приходилось рассказывать маршрут чуть ли не каждому пассажиру или писать его от руки корявыми буквами на лобовом стекле, вспоминались Сардариев с «Калашниковым» и Фарзана с пистолетом. Грачев подумал, что нужно бы отобрать у девушки оружие. Когда она пробудилась, муж в первую очередь потребовал у нее пистолет.

– Я тебе боялась говорить, – виновато ответила еще сонная Фарзана, – но я его потеряла.

– Потеряла?.. Когда?!

– Вчера. Не знаю, когда. Наверное, выпал, пока на мотоцикле ехали.

«Врет, наверное, – подумал Грачев, – или отдавать не хочет, или, если оружия у нее действительно нет, сама потихоньку выкинула».

– Я хочу спать. Можно еще спать?..

– Нет, нельзя. Скоро станет совсем жарко.

Управляя мотоциклом, Грачев продолжал думать о том, что женщине верить нельзя. В принципе верить не стоит вообще ничему и никому. Как скучна была бы жизнь, если бы в ней не было подспудных, придонных течений! Сами священные книги, глаголющие вечные истины, – разве не запутаны они так, что дух захватывает? Выходит, что Фарзана поступила правильно, не отдав пистолет Грачеву, вне зависимости от того, припрятала ли она это оружие, выбросила ли или действительно потеряла. Вообще женщинам можно позавидовать, думал русский. Они могут все то, на что способны мужчины, и многое еще. Главное, наверное, что они лучше знают искривления пространства и времени. Шариат, столь часто обвиняемый в желании закабалить женщину, является в действительности лишь способом хотя бы внешнего уравнивания ее первоначальной более высокой позиции с мужской для того, чтобы совсем уж не ронять мужчину в его собственных глазах и позволять ему тоже жить ради всеобщего блага.

Второй день движения по пустыне оказался более жарким и мучительным, чем первый. Если до этого на небе попадались хоть какие-то облака – последний подарок уходящий весны, – то теперь оно было пустым и сверкало, как медное блюдо, только что купленное на базаре. Грачев и Фарзана выдержали всего четыре часа езды. Опасаясь теплового удара, русский решил отдохнуть под маленькой тенью большой черной скалы.

Фарзана разложила порядком пропылившееся одеяло, и Грачев провалился в сон уже по-настоящему. Через час он проснулся от лучей переместившегося солнца и собрался было забиться в узкую выемку в скале, но Фарзана сказала, что нашла другую

скалу – желтую, которая была чрезвычайно удобна тем, что нависала над землей. Пока перетаскивали вещи, Грачев понял, что более или менее взбодрился и отнюдь не хочет больше спать, но не может даже выйти на солнце, ибо двухсотметровый путь от одной тени до другой заставил его почувствовать все прелести Геенны огненной. В детстве, прочитав по настоятельному совету родителей какой-то роман Жюль Верна, Алексей запомнил словосочетания «Северный тропик» и «Южный тропик». Теперь, в двадцать два года, ему вспомнились эти названия и подумалось, что это – наименования двух вечно раскаленных противней, между которыми он оказался.

Грачев решил пока не ехать дальше, а переждать еще два-три самых жарких часа, благо имелась роскошная тень. Сперва он, вновь расположившись на одеяле некогда ярко-оранжевого окраса под новой скалой, стал читать стихи Гумилева, распечатанные им на принтере в офисе Бурмистрова за два дня до начала войны. Посвятив этому занятию какое-то время, Грачев отложил чтение и подумал о том, что уже много дней не слышал русской речи и его это нисколько не огорчает, и еще о том, что у него абсолютно отсутствует желание возвращаться в благополучную Москву. Ему хотелось и дальше погружаться в колодезь немоты – необходимость разговаривать исключительно на неродном языке дарила некое блаженное отчуждение, давно желаемое одиночество.

Грачев лениво думал о том, чем бы занять себя, словно какой-нибудь богатый бездельник на своей вилле. Он хотел расспросить сидящую рядом Фарзана про ее страну – видимо, ту самую «Индию духа», о которой юноша только что прочел у Гумилева, – и даже повернул лицо к жене, но раздумал. Зачем пытаться быстрее раскрыть все тайны? Он уже действовал так в случае с Марой и Арзу и не хотел повторять ошибку. Вспомнив про сестер, Грачев немедленно подумал о том, что выступ на скале, под которым он с юной женой так счастливо укрылся, похож на грудь Мары.

Провалившись без толку еще минут десять, Грачев перевернулся на живот, и его лицо оказалось у самого края одеяла, так что он мог разглядеть в упор плоть пустыни. Она состояла из множества разноцветных камешков – в основном цвета были блеклые, но некоторые даже очень яркие. Грачев чуть приподнял голову и, обозревая открывшиеся ему слепящие просторы, подумал: неужели все они сложены из мелкой гальки наподобие той, что находятся возле его носа? Конечно, скалы устроены по-другому, но сухие сыпучие потоки, спускающиеся огромными языками вниз, в низины, и заполняющие большую часть окружающего Грачева пространства, именно таковы. Стало быть, если взять в руки один камень, можно держать у себя на ладони целую пустыню! Грачев так и сделал; рассматривая маленький и какой-то даже смешной кусок породы, он подумал, что в его скромном открытии нет ничего удивительного. Он вспомнил, что весь материальный мир состоит из атомов, и, представив копошение атомов и молекул, – примерно так, как показывают это в научно-популярных телепередачах, – подумал о том, что между молекулами очень много пустоты, занимающей неизмеримо больше места, чем объем самих молекул. А если посмотреть глубже? Грачев слышал о том, что, если бы ядро атома имело размер яблока, то величина всего атома составляла бы несколько километров, а каждый из его электронов на орбите был бы при этом меньше вишни. То есть между яблоком и границами этих километров – пустота, одна пустота. «И в пустоте, наверно, струится черный свет... А ничего

у нас павлин вышел, даже при том, что не захотел хвост распускать», – подвел итог своим размышлениями Грачев.

Камешек по-прежнему лежал у него на ладони. И тут юноше пришла в голову мысль, чем все-таки можно заняться в пустыне, и не совсем без пользы. Он вспомнил, что в мирное время, проезжая возле Узры по трассе на автобусе или машине, нередко видел выложенные на окрестных холмах белые надписи на арабском, прославляющие Всевышнего или Его избранных. Почему бы им с Фарзана не выложить подобную надпись здесь из камней? Склон одной горы, возвышающейся совсем рядом с Грачевым, хорошо подходил для этой цели. Надпись была бы видна с расстояния нескольких километров – и, кто знает, какие-нибудь люди увидели бы надпись, удивились бы и обрадовались, что место это отнюдь не забыто Богом. А если бы никто и не увидел, все равно получилось бы красиво.

Грачев рассказал о своей идее Фарзана, и та с радостью согласилась, ибо тоже скучала.

– Мы выложим слово «Аллах», – сказал ей муж, – только давай сначала камней наберем, не очень больших, но и не очень маленьких. Сначала поблизости поищем, чтобы сильно из тени не выходить, а потом и подалее.

Каждый стал собирать камни. Грачев заметил жене:

– Нужно собирать только черные камни, а ты собираешь разные. Их не будет заметно. Идеальны были бы белые, но тут их совсем нет.

По правде говоря, Грачев и не хотел делать надпись белой, ведь он устроил небольшую войну белому цветку.

Но Фарзана имела свое мнение. Она сказала:

– Мы выложим надпись из разноцветных камней. Так будет красивее. Да и собрать проще.

– Нашла где лениться! Здесь, наверное, половина камней черные.

– Нет, надо цветные.

Начался семейный спор – бессмысленный, как и все подобные споры от сотворения мира. Скоро и муж, и жена забыли, с чего начались пререкания, и стали настаивать на своем лишь из упрямства, изредка поминая повод спора только для того, чтобы удобнее запутать другого и все-таки добиться собственной победы. Несколько дней сильнейшего нервного напряжения, страшная усталость, жажда, плохая еда и скудный сон дали наконец о себе знать.

Они оба вспомнили все дурное, что произошло за их недолгую семейную жизнь, и, хотя этого дурного накопилось не так уж много, на одну большую ссору хватило. В результате Фарзана развернулась, побежала и скрылась за выступом скалы. Сначала Грачев совсем не беспокоился и думал лишь о том, как бы сильнее наказать беглянку, когда она вернется. Затем, выждав минут десять, он стал беспокоиться, но не очень сильно, памятуя, что пустыня должна быть для Фарзаны родным и привычным местом, гораздо более понятным, чем для него самого. Через какое-то время Грачев испугался всерьез. Солнце еще несколько не умерило своего жара, а Фарзана даже не взяла с собой ни капли воды. В пустыне сложно было найти даже простую тень.

Больше часа бегал он по разноцветным холмам, кричал – все без пользы. Потом догадался завести мотоцикл и разрывал тишину пустыни ревом мотора, давил на

газ так, что у самого чуть не лопнули барабанные перепонки. О, как он хотел теперь, чтобы Фарзана действительно сохранила пистолет: тогда она могла бы выстрелами дать знать о себе, о том, в какую сторону направить поиски. Юноша боялся уехать от места, где они расстались, и опасался сильно удалиться от мотоцикла, чтобы не потеряться самому, – и все-таки это случилось. Конечно, положение у Грачева было лучше, чем у его жены, – ведь он прихватил с собой бутылку с водой.

И в этот момент ужас пустыни пробрался в его сердце. На жаре его сковал страшный озноб, и он сел, почти рухнул на глину. Неужели этот человек только что мечтал написать Имя Божье огромными буквами на скале? Грачев словно бы протрезвел – он ощутил себя подобно тем несчастным, которых пытали, сначала накачивая их наркотиками, а потом, сдирая кожу, с садистской усмешкой ожидали того момента, когда действие дурмана закончится.

Он издал несколько коротких криков, тонких, как у раненой птицы. На секунду Грачев даже сам удивился этим странным звукам, вырвавшимся из его горла, но через мгновение вновь не осталось иных чувств, кроме отчаяния. Человек без родины, без религии, – ибо новообращенную он в этот миг забыл, а старой не имел, – без семьи, без рода занятий вертелся на раскаленной земле, как на сковороде. Единственное его имущество – пластиковая бутылка с водой – покатилося с горы вниз, он заметил это краем глаза и неосознанно сделал движение в ту сторону. И тотчас же сам покатилося, царапая лицо о колючки, ударяясь телом о камни. Неожиданно ему это понравилось, он летел, вертясь, по некрутому, но длинному спуску – и детская радость пронзила душу почти так же сильно, как мгновение назад отчаяние. Боль была в радость, и горы на этот раз действительно пришли в движение – только они не шли, как в Коране, а вращались. Пустыня и весь мир как будто размотались в огромную ленту, которую Грачев успешно собирал и сворачивал своим телом. Так пришло новое опьянение. Правда, продлилось оно недолго.

Вскоре тело Грачева докатилось до подножия холма. Русский сел, обхватив руками колени. Бутылка замерла возле его ноги. Лицо было исцарапано, тело избито – но настоящих ран он не получил. Глаза его бессмысленно уставились на солнце, в сторону которого он катился. Но вскоре то же солнце породило в голове Грачева одну мысль. Он понял, что необходимо помолиться. Еще когда юноша лежал, лениво почитывая Гумилева, он понял, что полдень прошел и пора бы приступить к молитве, но все откладывал это действие – ведь, согласно шариату, человек имеет несколько часов для того, чтобы прочитать намаз. Потом, во время истеричных поисков, молитва, конечно же, вылетела из мыслей Грачева, и сейчас остался последний шанс успеть.

Чтобы сэкономить воду, он совершил символическое омовение песком – сильно ударил обеими по нему ладонями, подняв небольшую тучу пыли, и обтер этими не очень-то чистыми руками лицо. Грачев вспомнил, как яростно читал молитву Сардариев, и стал говорить священные слова именно так. Хотя его голова была смиренно наклонена, а взгляд опущен, как и положено, но начал молиться Грачев напористо. И то, что дневные молитвы положено читать про себя, ничуть не смущало его. Он забыл о своих бедствиях, забыл о Фарзана, и теперь внутри самого себя яростно провозглашал Слово Божие, рубил мечом опутавшие мир канаты неверности. Если несколько минут назад он начисто забыл о Боге, то теперь точно так же забыл обо всем

остальном. После долгого пребывания под жгучим солнцем, после падения с горы в глазах у него то темнело, то светлело, а тело слушалось с трудом. В какие-то мгновения Грачев словно налетал на невидимое препятствие – язык еле ворочался во рту, но в другие мгновения он начинал прямо стрелять словами.

Грачеву показалось, что он забыл совершить поклон и молитву нужно прочитать заново, и это обрадовало его. Затем Грачев прочитал еще несколько молитв, пропущенных раньше в суматохе. Он все делал на одном дыхании – пусть это дыхание было судорожным и неровным. Ярость Всевышнего, обрушившаяся на юношу, теперь переполнила его, и из жертвы он превратился в зеркало, устремляя силу гнева во все стороны, и был счастлив этим.

Наверное, именно поэтому после окончания молитвы Грачев почувствовал себя очень нехорошо. Он добрался до ближайшей тени – теперь, когда солнце склонилось ниже, спрятаться от его лучей стало проще – отхлебнул воды из бутылки и провалился в мутное забытье. Когда Грачев поднялся на ноги, то вновь пошел по пустыне, тяжело поднимаясь на возвышенности. После третьего подъема он увидел надпись. Он долго моргал, вглядываясь в нее.

Имя Божье искрилось разными цветами, конец его непостижимым образом соприкасался с началом, хотя буквы были прямыми. Все четыре буквы, из которых состоит слово «Аллах», были хорошо различимы, и тем не менее рисунок вязи напоминал спираль, ввинчивающуюся вглубь земной плоти, или цветок с четырьмя лепестками. Грачев не мог понять, как существуют линии, которые одновременно прямы и столь причудливо изогнуты, и как именно у Фарзана все это получилось. Он увидел ее маленькую фигурку – словно точку над последней буквой. Точка медленно двигалась – только потому Грачев и понял, что это Фарзана, а не один из штрихов удивительной картины.

Суетиться больше не было смысла, Грачев медленно пошел навстречу своей жене. Она как раз заканчивала надпись. Подойдя к первой букве, «алиф», Грачев с удивлением понял, что буквы сложены только из черных камней, как он хотел. Фарзана ждала его, и они обняли друг друга. Жена тоненьким голоском извинилась перед мужем, а он – перед ней. Грачев сказал, что он потерял мотоцикл, но Фарзана только улыбнулась, взяла его за руку и повела как будто по хорошо знакомому пути. Со стороны, наверное, было смешно, ведь ведущая была гораздо ниже ведомого. Шагов через триста Грачев почему-то украдкой обернулся назад – он увидел, что надпись вновь начала обретать оттенки, она была цветной только тогда, когда виделась как единый штрих. Оказавшись на высоком месте, они с Фарзана долго смотрели на Имя. Грачев сразу не заметил, что Имя словно колышется на волнах пустыни, – он увидел это только сейчас. Цвета тоже потихоньку менялись, струясь по жилам буквенной вязи. Стоило всего лишь развернуться, чтобы увидеть ярко-красный мотоцикл.

Но Грачев долго не разворачивался. Он пытался понять, почему выложенные его женой буквы дают столь причудливый эффект. Как это возможно? В мыслях юноши всплывали фразы вроде «четвертое измерение», «пространственно-временной континуум», но он плохо представлял, что все это значит в реальности. И тогда Грачев понял, что он должен делать дальше. Для создания единой системы знаний на основе оцифровки Священных текстов необходимо по-настоящему знать математику и фи-

зику. Сардариев, несмотря на всю свою неукротимую энергию и желание заниматься абджадом, так и не смог достичь серьезных успехов в этой многотрудной науке. Авторы тех немногих древних книг, посвященных ей, которые отыскал чеченец, тоже могли объяснить Коран не лучше, чем на уровне «дважды два – четыре». И то, что даже при той слабости знаний о свойствах Числа у них получались довольно впечатляющие для своего времени результаты, доказывает, что при подходе с позиций современной науки можно достичь потрясающих успехов, способных наполнить человека безмерным восхищением перед величием Всевышнего. Поскольку Грачев учился в физико-математической школе, то он имел хотя бы примерное представление о том, сколь далеко ушла современная наука о Числе от обычного школьного уровня, от стандартной арифметики, в какие высоты абстрактного духа воспарила человеческая мысль. А ведь древние ученые не успели применить даже комплексные числа, разработанные в пятнадцатом веке, поскольку именно в это время начался кризис исламской мысли. Еще при жизни своего учителя Грачев сводил пары коранических Имен Божьих вроде «Тайный» и «Явный» в комплексные числа, но из-за скудости своих познаний не мог добиться ощутимых результатов.

Значит, нужно вернуться в Россию и начать серьезно изучать законы жизни чисел в каком-нибудь университете, благо знания из этой области на родине Грачева все еще давались на хорошем уровне. Если раньше систематическое обучение было для Грачева каторгой, ибо он, подобно миллионам своих сверстников в России, не видел в этом никакого смысла, то теперь он четко представил, зачем ему нужно образование. А ведь и попасть в подобное учебное заведение не очень сложно, ибо конкурс на таких факультетах невелик. Самые большие проблемы предстоят с Фарзана, с оформлением ей российского гражданства. «Будем уповать на помощь Божью», – несколько отстраненно подумал юноша и, неопределенно махнув рукой в сторону мотоцикла, дал этим знак спускаться с холма.

Можно, конечно, доверить свое дело другим людям, взяв на себя лишь организаторскую часть, – Грачев так и собирался поступать раньше, не зря же он приспособил к делу парня из Днепропетровска, – но еще в процессе работы понял, что нельзя в точности объяснить другому человеку свое видение какого-либо предмета и дать понять ему, что же в действительности необходимо делать. Можно передать лишь внешнюю часть своей идеи, но не ее суть, а значит, главное нужно делать именно самому.

Через пару часов мотоциклетной езды, когда солнце уже садилось, но было еще достаточно света, Фарзана стала сильно дергать Грачева за рукав. Юноша пытался спросить ее на ходу, что случилось, но не мог расслышать ее тонкий голос и принужден был остановиться.

- Ну, что такое?
- Мы уже видели эту скалу. И эту, и ту тоже...
- По-моему, они все одинаковые.
- Нет, не все.
- Так ты будешь изучать числа вместе со мной?..
- Я же сказала, что буду.
- Да это как с русским языком – вроде захотела, а потом поленилась...
- Нет, теперь будет по-другому, – терпеливо разъясняла Фарзана.

Грачев отвернулся, собрался вновь нажать на газ и вдруг заметил, что одна из скал действительно здорово напоминает ту, за которой они прятались от песчаной бури, когда Грачев размазывал по лицу черную краску в тщетных попытках избавиться от нее. Долина, уходящая направо, очень напоминала ту, по которой они с Фарзানে ехали на виллу убить шейха. Эта долина как раз простиралась в том направлении, в котором, как был только что уверен Грачев, им нужно было ехать, чтобы попасть в мирный портовый город. Нехорошие чувства стали закрадываться в душу юноши, и он решил проверить свои подозрения.

Они оправдались. Через полчаса мотоцикл подъехал к столь хорошо знакомой разрушенной вилле.

– Бли-и-ин! – выдохнул Грачев, заглушив мотор.

– Что такое блин?

– Это такой вид русской еды, – мрачно сказал Грачев, осматриваясь по сторонам.

Почитатели павлина покинули дом, здесь было пусто – как в тот вечер, когда Грачев впервые привез сюда Фарзане.

– Что я делал не так?! Я же все время смотрел то на солнце, то на компас!.. Наверное в этом-то и дело, что они показывали разное в этой ужасной пустыне, и надо было выбрать один источник...

Но истерики не получилось. То ли Грачев слишком устал с дороги, то ли в его сердце еще оставалось блаженство, обретенное при созерцании надписи, и теплота от принятого впервые в жизни серьезного решения все еще грела его, – так или иначе, юноша не сумел всерьез обидеться на судьбу. Они снова расстелили одеяло на привычном месте, а с утра вновь встали на молитву вместе с солнцем.

Помолившись, они еще минут пять пробыли на улице, как бы чего-то ожидали. И все повторилось – они снова увидели павлина. На этот раз птица не кокетничала и не мелькала в отдалении, а сразу вышла к людям. У Фарзане и у Грачева вырвался одновременный возглас удивления, ибо они увидели цветного павлина.

Махди уселся на землю, чтобы снизу смотреть на то, как Фарзане и павлин стоят друг напротив друга и смотрят друг другу в глаза. Девушка поднесла палец к губам – эту ее детскую привычку муж хорошо знал. В этот самый момент огромная птица задрожала и раскрыла хвост, и сидящий на земле юноша оказался словно под куполом храма. На секунду он обернулся, поискав глазами невзрачную паву – ведь ему было известно, что павлин демонстрирует собственную красоту лишь для того, чтобы порадовать супругу. Но затем снова с восхищением уставился на птицу, понимая – чудо закончится в любое мгновение. В голове промелькнули слова из книги про опьяненного нищего: «И открылись мне удивительные вещи: почему Трон Господень гладкий, почему на высшем небе нет звезд, и многое другое, что не могу поведать». А Фарзане все стояла перед павлином и перед мужем, не отнимая пальца от губ.

ГАРМОНИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Ренат Беккин

Я не встречал ни одного человека в Казани, который бы решительно ничего не слышал о Зуфаре абый. Но мало кто мог похвастаться тем, что встречался с ним. Это обстоятельство привело к возникновению жесточайших войн между сторонниками различных версий биографии Зуфара абый. Мужья покидали жен, сыновья оставляли отчий дом, работники требовали расчета у работодателя – и все это из-за Зуфара абый. Поговаривают, что иные дискуссии заходили столь далеко, что в дело приходилось вмешиваться компетентным органам.

Споры о том, кто же такой Зуфар абый, не утихали даже в период летних отпусков. Со временем интерпретаторы биографии Зуфара абый разделились на три партии. Одни утверждали, что никакого Зуфара абый никогда не существовало и что это не более чем плод больной фантазии татарских краеведов, другие клялись, что такой человек действительно жил в Казани, но не в наши дни, а в XVIII столетии и что был он подвергнут лютой казни по именному указу Анны Иоанновны за соращение в магометанскую веру трех крестившихся черемисов. Третьи, демонстрируя сомневающимся фотографию, на которой рядом с президентом Шаймиевым был запечатлен похожий лицом на расплывшего выхухоля в нахлобученных на нос больших круглых очках человек в коричневом берете, шепотом клялись, что это и есть «тот самый» Зуфар абый.

Пока одни зуфарабыйеведы обзывали других зуфарабыйеведов «манкуртами» и пригвозждали к позорному столбу за незнание истории собственного народа, человек по имени Зуфар абый, отдаленно напоминавший лицо, попавшее в кадр вместе с президентом республики, ни о чем не ведая, жил в типовой девятиэтажке на улице Эсперанто. Уличные сплетни мало занимали его: Зуфар абый заканчивал социологическую диссертацию с рабочим названием «Объективные и субъективные трудности, возникающие на пути людей, работающих над диссертацией», и все, что не было связано с темой его исследования, вызывало на его лице, которое и вправду при внимательном рассмотрении напоминало мордочку разъявшегося выхухоля, выражение беспредельного хладнодушия. Но даже в самые тяжелые минуты своей жизни Зуфар абый не допускал мысли о малейшем сходстве собственной физиономии с мордой какого-либо животного. Однажды студенты, желая задеть Зуфара абый, спросили его, как будет по-татарски выхухоль, тот бойко ответил: жофар. С тех пор студенты за глаза называли его Жофар абый.

Зуфар абый был строгим преподавателем, но молодежь верила ему. Его лекции по арабо-мусульманской философии не пропускали даже уборщицы. Не понимая смысла большей части прочитанного лектором материала, они в страхе и восхищении наблюдали, как утробистый Зуфар абый проворно перемещался по залу и подобно бесноватому

жрецу, закатив глаза, нечеловеческим голосом выкрикивал труднопроизносимые арабские слова и выражения. Зуфар абый был филологом по образованию, философом – по призванию и социологом – по решению диссертационного совета.

Каждый присутствовавший на лекции Зуфара абый ни минуты не сомневался, что это именно к нему лично обращает свои дивные певучие слова этот ласковый толстяк в очках и клетчатой рубашке, что это ради него одного организовано все это стройное магическое действо. Некоторые особо впечатлительные студентки на лекциях Зуфара абый забывались настолько, что представляли себя в домашней обстановке в коротком полупрозрачном халатике «для особых случаев» и лохматых домашних тапочках с песьими головами в натуральную величину. Поговаривают, что по прошествии известного времени они обнаруживали, что беременны. Впрочем, этим словам не следует верить. Зуфар абый был строгих нравов и не одобрил бы ничего подобного.

Коллеги Зуфара абый, если у них образовывалось «окно», также были не прочь скоротать время на его лекциях, чем вызывали недовольство студентов, которым приходилось освобождать с трудом завоеванное место в набитом мыслящими индивидуумами зале.

Как-то раз на лекцию Зуфара абый забрел старейший преподаватель университета – Револь Рэмович Бикмуллин. Он спутал лекционный зал с помещением профкома, куда он направлялся за путевкой в санаторий «Красный богатырь». Этот желтокожий лохматый старик с фиолетовыми губами и одним полузакрытым глазом начинал свою педагогическую деятельность еще до Финской кампании. В университет приходили молодые амбициозные преподаватели, насмехавшиеся над ним как над пережитком прошлого, не поспевающим в ногу со временем, на его глазах они превращались в беспомощные развалины и с почетом уходили на пенсию или в могилу. Сам же Револь Рэмович все эти годы продолжал трудиться доцентом на кафедре мертвых и исчезающих языков, обучая студентов языку древних шумеров. Уволить старика в «проклятые» девяностые и «жирные» нулевые не поднялась рука ни у одного из поспешно сменявших друг друга ректоров.

Еще каких-то двадцать лет назад лекции Револя Рэмовича пользовались меньшей популярностью, чем выступления Зуфара абый, – на них перебивали люди со всей Казани и окрестных деревень. Нередко ответы на вопросы слушателей затягивались до позднего вечера: народ не хотел отпускать лектора – в стране была перестройка, и интеллигент на короткое время стал подлинным хозяином дум. Все искали ответ на вопрос: как жить дальше? И некоторым счастливчикам удавалось найти его с помощью Револя Рэмовича.

В тот знаменательный день, когда Револь Рэмович ошибся дверью, он вошел в зал и, рассеянно щурясь, решил присесть передохнуть на пару минут. Ему без промедления освободили место в первом ряду. Но, присев, ветеран педагогического фронта очень скоро забыл о «Красном богатыре» с его грязевыми ваннами и душем Алексева. Происходившее в зале подхватило, закрутило его и не отпускало до самого «звонка», сообщавшего записанным на магнитофон петушиным криком об окончании пары. Когда Зуфар абый подошел к Револю Рэмовичу после лекции, чтобы поблагодарить за оказанную честь, тот, давясь слезами, прошамкал: «Вот теперь наконец можно и умереть». Вскоре он и в самом деле умер. Говорят, что, достигнув пенсионного возраста, Револь Рэмович дал себе обет не покидать этот мир, пока не повстречает достойного преемника.

В отличие от студентов и коллег университетское начальство относилось к Зуфару абый с оскорбительным недоверием. С некоторых пор его считали опасным смутьяном и вольнодумцем. Причиной тому послужили слова Зуфара абый, которыми он завершил одну из своих лекций: «Я буду считать себя самым счастливым из живых существ на этой грешной и многострадальной Земле, если хотя бы часть присутствующих здесь выберет своим поприщем науку, потому что наука – это одна из немногих ниш, где можно укрыться от мерзостей нынешней жизни».

Слова эти, оказавшиеся цитатой из произведения какого-то французского философа, в несколько преувеличенном виде были доведены одной бдительной уборщицей до сведения «кого следует», и Зуфара абый немедленно потребовали к начальству.

Пока Зуфар абый шел к декану, он несколько раз громко чихнул. Но это не принесло ему облегчения. Когда Зуфар абый взялся обеими руками за непокорную дверную ручку кабинета декана, почему-то испачканную губной помадой, он в тот же миг почувствовал во рту неприятный привкус горечи, а под мышками у него закололо так, словно какой-то шутник зачихнул ему туда по еловой веточке с острыми кусачими шишками.

– Что вы имели в виду под мерзостями нынешней жизни? – спросил Зуфара абый декан. – Если вас что-то не устраивает, вас здесь никто не держит.

– Зря вы, Мансур Мифтахович, слова такие говорите уж, – Зуфар абый кокетливо поправил воротничок своей давно не стиранной клетчатой рубахи, снял очки и стал усиленно тереть их какой-то старой тряпкой, извлеченной из заднего кармана джинсов. – Как говорится, от одного коня пыли не бывает.

– Что вы этим хотели сказать? Выражайтесь яснее.

– Я хотел сказать: какой от меня, отторгнутого обществом безумца-одиночки, может быть вред нашей, так сказать, альма матер?

– Вы находитесь в государственном учреждении, получаете от государства зарплату и позволяете себе двусмысленные высказывания! – по-бумажному красиво говорил Мансур Мифтахович.

– Я?! Что же это вы такое говорите, – суетливо отвечал Зуфар абый, пристраивая на свой выхухолеподобный нос очки. – Вы, пожалуйста, выводов поспешных насчет меня не делайте уж. Недаром говорят: «Кто поспешит, тот обожжется супом!»

– Какой, к черту, суп? Вы что вообще на лекциях студентам рассказываете? Надо будет прийти послушать.

– Мансур Мифтахович, для меня большая честь, если вы придете.

– Не сомневайтесь: приду. И мой вам совет: постарайтесь думать о том, что говорите.

– Благодарю вас, Мансур Мифтахович, – с серьезным видом произнес Зуфар абый, – это ваше последнее указание особенно ценно для меня. Я непременно учту его на своих лекциях...

Пощипывая себя пониже спины, вспотевший Зуфар абый поспешил прочь от декана, жутко довольный своей находчивостью. Декан и вправду его больше к себе не вызывал, а на ближайшую лекцию вместо себя («много чести ему будет») прислал свою секретаршу – пышнотелую крашеную брюнетку Зулю, страдавшую базедовой болезнью. Зуля вернулась в восторге с широко раскрытыми глазами, на вопрос декана, о чем была лекция, силилась что-то вывести губами, но вместо слова «перипатетизм» обхватила лицо руками и расплакалась.

– Вы не знаете... вы не знаете, что это за человек, – борясь со слезами, шептала она. – Вы не знаете, что это за человек...

Но декану было уже не до Зуфара абый, который выпал из его поля зрения подобно паршивой овце, которую бросили на произвол судьбы, когда на стадо напал волк. В роли санитаря леса выступила нежданно нагрянувшая контрольная комиссия, проверявшая порядок расходования выделенных на написание научных монографий грантов. Исследователи получили деньги, освоили их, но никаких книжек не написали. Говорят, инициатором проверки был не кто иной, как Револя Рэмович, которого лжеисследователи опрометчиво не включили в число грантополучателей. Старик привык бороться с врагами народа и своими личными недругами старыми методами, опробованными им еще в конце тридцатых годов прошлого столетия.

К моменту окончания работы контрольной комиссии Револя Рэмовича уже не было в живых, иначе бы он узнал, что проректор по науке получил год условно, декан ушел по собственному желанию, которое было столь велико, что он даже не успел попрощаться с преподавателями и студентами, а секретарша Зуля отправилась в декретный отпуск, хотя не состояла замужем и не имела близкого друга.

Избавленный от позорного увольнения с волчьим билетом за неблагонадежность и профнепригодность, Зуфар абый продолжил неистовствовать на лекциях. Узнав от коллеги Шмуэля Марковича об уходе декана («декана-то нашего, Мифтаховича, выгнали к чертовой матушке»), Зуфар абый многозначительно произнес: «Будь проклята как белая, так и черная змея». Этой двусмысленной фразой он вызвал у некоторых преподавателей подозрения в своей причастности к низвержению нелюбимого всеми декана. Зуфар абый об этих домыслах вряд ли догадывался, а если и ловил на себе пытливые взгляды коллег, то не принимал их близко к сердцу. Он был занят диссертацией и еще тучей других дел, которые непосвященному могли показаться детской, ничего не значащей забавой.

Весь путь от дома до университета занимал не более пятнадцати минут, но Зуфару абый редко когда удавалось уложиться в это время. Причиной тому были многочисленные маленькие подвиги, которые Зуфар абый совершал, едва только оставлял порог своего жилища.

В пути Зуфару абый предстояло: страшным голосом напугать мальчишек, занимавшихся в пролете между третьим и четвертым этажами такими безобразиями, о которых совестно здесь говорить; замазать приготовленной накануне краской привычную почти для каждого казанского дома рекламную надпись «SEX» с указанием соответствующего номера телефона, по которому, впрочем, решительно невозможно было дозвониться; пририсовать маркером девушке, рекламировавшей сигареты на плакате, мешки под глазами и срывающиеся с ее силиконовых уст слова «Я болею раком, а ты?»; выкрикнуть в след школьницам, щеголявшим в слишком коротких юбках, несколько острых слов и услышать в ответ: «Пошел к черту, жирный ублюдок».

Все эти хлопоты отбирали у «жирного ублюдка» львиную долю времени, отпущенного на дорогу до университета. Когда Зуфар абый, шурясь, бросал взгляд на экран своего исцарапанного телефона, он с ужасом понимал, что до начала лекции остается пять минут, не больше. Не теряя времени на раздумья, он бросался напрямик. Переходить улицу

в неполюженном месте было для Зуфара абый такой же неотъемлемой частью ритуала подготовки к лекции, как издевательства над рекламировавшей сигареты девицей или покупка в ближайшей аптеке гематогена, которым он вознаграждал себя за совершенные подвиги. Зуфар абый был единственным обитателем Казани, которого милиция регулярно штрафовала за это невинное административное правонарушение.

Заслышав свисток гаишника, Зуфар абый недовольно ворчал: «Бежал от дыма, да попал в огонь». На вопрос, почему он нарушает правила, он обычно отвечал что-то вроде: «Я захотел перейти на другую сторону, потому что на этой стороне солнце, жарко и глаза болят». Гаишники смеялись, хлопали его по плечу и брали положенные сто рублей.

Все эти неприятные для любого другого человека эпизоды, случавшиеся с Зуфаром абый в пути, не только не доставляли ему какого бы то ни было огорчения, но, напротив, приводили в то бодрое состояние, которое не оставляло его на протяжении всей лекции. Без этих происшествий, возможно, не происходило бы того чуда, в результате которого неприметный и мало кому интересный очкарик Зуфар абый, отбросив свои не отпускавшие его в остальное время страхи перед «мерзостями нынешней жизни», превращался в исполина, несколькими фразами способного заставить людей и самого себя поверить в возможность достижения гармонии если не в мире, то хотя бы в отдельно взятом городе.

Зуфар абый верил, что человек только тогда может проповедовать другим гармонию, когда сам создаст ее – причем, не только в себе, но и вокруг себя. Зуфар абый был человеком, у которого слова никогда не расходились с делом, и потому он немилосердно противостоял любым проявлениям дисгармонии, всплывавшим перед его близорукими глазами как в рабочее, так и в нерабочее время. Каждая, одержанная им по дороге в университет маленькая победа над дисгармонией придавала Зуфару абый уверенности в тех словах, которые он некоторое время спустя произносил, подобно заклинаниям, перед огромной аудиторией.

Чудодействие под названием «Арабо-мусульманская философия» длиною в час двадцать способен был прервать только крик магнитофонного петуха. За порогом лекционного зала могучий волшебник превращался в среднего роста мужчину неопределенного возраста, ни блондина, ни брюнета, какого можно встретить в любом продуктовом магазине среди покупателей, которые, вместо того чтобы приобретать товар, придирчиво рассматривают белые груди кассирши.

После лекции вспотевший и опустошенный Зуфар абый, провожаемый возбужденными студентами, отправлялся на кафедру, где, попивая йеменский кофе, неторопливо обсуждал последние новости с коллегами по кафедре.

– Слышали новость, Зуфар абый? Говорят, скоро американцы на Иран нападут, – обращался к нему имевший привычку никогда не мыть за собой чашку Шмуэль Маркович.

– Не нападут уж, Шмуэль Маркович, уверяю вас: не нападут, – почесывая живот, отвечал Зуфар абый. – Кишка у них тонка. Иранцам главное – не поддаваться. Только они дадут слабину, и американцы непременно этим воспользуются. Как говорят в народе: «Если земля без владельца, то свинья заберется на холм».

– Как-как вы сказали? Свинья на холм?! – Шмуэль Маркович начинал содрогаться от хлипкого старческого смеха, самым натуральным образом переходившего в затяжной кашель.

Зуфар абый повторял поговорку, и оба преподавателя, сказочно довольные друг другом, шли в университетскую столовую. Здесь Зуфар абый заказывал за свой счет две порции нежных тефтелей с сухой гречневой кашей и компотом: для себя и для Шмуэля Марковича. У старика вечно не было денег: половину зарплаты он откладывал на собственные похороны, другая половина уходила на содержание девяностопятилетнего отца, не имевшего ни рук, ни ног. Пенсию же он не забирал годами, потому что боялся, что его убьют наркоманы, ошивавшиеся около почты. Чем крупнее становилась сумма на его пенсионном счете, тем страшнее Шмуэлю Марковичу было за ней идти.

Зуфар абый уважал Шмуэля Марковича за то, что тот когда-то, как он сам утверждал, помнил наизусть «Золотого осла» в оригинале. После трапезы, звучно икая, Зуфар абый покидал университет и известным путем возвращался домой, восстанавливая гармонию там, где она была нарушена за время его непродолжительного отсутствия.

Бывало, что Зуфар абый неделями не выходил из дома. Еда в его холодильнике была всегда в необходимом количестве – по крайней мере для непритязательного холостяка, занятого важным делом. Йогурт с чаем – на завтрак, пельмени – на обед, бутерброды с казы¹ – на ужин. Впрочем, ужина могло и не быть, если у Зуфара абый было плохое настроение.

Чаще всего многодневное затворничество Зуфара абый приходилось на студенческие каникулы, когда ему не нужно было идти в университет и по пути восстанавливать нарушенную гармонию. В такие дни Зуфар абый возлежал на продавленном диванчике, одну из сломанных ножек которого заменяли три из пяти томов «Философской энциклопедии», и часами подбирал нужные слова для названия очередного параграфа диссертации. Спешить ему было некуда: писать диссертацию он начал более десяти лет назад и все еще не мог утверждать, что работа близка к концу.

Если бы кто-то спросил Зуфара абый, зачем он пишет диссертацию, то он наверняка ответил бы следующее: «Каждому серьезному человеку необходимо иметь достойное дело. А научная работа есть наиболее достойное из всех существующих занятий».

Но и в науке сейчас нет прежней гармонии, полагал Зуфар абый. Необходимо все расставить по полочкам, чтобы каждая мышка знала свою норку.

За десять лет количество «полочек», «норок» и «мышек» в науке возрастало, увеличивалось и число страниц в диссертации. Но Зуфар абый все еще не был готов предъявить истомившемуся в жажде гармонии научному сообществу свой многолетний труд.

Временами ему казалось, что дело близится к завершению, но, не успев насытиться радостью, он вскоре с ужасом осознал, что в его работе не все так гармонично, как хотелось бы. Зуфара абый начинало душить отчаяние. В такие дни он сидел дома, слушал нашиды², отвечал на вопросы студентов в социальных сетях, и никакая сила в мире неспособна была заставить его даже сделать несколько неторопливых шагов вниз по лестнице до ближайшего мусоропровода.

¹ Казы – колбаса из конины у тюркских народов.

² Нашиды – мусульманские песнопения, исполняемые мужским вокалом без сопровождения музыкальных инструментов.

Когда друзья начинали волноваться и названивать Зуфару абый по телефону, он записывался в туалет и тихо плакал. Плакал и думал, что когда-нибудь он откроет утром глаза и ему будет так плохо или, наоборот, так хорошо, что он не захочет больше подниматься со своего ложа, а так и останется лежать до тех пор, пока его не заберет смерть. Все будут искать его, звонить по телефону, ломиться в дверь, а он будет лежать на своем диванчике холодный, одинокий, вонючий, утративший веру в гармонию. Представив себя умершим и разложившимся, Зуфар абый покрывался мурашками и начинал кричать во всю глотку так, что обитавший за унитазами паук принимался нервно труситься по своей сетке, вызывая презрение залетевших в это мгновение в уборную мух.

Зуфар абый голосил до тех пор, пока сверху, из дырки, образовавшейся вследствие отсутствия капремонта в доме, не доносился взволнованный немолодой женский голос: «Зуфар абый, вы опять плачете? А я вам перемячи испекла. Горяч-чие! Откройте дверь, пожал-ста!» Это была соседка сверху – Альфия апа, многие годы мечтавшая выйти замуж за Зуфара абый.

– Не открою! Я сыт! – кричал в ответ Зуфар абый и продолжал плакать, но уже не так громко.

– Я только на минуточку, страдалец вы мой! На одну только единственную минуточку.

– Я занят, вы, что, не слышите? – ворчал Зуфар абый.

– Слышу-слышу, Зуфар абый! Слышу, дорогой! Я тогда минут через десять зайду.

Ровно через десять минут в стальную дверь Зуфара абый раздавался стук: звонок уже несколько лет не работал. Никакие слова на отчаявшуюся женщину не действовали: раз в два дня Зуфара абый ждали горячие перемячи, изготовленные руками заботливой вдовушки.

Настойчивость Альфии апа поначалу вызывала в Зуфаре абый горячий протест, но вскоре он научился извлекать для себя пользу из своего непростого положения: перемячи Альфии апа были очень кстати в те дни, когда холодильник пустел, а выходить из дому не было никакого желания. Но, допуская подобную слабость, Зуфар абый не пересекал установленных им много лет назад границ дозволенного: ни одной женщине, за исключением близких родственниц, которые видеть не могли Зуфара абый, не разрешалось переступать порог его квартиры. Дерзнувших нарушить гармонию в жилище Зуфара абый ждало жестокое унижение и разочарование.

Альфия апа знала это и потому, постучав известное число раз в стальную дверь, оставляла поднос с перемячами на коврик у двери и быстро, насколько ей позволял ее возраст, который она скрывала не только от Зуфара абый, но и от своих четверых детей, уносила вверх по лестнице. Через минуту дверь отворялась, из нее высывалась выхухолеобразная мордочка, и поднос с выпечкой исчезал. Когда Зуфар абый наполнял свой желудок, он заглядывал в туалет и довольным голосом возвещал о том, что поднос ждет свою хозяйку на прежнем месте.

Весь этот спектакль был рассчитан по секундам. Любая заминка могла привести к нежелательным последствиям и большим огорчениям. Однажды Зуфар абый замешкался в туалете, и обитавшая на лестнице кошка не только сожрала гостинец Альфии апа, но и нагадила прямо на поднос. Зуфар абый и раньше недолго любил кошек, а с того случая они стали ему ненавистнее разговоров о еврейских корнях Солженицына, которые вся-

кий раз любил затевать Шмуэль Маркович, когда дело доходило до компота в университетской столовой. У Зуфара абый безо всяких интеллектуальных усилий с его стороны созрел хитроумный план возмездия...

На следующий день улыбающийся Зуфар абый вышел на лестницу и, почесывая пузо, медоточиво пропищал: «Кис-кис-кис!» В руке у него был внушительного размера кусок колбасы. Появившаяся откуда-то, то ли сверху, то ли снизу, кошка недоверчиво глядела то на Зуфара абый, то на колбасу, пытаясь уразуметь, в чем же подвох. Тогда Зуфар абый, утомившись от ожидания, метнул на пол розовый кусок «бумажного мяса», как называли в Казани вареную колбасу, и скрылся в квартире. Кошка, которая только этого и ждала, навалилась на угощение...

Через полчаса ухмыляющийся Зуфар абый вытряхивал обмякшее, со всклоченной шерстью животное под елкой в парке «Черное озеро». Сидевшие на пригорке бомжи жадно сглотнули слюну. Сделав дело, Зуфар абый замурлыкал что-то наподобие: «Увезу тебя я в тундру, увезу к седым снегам...» – и поспешил прочь. У выкрашенной в розовый цвет двери заведения под названием «Сосиска-хана» на Карла Маркса Зуфар абый замер, затем, пробормотав: «Что вошло в желудок, то и есть прибыль», пригнул голову и проник внутрь. Здесь по большим праздникам Зуфар абый заказывал себе бизнес-ланч, состоявший из чечевичной похлебки, мелко нарезанной шавермы с салатом и кетчупом, и стакана кока-колы. Сосисок в меню заведения отродясь не было.

Когда Зуфар абый вернулся домой, у двери его квартиры расплзлась лужа, пахнущая чем-то гадко-кислым. Он быстро распознал знакомый запах.

– Проклятое животное! – прошипел Зуфар абый. – Верно говорят: «Кто жить не умел, того уж помирать не выучишь».

Откуда-то, то ли сверху, то ли снизу, ему ответило неуверенное «мяу»...

К вечеру Зуфар абый почувствовал себя скверно. Температура поднялась и не хотела спадать, холодильник нехотел опустеть, и Альфия апа как назло куда-то пропала. Неужели эта глупая женщина подумала, что это он, человек с высшим образованием, специалист по арабо-мусульманской философии, без пяти минут кандидат наук отплатил ей черной неблагодарностью и самолично напачкал на поднос? Какая же она после этого влюбленная в него женщина? Напрасно Зуфар абый голосил в туалете так, что было слышно не только в квартире Альфии апа, но во всем доме.

Через пару дней Зуфара абый хватились в университете. Студенты горячо обсуждали, что же случилось с их преподавателем. На звонки не отвечает, в «Контакте» и «Фейсбуке» не проявляется. По этому случаю после пар собрались в одной из аудиторий. Высказывались самые невероятные версии. Одна девушка даже предположила, что Зуфар абый покончил с собой.

– С чего ему вдруг кончать с собой? – спросили ее разом несколько голосов.

– Как с чего? Помните тот случай, с грантами, когда декан ушел? Говорят, это Зуфара абый рук дело.

– Нет, не может такого быть, – категорически возражали ей. – Он, конечно, правдолюб, но доносов писать не будет. А если даже это и он, то зачем ему убивать себя?

– Как зачем? От стыда. Он же хотя и борец, но гуманист в душе. Раскаялся и наложил на себя руки.

Другая, оживленно обсуждавшаяся версия сводилась к тому, что Зуфара абый покалечили хулиганы, которым он сделал замечание.

– Вы же знаете, он не только в университете, но и по улице не может спокойно пройти, чтобы не одернуть кого-нибудь, – сказал один студент. – Однажды на моих глазах Зуфар абый подошел к пьяному гопнику на Баумана и спросил его: «Зачем ты живешь, человечина?» Тот чуть не порвал его – хорошо, мы с ребятами рядом были, вмешались.

– Да, удивительно, что его еще до сих пор никто не замочил.

– Скажи: слава Богу!

– Слава Богу, конечно.

– Может, лучше навестить его? – неожиданно предложила Мухабат – невысокая кареглазая девушка, носившая мусульманский платок с одиннадцати лет.

– Какая интересная мысль! – обрадованно закричало сразу несколько мужских голов. – Вот ты и сходи. Инициатива наказуема.

– Я бы сходила, но вы же знаете, что он не пускает к себе девушек.

– Тебя-то он пустит. Он же к тебе равнодушен.

Все сразу же вспомнили, как краснел Зуфар абый, когда Мухабат задавала ему вопросы на лекциях и семинарах, и принялись живо обсуждать сердечные привязанности своего любимого преподавателя. Все были уверены, что ради Мухабат известное правило Зуфара абый – не допускать в дом посторонних девушек – будет нарушено. Никто не заметил, как Мухабат покинула зал...

...Вечером того же дня маленькая девушка с большим рюкзаком стояла перед дверью известной читателю девятиэтажки на улице Эсперанто. В рюкзаке было две банки, одна – с медом, другая – с малиновым вареньем. Девушке пришлось ждать почти минуту, пока в домофон не раздалось кротко-заунывное «Кто это?».

– Зуфар абый, это я М-мухабат.

– Какая Мухабат?

– Ваша студентка.

– Я же просил передать эту... кто у нас сейчас вместо Зули... что занятия переносятся на следующую неделю. Болен я.

– Нам ничего не сообщили. Меня ребята прислали. Вам, может, нужно что?

– ... Нет уж, спасибо. У меня все есть.

– Может лекарство купить какое?

– Не надо никаких лекарств.

– Зуфар абый! – взмолилась Мухабат. – Откройте, пожалуйста! Я вам только передам кое-что, и все. Меня коллектив прислал, я не уйду!

Зуфар абый не любил, когда женщины плачут.

– ... Вы одна?

– Да.

– Нашли, кого присылать, – пробормотал Зуфар абый и открыл дверь в подъезд.

Пока Мухабат поднималась на восьмой этаж – лифт в доме летом не работал, – Зуфар абый несколько раз вспотел, будто это не Мухабат, а он карабкался в тот момент по лестнице. Мухабат действительно нравилась ему, она казалась ему одной из немногих девушек, в совершенстве владевшей искусством различения доброго и дурного, настоящего, по мнению Зуфара абый, лишь барышням с традиционным деревенским вос-

питанием. Но допустить Мухабат к себе значило для Зуфара абый отказаться от одного из важнейших принципов, благодаря которому, как он полагал, он сохранил себя как вполне гармоничная личность.

– Нет, все-таки не стоит ее пускать уж, – рассуждал Зуфар абый. – Скажу, что у меня неприбрано. Да нет, ничего не скажу. Просто не пушу, и все. Почему я должен ей что-то объяснять?

Но находчивая Мухабат хорошо приготовилась к встрече. Не дав Зуфару абый произнести ни слова, она, тяжело дыша, затараторила: «Тут вас все потеряли. Профессор Павлов бежит по универу, кричит: «Погубили нашего Зуфара абый!» Собирался сегодня навестить вас, но мы с ребятами его отговорили, сказали, что сами сходим».

Услышав о профессоре Павлове, Зуфар абый закашлял и еще сильнее вспотел.

– Он точно не придет?

– Точно. Но он просил меня позвонить ему, если я не попаду к вам.

Зуфара абый было не так легко провести, но то ли слабость, вызванная болезнью, то ли страх перед профессором Павловым сделали свое дело: вместо того чтобы вежливо раскланяться с Мухабат, он тихо произнес: «Ну, заходите уж!»

Мухабат проследовала за Зуфаром абый в его квартиру.

Комната Зуфара абый напоминала скорее кабинет замдиректора какого-нибудь академического института, появляющегося на работе на пару часов по присутственным дням во вторник и четверг, чем место, пригодное для проживания сравнительно молодого еще человека. Всюду были книги: на полках, занимавших всю стену до потолка, на полу, на диване и под ним, на подоконнике, на балконе, на компьютере. Рядом с диваном возвышалась внушительная горка, состоявшая из разного размера коробок, в которых, как справедливо предположила Мухабат, также были книги. На полу были разбросаны исписанные листы бумаги. Некоторые из них были, кажется, заляпаны вареньем. На письменном столе рядом с компьютером лежал несвежий розового цвета носок и стоял наполовину пустой стакан с кефиром. В дальнем углу стояло чучело шимпанзе без одной нижней конечности – подарок африканских студентов. Над компьютером на стене висел ватман, на котором черным маркером было написано что-то по-арабски.

– Зуфар абый, хотите, я приберусь у вас? – вырвалось у Мухабат.

Но Зуфар абый так посмотрел на нее, что она тут же забормотала: «Ой, простите, я, кажется, глупость сказала».

– Давайте лучше на кухню переместимся, – вполне миролюбиво сказал Зуфар абый. – Там вкуснее пахнет.

– Я вам варенье принесла. Малиновое. И мед.

– Спасибо, – рассеянно сказал Зуфар абый. – Так что вы там говорили про Павлова?

Он точно не придет?

– Точно, – улыбнулась Мухабат.

Профессор Павлов был известен в широких кругах как один из крупнейших в России специалистов по арабо-мусульманской философии, в узких же кругах у него была совсем иная репутация. Об этой, темной, стороне жизни профессора Зуфар абый стал догадываться, еще будучи студентом пятого курса. Павлов был его научным руководителем по диплому.

После триумфальной защиты диплома стараниями профессора Павлова Зуфар абый был зачислен в аспирантуру и принят на работу в университет. Теперь Павлов посчитал,

что вправе играть в жизни талантливого молодого человека более значимую роль, чем прежде. Он стал уже без всяких обиняков проявлять интерес к своему протеже, в том числе при посторонних, а однажды прислал ему надушенную женскими духами анонимку со следующими стихами:

Быть я хочу с тобой, милый,
рядом.
Давит тоска виски,
Грусть моя глубока...
Лишь одного боюсь,
Мой ненаглядный:
Ножны мои узки
Для твоего Клинка!

Зуфар абый сразу узнал почерк Павлова. Не вписывающиеся ни в какую гармонию «ножны» профессора потом еще несколько дней стояли у него перед глазами, мешая спать и принимать пищу.

Как действовать в такой ситуации, Зуфар абый не знал. Сделать вид, что ничего не произошло? Или показать эту записку на кафедре? Рассказать всем о недостойном поведении Павлова и публично осрамить его? Или же объясниться с самим Павловым что называется тет-а-тет? Но как сказать ему об этом? Зуфар абый уже хорошо успел выучить повадки своего учителя. Начнешь с ним говорить, а он закудахчет: «Да вы в своем уме молодой человек? Да что вы такое говорите? Да кто вы такой? Да как вы посмели. Да я...»

Устав от размышлений, Зуфар абый сел и принялся сочинять стихотворный ответ Павлову. Он испортил несколько листов бумаги, сгрыз две ручки, но ничего путного не придумал. Тогда Зуфар абый еще больше разозлился, схватил очередной лист и написал большими печатными буквами: «Старый похотливый ишак!» Он ходил несколько дней с этой запиской в кармане, но так и не решился подложить ее в лоток с документами Павлова на кафедре.

Все студенты знали о любви Павлова к Зуфару абый, но, встречая их вместе, старались прятать лица, чтобы не заржать и не обидеть тем самым двух солидных мужчин. Слышала об этой любовной истории и Мухабат.

– Вам варенье нравится? – спросила Мухабат Зуфара абый, когда тот поднес ложку ко рту.

– Ничего.

– Вы так похудели.

– Может быть. Я, можно сказать, только-только начал выздоравливать уж.

– Вот я и пришла, чтобы ускорить процесс вашего выздоровления...

Некоторое время они сидели молча. Зуфар абый то и дело поглядывал на чайник, словно ожидал, что он поможет ему подобрать нужные слова. Но чайник безмолвствовал.

– Мухабат, – наконец выдохнул Зуфар абый и принялся тереть мочку уха, – раз уж вы пришли, мне бы хотелось сказать вам одну вещь... Мне кажется, что нехорошо молодой красивой девушке, как вы, ходить одной.

– Не совсем понимаю вас, Зуфар абый.

– Ну, в смысле, нельзя такой девушке, как вы, долго оставаться незамужней. Столько соблазнов кругом... Когда один человек – это, видите ли, дисгармония, а когда два человека – это уже гармония. Как говорится: «Женщина без мужа, что конь без узды».

– Ну, какой же я конь?! Я так, пони необъезженная, – засмеялась Мухабат. – Рано мне, Зуфар абый. Я еще учусь.

– Учеба браку не помеха, а подмога.

– Может быть, но не в моем случае. Тем более что я пока не встретила человека, которого могла бы полюбить.

– Выбросьте все эти опасные штуки из головы, – замахал руками Зуфар абый. – При чем здесь любовь? Какие шайтаны заставили вас в это поверить? Брак и любовь – разные вещи уж. Брак, если хотите знать, – это социальный институт, семья – это ячейка общества, – еще мгновение, и Зуфар абый начал бы читать лекцию, но свисток чайника помешал ему сделать это.

– Не-е-т, – протянула Мухабат. – Без любви я не могу.

– Хорошо! – Зуфар абый ударил себя вспотевшими ладонями по коленкам. – А могли бы вы, скажем, полюбить человека, не очень красивого, но наделенного смекалкой, не очень приспособленного к жизни, но обладающего большим сердцем?

– Зуфар абый, вы про себя, что ли? – прямодушно сказала Мухабат и неприлично громко засмеялась.

Зуфар абый покраснел и поспешно поднялся.

– Вам черный или зеленый?

– Чай?.. Зеленый.

– Значит, я угадала? – не унималась Мухабат.

– Допустим...

– Знаете, мне еще ни разу не делали предложений, – восторженно верещала Мухабат. – Мне всегда казалось, что их делают в более романтической обстановке, а не так вот по-свойски, на кухоньке, за чашкой чая. А жених в домашнем халате. Хи-хи!

– Да, я понимаю уж, – медленно выговаривая слова, отвечал Зуфар абый. – Я очень даже вас понимаю. Конечно, вы бы хотели, чтобы вам сделал предложение мулат в белых брюках, с обнаженным торсом, где-нибудь на берегу Индийского или, в крайнем случае, Тихого океана.

– Зуфар абый, вы меня не так поняли! – потупилась Мухабат.

– Нет, я вас понял именно так, – сказал Зуфар абый. – Что касается кухоньки, как вы изволили сейчас сказать, то я вас к себе, напоминаю, не приглашал.

– Ах, значит, вот вы как! – Мухабат вскочила и поставила руки в боки: она хотела перевести все в шутку, но, похоже, было уже поздно. – Вот я сейчас обижусь на вас и уйду.

Мухабат ожидала чего угодно в ответ на свою невинную выходку, но только не прохладного «Идите», но именно это слово слетело с уст Зуфара абый.

– Вы это серьезно? – удивленно спросила Мухабат.

– Вполне. А вы разве нет?

На лице Мухабат образовались слезы. Она поспешила в прихожую.

– Мухабат, вы варенье свое забыли. И мед.

– Это вам, ешьте и поправляйтесь, – выкрикнула Мухабат и принялась возиться с замком.

– Давайте я вам помогу уж...

– Не надо! Я сама!

Мухабат наконец удалось открыть дверь. Прежде чем навсегда покинуть квартиру Зуфара абый, она остановилась на пороге и сказала:

– Вы до конца жизни будете один. Вы злой и самовлюбленный человек!

Дверь захлопнулась.

– Ну, вот: хотел бровь причесать, а выколол глаз, – подытожил Зуфар абый, сделал несколько шагов к дивану и упал, царапая руками спертый воздух своей то ли спальни, то ли читальни...

Пришел в себя Зуфар абый нескоро. Много привиделось ему, пока он пребывал в этом затянущемся беспомыслии. В этом дивном бесчувствии Зуфар абый прожил свою жизнь так, как, возможно, и хотел бы прожить, если бы ему представился шанс. Были в этой жизни и любовь, и разочарования. Нашлось место и научным открытиям и зависти коллег. В этих снах не было шаливших на лестнице мальчишек, нехороших надписей на стенах, бесприютных кошек и даже собак. Из всей всамделишной жизни Зуфара абый в его грезе просочились только бизнес-ланч из «Сосиски-ханы» и большею частью лунообразная Мухабат, которой он предлагал руку и сердце, а она, некоторое время помедлив, со слезами благодарности принимала его предложение.

Возможно, Зуфар абый так никогда бы и не вынырнул из бездонного источника грез, где безраздельно царствовал подлинный Зуфар абый, а не тот, чью маску он, сам того не осознавая, носил все это время, если бы не полный лысеющий мужчина в фиолетовом костюме с бульдожьими щеками, попытавшийся приподнять ему большим пальцем левой руки веко. Этим мужчиной был профессор Павлов.

– Смотрите, смотрите, он проснулся! – обратился Павлов к кому-то невидимому, расположившемуся у его изголовья.

– Как вы себя чувствуете, родной? – раздался над ним знакомый женский голос.

– А?.. Не знаю... Где я?

– В больничке, милай, – пропел Павлов и принялся поправлять загнутый краешек одеяла и схватил свой огромной влажной ладонью Зуфара абый за запястье. Зуфар абый с такой кротостью смотрел в глаза профессору, что тот, несмотря на сильное желание, великодушно раздумал щекотать больного под мышками.

– Зуфар абый, я вам тут перемячи принесла, – вновь раздалось над ним.

Вместо ответа Зуфар абый застонал.

– Спице, спице, дорогой, – я вам их на тумбочке оставлю. – Как захотите – скушаете.

– Говорил я вам, – зарычал на Альфию апа Павлов, – что не будет он есть ваши перемячи. Зуфарик, милай, я тебе варенье притаранил с дачи. Из лепесточков роз. Как ты любишь. Попробуешь ложечку? – Павлов потянулся за банкой, стоявшей на тумбочке. – Сколько раз звал его на дачу, ни разу не приехал, чертенок, – продолжал Павлов, обращаясь к Альфии апа.

Зуфар абый закрыл глаза.

– Ну не упрямясь, скушай! – Павлов безуспешно попытался раскрыть Зуфару абый рот своими влажными пальцами. – Тебе витаминчики сейчас нужны. Сил набирайся. Скоро мы с тобой такие дела творить будем...

Зуфар абый молчал.

– Ну что вы пристали к нему со своим вареньем? – возмутилась Альфия апа.

– А вы, женщина, не лезьте! – осканился Павлов. – Вы кто ему: жена, мать?

– А вы кто? – не поддавалась Альфия апа.

– Я его старый друг, учитель, – гордо отвечал профессор.

– Странно, почему они спорят? – подумалось Зуфару абый. – Я же им ничего не завещал. Впрочем, они едва ли догадываются, что я скоро оставлю их...

Зуфар абый думал, что он покидает этот мир не так, как воображал себе множество раз, пугая своим плачем трусливого паука и сердобольную Альфию апа. Он уходит не одинокий, холодный, вонючий, а наряженный в теплую казенную пижаму в чистой, ярко освещенной комнате. А рядом с его постелью борются за его внимание два неприятных ему, но, кажется, всерьез влюбленных в него человека. Была ли в этом гармония или нет, Зуфар абый так и не смог решить.

Раздираемый сомнениями, Зуфар абый посмотрел на профессора Павлова.

– Вы «Йа син» знаете?

– Наизусть – нет. А зачем вам «Йа син»?

– Надо. Попросите Коран у дежурной. У нее наверняка есть уж. Нет, постойте!.. Зачем вы мне тогда написали эти гнусные стихи про ножны?

Павлов молчал, глядя на свои лакированные бежевые полуботинки, в которых он еще пару лет назад с легкостью отплясывал чечетку в клубе «Фараон».

– Молчите? Ну, ладно... идите уж.

Пока Павлов бегал за Кораном, Зуфар абый с улыбкой посмотрел на Альфию апа.

– Ну, вот видите... кому вы теперь перемячи печь будете?

Альфия апа заплакала и уткнулась своей крашеной в рыжий цвет шевелюрой в грудь Зуфара абый.

– Вам, дорогой вы мой, вам, ненаглядный! Кому же еще! Выздоровливайте скорее.

Зуфар абый взял Альфию апа за руку.

– Альфия апа, я давно хотел вам сказать. Надеюсь, вы не верите, что это я тогда... ну, испортил ваш поднос?

– Да что вы такое говорите, Зуфар абый! – воскликнула Альфия апа и сразу же отвела взгляд. – Конечно же, нет...

Зуфар абый продолжал смотреть на Альфию апа.

– То есть, сначала я... подумала об этом, – продолжала не столь уверенно Альфия апа, – но потом решила, что такой человек, как вы, Зуфар абый, на такое неспособен. Значит, это все-таки и вправду были не вы?! Слава Аллаху!

– Дура, – прошептал Зуфар абый.

Прибежал с Кораном под мышкой Павлов.

– Так, перестаньте тут миловаться, голубочки. Говорите, где ваша «Йа син». Какой порядковый номер?

– Тридцать шестая.

– Тридцать шестая, – поплеывая на свои и без того влажные пальцы, Павлов суетливо перелистывал страницы. – Тридцать шестая...

Обнаружив нужную главу, профессор принялся читать: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! Йа син. Клянусь Кораном мудрым! Ты конечно, посланник на прямом пути...»

– Не тараторьте, – тихо произнес Зуфар абый. – Вы не на лекции.

– А у нас мама, когда папа болел, читала Аят Курси, – вмешалась Альфия апа. – А еще она поила папу намолненным чаем.

– Что за чушь вы сейчас говорите, женщина?! – бульдожьки щеки Павлова задрожали от гнева. – Какой намолненный чай? Это шаманство какое-то.

– Никакое не шаманство! Так наш хазрат делал.

– Дурак ваш хазрат! Дурак и осел!

– Да как вы... Что вы богохульствуете перед постелью умир... ой, больного, – закудахтала Альфия апа, потом вдруг осеклась и заплакала.

– Да кто вы такая? – брызжа слюной, профессор замахнулся на Альфию апа Кораном. Из книги на пол и на койку Зуфара абый полетели одинокие страницы.

Пока они спорили, Зуфар абый улучил момент, перевернулся на другой бок и умер. Нет, он совсем не был похож на выхухоля! Скорее на рано повзрослевшего медвежонка, задремавшего в берлоге до следующей весны...

Беседа птиц

К ПЕСНЯМ НАРОДОВ ПАКИСТАНА

Александр Ануфриев*

Когда в Северном Балтистане деревья утопают в цвету, а высоко в горах идет снег, девушки, с тоской глядя на склоны гор, поют старинную песню о Джанглé, юноше, который ушел когда-то на север и не вернулся назад... Никто не помнит, как он выглядел, но живет в народе вера, что однажды весной он объявится вновь. «Где ты, мой милый, в какой ты теперь стороне?» – доносится одинокий голос из Голубой долины Кашмира. И хотя юноша погиб на полях Первой мировой войны, да и девушки его давно нет в живых, но одинокий плач ее, как эхо, разносится в горах. «О брат, проснись, твоя сестра пришла!..» – поет другая девушка, панджабская, в свадебной песне. «Пусть тебе приснятся ласковые сны», – желает маленькому сыну пуштунка. На разных языках и диалектах звучат веселые и грустные песни – на золотых нивах Панджаба и в живописных долинах Кашмира, в диких пуштунских ущельях и на просторах белуджских кочевий, в горах Балтистана и в глинобитных хижинах синдских деревень. Одним песням сотни лет, другие возникли много позже, но почти все они старше страны, в которой сегодня звучат: Пакистан появился на карте мира чуть более 60 лет назад. Основанный в 1947 г. по религиозному принципу, он объединил много народов и народностей, во многом не похожих друг на друга. Разные истоки, различные традиции – разные песни... Все это определило возникновение многообразных песенных жанров и форм.

Пуштунские народные песни включают такие жанры, как *тана*, *бадела*, *лоба*, *чар-бейта*, *нимакаи*, *багтаи*, *аллахо*. Название *тана* переводится как «хлопок», так как исполнение этих песен часто сопровождается хлопанием в ладоши. *Тана* может состоять из одного, двух и большего числа двустиший. Иногда песни этого жанра именуются также *ланди* («короткий»). Песни *бадела* сравнимы с *касыдами* в арабской и персидской поэзии. Система рифмовки в них произвольна. *Лоба* – игровые песни. Они исполняются мужчиной и женщиной. В этих песнях мужчина жалуется своей возлюбленной на тяжесть любовных мук. Строка, в которой содержится обращение к

* Александр Федорович Ануфриев (р. 1948) – индолог, переводчик. Окончил Институт восточных языков при МГУ (ныне ИСАА) в 1971 году. Работал в Индии и Пакистане. В 1974–2010 гг. преподавал в МГИМО (У) МИД РФ. Переводил стихи поэтов Индии, Пакистана, Северного Кавказа. Переводы публиковались в стихотворных сборниках и литературных журналах.

любимой, проходит рефреном через всю песню. *Чарбейта* также часто исполняются двумя певцами. Это своеобразный диалог между мужчиной и женщиной. Каждая строфа завершается рефреном. Колыбельные песни – *аллахо* – нередко несут большой эмоциональный заряд, а любовные песни – *йа курбан* – повествуют о любви женщины к своему избраннику.

Наиболее распространенной песенной формой Панджаба и Синда является *тана*. В отличие от пуштунской она, как правило, представляет собой трехстишие. Трехстишиями написаны песни *махийа* (от *махи* – «любимый») и *дхола* (от *дхол* – «барабан»). Песни *доха* состоят из четырех строк. Обычно это авторские песни. Имя автора вплетается в канву стиха. Песни *болиян* и *кисса* представляют собой двустишия.

По тематике различают бытовые, любовные, исторические, политические и обрядовые песни.

Народные песни Кашмира также отличаются жанровым многообразием. При этом появление многих жанров связано с легендами. В самом начале я рассказал легенду о юноше Джангле, которая легла в основу песенного жанра *джангла* на севере – в Балтистане. Песни *чан* («любимый») представляют собой «плачи». Как гласит легенда, девушка-горянка проводила своего любимого на войну в 1914 г. Она мечтала о том, что юноша будет храбро сражаться, станет капитаном и вернется домой известным и богатым. Однако судьба распорядилась иначе – мечтам девушки не суждено было осуществиться. Когда девушка узнала о гибели любимого, она от горя лишилась рассудка. Так появились «плачи». Другая легенда повествует о несчастной любви девушки-горянки и *мунши* (так почтительно зовут образованных людей), который служил писарем в конторе на лесозаготовках. Молодые люди встречались в лесу, но скоро их тайна была раскрыта, родители девушки стали держать ее взаперти, и юноше пришлось уехать на родину одному. Песни *кеинчи* (песни разлуки) посвящены истории этой любви. Песни *гори* («любимая») отличает страстный темперамент, в то время как в песнях весенней радости *дину* сильное чувство глубоко запрято в метафору. Песни *басах* («песни весны») подчас полны грусти, а в свадебных песнях *даби* много бесхитростного крестьянского юмора. В основе большинства кашмирских песен лежит трехстишие *тана*.

ПУШТУНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Синий лотос

Ты недоволен мной, любимый,
 Когда вдруг сам приходишь к мысли,
 Что смерти тень, расправив крылья,
 Бежит за нами неотступно...
 Твою любовь смогу от дружбы
 Я отделить своим дыханьем...
 Цветут мои душа и тело,
 Как дивные цветы пустыни.
 И что виной тому цветенью,
 Как не любовь твоя, мой милый?
 Моя душа от всех свободна,
 Лишь ты – сосуд моих желаний!
 В кольце твоём горит огонь,
 Сжигающий мне душу страстью.
 Так синий лотос в час рассвета
 Росой жемчужною сверкает...

Ланди

Весна пришла, весна!
Радостные пери возвели шатры.
Весна пришла, весна!
Люди по долине весело идут.
Весна пришла, весна!
Райская долина светом залита.
Весна пришла, весна!
Словно нимфы, в танце девушки плывут.
Весна пришла, весна!
Бибу и Атлас друг в друга влюблены.
Весна пришла, весна!
Бибу – дочь любимая старосты была.
Весна пришла, весна!
Был слугой у старосты юноша Атлас.
Весна пришла, весна!
Увидал красавицу старый Аслам-хан.
Весна пришла, весна!
За большие деньги он Бибу в жены взял.
Весна пришла, весна!

НИМАКАИ

Время – полдень.
Смело жертвует собою Мамунаи.
Время – полдень.
Спорит красотой с луною Мамунаи.
Время – полдень.
То взошла прекрасным маком Мамунаи.
Время – полдень.
То опять смешалась с прахом, Мамунаи.
Время – полдень.
Вот она любовью дышит, Мамунаи.
Время – полдень.
Вот встает, свалившись с крыши, Мамунаи.
Время – полдень.
Ждут любовные объятия Мамунаи.
Время – полдень.
Все в деревне шлюют проклятья Мамунаи.
Время – полдень.
Не родилась ты для счастья, Мамунаи.
Время – полдень.

АЛЛАХО

Спи, малыш, все дети ночью спать должны.
 Пусть тебе приснятся ласковые сны...
 Ушел отец твой на поля войны.
 Погиб отец за честь своей страны.
 Он храбр, но силы были неравны...
 Спи, малыш, все дети ночью спать должны.
 Пусть тебе приснятся ласковые сны.
 Немало в том бою ушло солдат
 Туда, откуда нет пути назад.
 А враг все шел, не ведая преград...
 Спи, малыш, все дети ночью спать должны.
 Пусть тебе приснятся ласковые сны...
 Не стало мужа. Брат меж тем подрос,
 И брата тоже вихрь войны унес...
 Коль в сердце боль – глаза красны от слез.
 Спи, малыш, все дети ночью спать должны.
 Пусть тебе приснятся ласковые сны...
 Усни, малыш, сегодня нужно спать,
 Чтоб завтра счёты с недругом сквитать.
 Не промахнись, когда начнешь стрелять!
 Спи, малыш, все дети ночью спать должны.
 Пусть тебе приснятся ласковые сны!..

ЧАРБЕЙТА

Мужчина: Для встречи с милою предлог смогу найти:
 Я стану пастухом, чтоб коз твоих пасти.

Знай, без тебя не мил мне белый свет,
 Мне без тебя покоя в жизни нет.
 Что без тебя мне делать? Дай ответ!

Чтоб быть с тобой вдвоем, я все готов снести:
 Я стану пастухом, чтоб коз твоих пасти.

Женщина: Я – дочь царя, а ты – бедняк простой.
 Пленился ты моею красотой.
 Ты спутал искру с яркою звездой.

Ты думал, сможешь блеск в глазах нести
 И станешь пастухом, чтоб коз моих пасти...

Мужчина: Не знатен я – горазд на все дела.
 Хоть небогат – талантам нет числа.
 Не богатырь, но стоек, как скала!

Ты от любви моей не помышляй уйти...
 Я стану пастухом, чтоб коз твоих пасти.

Женщина: Я вам слова безумца привела.
 При всех ославил. Как избежать зла?
 Всем говорит: «Измучила Лейла!

Не встретил бы ее, не сбился бы с пути...
 Я стану пастухом, чтоб коз ее пасти!..»

Великий Боже! (X–XI вв.)

Великий Боже! Великий Боже!
 Велик Ты! Велик Ты!
 В почтении к одному Тебе стоят
 Эти горы, эти деревья, эти холмы...
 Тебя одного воспевают
 Все, живущие в мире Твоем...
 Вот подножие горы.
 На ее груди стоят шатры
 Моего племени... Сделай нас сильными, о Боже!
 Великий Боже! Великий Боже!
 Велик Ты! Велик Ты!
 Это наш дом, беседка радости,
 Пылающие костры любви, о Правитель!
 Здесь мы поставили шатры.
 Кроме Тебя нет никого
 В нашем сердце...
 Это небо, эта земля – Твои.
 Эти ангелы жизни и смерти
 Послушны воле Твоей!
 К Тебе одному все эти слова,
 Великий Боже! Великий Боже!
 Велик Ты! Велик Ты!

БАДЕЛА

Фатах-хан был сыном Аслан-хана –
 Грозного владыки и тирана.
 Хан был крут со слугами своими,
 Мир дрожал, его услышав имя...
 В доме у визиря Камарана
 Дочь его любимая нежданно
 Расцвела красою несравненной:
 Не было ей равной во вселенной!
 Чары глаз – как зной палящий лета,
 Пышный локон мускусного цвета.
 Кто хоть раз встречался с Рабией,
 Был готов служить ей всей душой.
 Сватались к ней принцы многих стран,
 Но был люб ей только Фатах-хан.
 Лишь родилось чувство молодое,
 А судьба уже грозит бедою:
 Все вокруг – чужие и свои –
 Ополчились против их любви.
 Аслан-хан, едва узнав об этом,
 Возжелал любовь убить запретом.
 Тверд отец в решении своем.
 Как теперь встречаться им вдвоем?
 Дома плачет Рабия украдкой,
 Фатах-хану одному несладко.
 Ночь промчалась. Утро вслед пришло,
 Но решенья им не принесло.
 Только днем у них родился план:
 Убежать в далекий Хиндустан.
 И влюбленным хитрость удалась:
 Не страшна родительская власть!
 Не нужны корона, деньги, трон,
 Если ты свободен и влюблен...
 Взял с собой лишь верную дружину
 Фатах-хан-ослушник на чужбину...
 Но судьба влюбленным изменила,
 Снова их беда подсторожила.

Был недолгим счастья миг веселый –
 Вот уж беглецов теснят моголы.
 У моголов тысячи бойцов,
 С Фатах-ханом – горстка храбрецов.
 Неравны настолько были силы,
 Что врагам напасть неловко было.
 Но потом, после заминки краткой,
 Сабли обнажив, вступили в схватку.
 Храбрецы дрались с врагами смело,
 Но их злая сила одолела.
 Вскоре все в крови на поле бранном
 Грудью лежали бездыханной.
 Были в жизни, как родные братья,
 И в бою погибли без изъятья...
 Видя, что повержены герои,
 Фатах-хан коня готовил к бою
 Рабия от горя зарыдала,
 Долго друга в поле не пускала.
 Фатах-хан, ей слезы отирая,
 Говорил возлюбленной: «Родная!
 Знаю, боль тебе терпеть невмочь,
 Но крепись, ведь ты – пуштуна дочь!
 Я на все готов, тебя любя,
 В жизни нет мне счастья без тебя!
 Только нынче долг превыше есть:
 Нужно постоять за нашу честь.
 Как ни кинь, мне нужно в бой идти
 И в кровавой схватке смерть найти
 Рабия! Коль любишь ты меня,
 Дай мне саблю, подведи коня.
 И с улыбкой проводи на рать,
 Чтоб не грустно было умирать!»
 Фатах-хан своей предался доле:
 Храбро бился он с врагами в поле...
 И погиб в бою от страшных ран
 Доблестною смертью Фатах-хан!..

ПАНДЖАБСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Махийя

Не ходил бы лучше ты,
 А не то, гляди, затопчешь
 Ненаглядного следы.

Любят же птицы
 Из-за границы
 Принарядиться!

От любимого письмо я получила.
 Как гусям, отбившимся от стаи,
 Одиноко мне в тот день и грустно было.

ТАПА

Гази Анвар! Поверни верблюда.
Ты нас покинул в недобрый час:
Не было дома тебя покуда,
Злые воры ограбили нас!

Пусть пища в темнице горька и груба, –
Мужайся, к победе ведет нас борьба!

Когда я полюбил, не знаю,
Но с этих самых пор страдаю...

СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ

О брат, проснись! Твоя сестра пришла!
И сразу стала улица светла.
Проснись! Я здесь давно уже стою.
Земную ласку я ступнями пью.
Проснись же, брат! Стою я у дверей!
Забудь о дреме и вставай скорей.
Стряхни свой сон, проснись и не зевай:
Твоя сестра пришла. Проснись! Вставай!
И пусть в твоей судьбе не будет зла...
О брат! Проснись, твоя сестра пришла!

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ СИНДА

Вино перебродит в свой срок.
 Любовь разгорится пожаром.
 Пока же – в золе уголек!

Мое кольцо красиво, как цветок.
 К жилищу суженого путь далек.
 Настал с любимым повидаться срок.
 Когда бы попугаем стать могла,
 Любовь меня б на крыльях понесла!

Горе-ювелир кольцо мне смастерил:
 Так натерло палец, что носить нет сил!

Любовь – огонь взаимной страсти –
 Не спрашивает вас о касте.

Приходи к колодцу, дорогой.
 О любви поговорим с тобой.
 И кувшин мой отнесешь домой.

Цокают копыта твоего коня...
 Долгая разлука извела меня!..

Я, как цветок, в твое сердце вросла.
 Жаром любви твое сердце сожгла.
 Пламя угасло. Осталась – зола...

Я только по воду ходила.
 Когда ж я с милым говорила?
 Зачем же лгать так нужно было?

Эх, глубока Джелам-река.
 Глубже реки в сердце тоска:
 Весточки все нет от дружка!

У поезда люди толпятся.
 Аллах дал тебе красоту,
 Позволь же и нам любоваться!

Улица нынче стала другой.
 Выброси велосипед, дорогой:
 Будем в автобусе ездить с тобой!

Сижу, вышиваю цветы. С утра над шитьем я склоняюсь.
 Любимый в кино не берет. Сама попроситься стесняюсь.

Ночь без нее, как ворона черна.
 Что же не видно моей луноликой?
 Как мне узнать, где укрылась она?

КАШМИРСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Джангла

Как долго я с волненьем ожидаю,
 Когда однажды из небесных далей,
 С высоких гор, приняв знакомый образ
 Моей мечты, придешь ты, мой Джангла!
 Как долго я с волненьем ожидаю...
 Цветок дикорастущий, нежный запах,
 Цветов на горном склоне многоцветье...
 А в воздухе туманная завеса,
 Разрывы золотистых облаков –
 Что так и не приносят облегченья,
 И каждый миг до боли уплотнился...
 И я сама сейчас напоминаю
 Печальный склон высоких черных скал...
 Мне жить на свете нынче помогают
 Одни воспоминанья о тебе!
 Как долго я с волненьем ожидаю...
 О, сократи скорее расстоянье,
 Стань зримым; я не знаю, где ты бродишь...
 Но где б ты ни был, ты творишь благое
 Уж тем, что кто-то ждет тебя, волнуясь...

Гори (Любимая)

1
 Твоя походка так горда, любимая моя!
 Настало время уезжать, тебя увижу ль я?
 Как мне поведать о любви, как робость превозмочь?
 Сегодня полная луна. Я буду ждать всю ночь...

Напрасно ждал я до утра свиданья за рекой –
 Уж проглядел я все глаза и потерял покой.
 И, не дождавшись, сам пришел тебя увидеть я.
 О, как разлуку пережить, любимая моя?

2
 Одну лишь ночь побудь со мной,
 Сегодняшнюю ночь...

Я здесь пасу овец и коз. Взгляни на них, мой друг.
 Я нынче вечером приду тебя кормить из рук.

Одну лишь ночь побудь со мной,
 Сегодняшнюю ночь...

Постель из белых простыней, а в головах – цветы.
 Вдыхая нежный аромат, мне улыбнешься ты.

Одну лишь ночь побудь со мной,
 Сегодняшнюю ночь...

Всю эту ночь с тобой вдвоем мы проведем без сна.
 Я молодость тебе дарю, я от любви пьяна.

Одну лишь ночь побудь со мной,
 Сегодняшнюю ночь...

Весенняя песня

Пришла весна. Вокруг запели птицы.
И сердце в дом родительский стремится.
О, хоть бы раз мне встретиться с тобой!

Пришла весна, Творца живое чудо.
Сады в цвету, ручьи звенят повсюду.
О, хоть бы раз мне встретиться с тобой!

Пришла весна. Судьбе угодно было,
Чтоб смерти пропасть нас разъединила.
О, хоть бы раз мне встретиться с тобой!

Пришла весна. Крестьяне пахут поле.
У всех любовь, лишь мне – иная доля...
О, хоть бы раз мне встретиться с тобой!

Дину (свадебная песня)

За домом в поле распустился лесной цветок –
Прекрасный Дину...
Веселый блеск в моих глазах,
Рисунок хною на руках,
Огнем сияет натх¹ в носу,
Все нынче чтут мою красу!
За домом в поле распустился лесной цветок –
Прекрасный Дину...

¹ Натх – украшение для носа.

Чудеса стран

Плачи

Милый! Как горлица плачет в чашобе лесной!
В Басру на службу уехал мой друг молодой...
Где ты, любимый, в какой ты сейчас стороне?

* * *

В первом кувшине вода, во втором еще нет.
Вспомнила друга, увидев цветочный браслет.
Где ты, любимый, в какой ты сейчас стороне?

* * *

В округе Менда долина – красивей всех стран!
Есть у долины свой писарь и свой капитан...
Где ты, любимый, в какой ты сейчас стороне?

* * *

Милый! В дремучем лесу карканье слышно ворон.
Только счастливым дано ведать веселье и сон...
Где ты, любимый, в какой ты сейчас стороне?

ГОККА И КУРДСКИЙ ВЕЛОСИПЕД: БАЙКИ АРБАКЕША

Назим Надиров*

ОТ АВТОРА

В магазине новая обувь одинаково безлика, с годами же она принимает форму ноги того, кто носит ее. Обувь одного и того же размера и фасона, разношенную разными людьми, спустя годы язык не повернется назвать одинаковой.

Так и прошлое. Оно удобно облегает душу предающегося воспоминаниям.

У каждого своя правда. Сколько людей, столько версий произошедшего.

«Гокка и Курдский Велосипед» – это моя книга и моя правда. Тому, кто другого мнения об описываемом, следует написать свою книгу и высказать свою правду.

В детстве, наблюдая за взрослыми, я много раз клялся оставаться всегда ребенком в душе, не забывая детские впечатления и, позрелев, попытаться избавиться от мнимых условностей, черствости и притворства, свойственных миру взрослых.

Поглощенный перипетиями своей жизни, я забыл об этом обещании. А вот теперь вспомнил и исполнил его так, как был в силах это сделать.

Вы увидите, что мои Папа и Мама пишутся с заглавной буквы. Это моя Традиция. Отказаться от нее мне не удалось.

Благодарю Елену Олешкевич, без всесторонней помощи которой мне вряд ли удалось бы сдержать свою детскую клятву.

Болтун Калашников, Свидетель Бакир и Мармелад в Роли Вещдока

Арбакеш не располагает достоверными сведениями о своем появлении на белый свет. Ни родители, ни какой-либо другой очевидец не удостоили его упоминания обстоятельств его рождения. Лишь некто Калашников как-то доверительно поведал Арбакешу, ученику пятого класса школы имени Саттара Ерубаяева, что их матери лежали на соседних койках в роддоме и что они, Арбакеш и Калашников, мол, родились практически одновременно. Арбакеш с напускным равнодушием и как бы между прочим переадресовал возникшие у него в груди сомнения своей Маме. На волнительный

* Назим Надиров (р. 1961) – появился на свет в Южном Казахстане в семье сосланных курда и карачаевки. Окончил филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, защитил диссертацию по истории иранских языков. Тысячам россиян известен как Арбакеш, радиопрограмма которого удостоена Национальной премии А. Попова (2000) и отмечена УВКБ ООН как самый гуманный в РФ проект по отношению к беженцам и вынужденным переселенцам. Автор международных музыкальных проектов Дивы Евразии, ЭтноТроника, ГаSTARбайтер фест. Пишет эссе для различных изданий, снимается в кино. Клубному сообществу известен как ди-джей доктор Этно.

пересказ калашниковской истории Гокка ответила как всегда спокойно: «Столько времени прошло, все может быть...» Единственным вещдоком рождения Арбакеша остается мармелад, дарованный его старшему брату Бакиру. Бакиру было три с половиной года, и он...

Тут самое время упомянуть, что Бакир никогда, упаси Боже, не был и до сих пор не является врагом вкусной и обильной пищи. В один прекрасный солнечный день Бакир вышел из дома и решительно пересек центральную улицу совхоза, названного по имени усатого сына сапожника. Откуда-то справа до его слуха доносилась песенка «Мечта девушки» в исполнении Розы Баглановой. Голосок Розы-апай струился из нового алюминиевого динамика, подвешенного на столбе перед зданием почты. Но Бакир направился по аллее в противоположную сторону. Вдоль арыка меж свежескрашенных белой известкой акаций были установлены щиты с цитатами типа «Ничто не обходится нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость». Но целеустремленного Бакира чужие сентенции не могли сбить с пути. Во-первых, ему было не до вежливости, а во-вторых, читать он пока не умел. В это время его ровесники с упоением дразнили привязанных к деревьям верблюдов. Двугорбые со скорбью взирали на местное подрастающее поколение и, словно бы выполняя давно опостылевший долг, лениво отплевывались от настырных двуногих дошкольного возраста. Даже цыганки в кричаще-ярких одеяниях были не милы сердцу Бакира в этот момент.

Решительно настроенный Бакир был очень голоден, а Мама, так вкусно и вдоволь потчевавшая его, скрывалась, как ему поведали, за стенами вон того дома. В доме находилась сельская родильная.

Бакир прекрасно помнит, что, когда он добрался-таки до Мамы, она сказала, что у него родился братик, и насыпала ему аж пригоршню мармелада.

Новость не произвела на Бакира впечатления. Братик так братик. Зато мармелад был изумительный. Его рот до сих пор отчетливо помнит этот вкус. Собственно, вкус мармелада и является единственной косвенной уликой рождения Арбакеша. И впрямь: такой изумительный мармелад не мог быть дарован просто так, от нечего делать, а только по значительному поводу, каковым, по всей видимости, являлся факт рождения его брата.

Ныне же метрика Арбакеша оказывает Бакиру обратную услугу, синими чернилами и чеканным советским почерком удостоверяя, что самый вкусный мармелад в своей жизни он ел 18 июня 1961 года.

Деликатный Переезд

Кухня нового дома была светлой, просторной и приятно пахла свежей краской. Дышалось легко, несмотря на то, что лицо было в подоле у Мамы. Гокка сидела на полу.

Вода в тазике была теплая, а руки Мамы Гокки – нежные и ласковые. Голове было приятно и надежно лежать меж Маминых колен.

– Балам, сагъан не болгъанды?¹ Ты же с семи месяцев у меня как взрослый. Что сегодня с тобой стряслось?

¹ Балам, сагъан не болгъанды? (карач.) – Сынок, что с тобой случилось? Вообще тут отображена особенность Гокки говорить на своем казахско-карачаевском койнэ. Если быть точным, «сагъан» – это по-казахски, а по-карачаевски «сенге», но Гокка именно так и говорила: два слова – по-казахски, одно – по-карачаевски.

Арбакеш, не вынимая большого пальца левой руки изо рта, глубже зарылся лицом в Мамину юбку.

С самого раннего утра началась эта несносная суета. Незнакомые дяди стали выносить вещи из дома и складывать их в грузовик. Привычный Арбакешу мир рушился на глазах. Внутри стало беспокойно. Арбакеш помчался в конец огорода к маленькому деревянному домику, входом в который служил кусок мешковины. Мешковина развевалась на ветру, а у самого домика как раз и орудовали суровые грузчики. «Нехорошо, – подумал Арбакеш, – на виду у знакомых дядей». Арбакеш отчаянно рванул к передней, парадной части огорода, туда, где за низким деревянным частоколом цвели акации на аллее, а вдоль нее стояли щиты с цитатами из мировых классиков. Как раз у того места, где, озираясь, попытался присесть Арбакеш, красовался щит с надписью белой краской: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли!»

Именно в это время стучала шпильками по асфальту аллеи самая красивая после Мамы женщина села: секретарь сельсовета Худанова царственно несла свою грудь в декольте на обеденный перерыв.

Арбакеш в смятении пытался было спрятаться за колодцем, но как раз вблизи него угораздило чинить свой забор усердного соседа-немца. Арбакеш хотел было... но не успел.

Гокка тихим голосом повторяла:

– Сынок, в твоём возрасте ты не должен быть таким стеснительным, – и, погрузившись, как обычно, в свои мысли, тихо проговорила: – Аллах видит, если в этом мире что-то сможет погубить моего мальчика, так это его деликатность. – И как бы вернувшись из мыслей о будущем: – Твоя деликатность, балам, – чуть громче повторила Гокка, продолжая задумчиво и нежно обмывать попку Арбакеша над тазиком.

САНДАЛИЯ

Арбакешу предстояло первое и самое яркое путешествие в жизни. Но пока он об этом не подозревал и, вернувшись из детского сада, беспечно сидел на крыльце, слегка обескураженный невниманием к своей персоне братьев и сестер. Арбакеш был кенжетай, младший ребенок в семье, и привык находиться в центре заботы: его обнимали, целовали, баловали конфетами, а тут... его просто никто не замечал! Все бегали и суетились, спешно собирая какие-то узелки. Арбакеш пытался было приставать к старшим с распросами – куда и зачем все собираются, – но безуспешно. С минуты на минуту, мол, может появиться Папа, и надо торопиться. Все уже устремились за калитку, а Арбакеш все еще сидел на крыльце, тщетно пытаясь обратить на себя внимание молчаливым укором: ведь на одной ноге у него нет сандалии! Но все напрасно, никто не замечал его красноречивого взгляда, и ему оставалось только пристроиться следом. Мимо дома Шурабековых по мостику через арык вышли на гору. Арбакеш, едва поспевая за старшими и пытаясь не ступать на колючки, все вопрошал: «Зарифа, Нарифа, Клара, Бакир, куда мы бежим?..» Что-то подсказывало Арбакешу, что Маму лучше не беспокоить.

И вот спешная вереница добралась до остановки, что чуть ниже мусульманского кладбища, прямо у выезда из деревни. Привыкший всегда держать Маму за руку и ла-

ститься к ней, Арбакеш был окончательно сбит с толку: Гокка стояла поодаль, спиной к детям. И по-прежнему никто не пытался хоть как-то объяснить кенжетаю, что происходит. Подъехал пазик, беглецы забрались в него, и сын наконец-то оказался рядом с Мамой на сиденье за водителем. Гокка продолжала хранить молчание. Пробегаящим мимо селеньям: Джыланды – Змеиное логово, Тюе-Тас – Верблюжий Камень, Кара Булак – Черный Источник, Аксу – Белые Воды... – не было конца, и всю дорогу Арбакеш рассматривал монету на полу под сиденьем водителя, не решаясь поднять ее...

...Помнится, Арбакеш приходил к апо¹ Аббасу, очень важному человеку – он был завскладом. За железными резными воротами во дворе его складского хозяйства лежали невиданной красоты велосипеды, новехонькие, и все в масле. Арбакеш протягивал ладонку сквозь решетку и, когда апо Аббас приближался к воротам, разжимал ее, полностью вверая содержимое большому человеку. Затаив дыхание, он с надеждой ловил его взгляд, молча вопрошая вершителя судеб:

– Апо, этого хватит?!!

Тогда в ладошке Арбакеша была всего одна медная монетка с цифрой «3», а теперь тут хоть и меньшая размером, зато «серебряная» и с цифрой «10». Стоит протянуть руку – и велосипед твой. Но Гокка никогда не отказывала кенжетаю в его желаниях, и раз она сидит молча, не обращая внимания на сверкающий под сиденьем водителя велосипед, значит, с его покупкой придется повременить.

Через вечность в глубокой ночи автобус въехал в яркий красочный город: невиданные доселе неоновые лампы вызвали ощущение нереальности в детской душе, уставшей от избытка негаданно-нежданно навалившихся эмоций. Братья и сестры жадно упивались огромным городом и лицемерием непривычного количества людей. Арбакеш же не выпускал Мамину руку из своей ладошки. Он боялся, что Гокка может отойти и стать спиной к нему. А это значило бы, что ей очень-очень плохо и она не хочет, чтобы Арбакеш видел это.

– Балам, ты стесняешься гулять в одной сандалиии? Гокка обещает, как только мы приедем, первым делом она купит своему кенжетаю сандалиии.

Арбакеш молча сидел рядом с Мамой, прижимая ее руку к своей груди.

– Айналайын, ты уже второй день не ешь ничего и никуда не ходишь. Клара, отведи братика в туалет.

Но Арбакеш не выпускал руку Мамы из своей ладошки.

– Ты хочешь, чтобы Мама пошла с тобой?

Арбакеш продолжал хранить молчание, но Гокка поняла, что это был знак согласия, повела Арбакеша за руку и остановилась перед дверьми, куда один за другим входили и выходили знакомые дяди.

Как ни уговаривала Мама, сын не выпускал ее руку из своей ладошки, и Гокке пришлось войти с малышом в женский туалет, но тут же на нее набросились тети и стали кричать: «Ты куда с мужчиной?!» Арбакеш не знал еще, что значит русское слово «мужчина», и пожалел Маму: ей придется иметь дело в этом городе со столькими злыми

¹ Апо (курд.) – дядя по отцовской линии. Обращение к уважаемым старшим мужчинам.

людьми! И зачем они вообще уехали из своего уютного прохладного дома, и Арбакеш должен теперь ходить по огромным подвалам в одной сандалие? Гокка прикрывала собой Арбакеша, заслоняя от кричащих теток, и сказала: «Балам, айналайын, не обращай ни на кого внимания, твоя мама с тобой, ничего не бойся».

Вернувшись на место, Арбакеш, так долго и затаенно терпевший муки, тут же облегченно уснул...

...И проснулся, как было ему сказано, на Кавказе.

Автобус ехал среди невиданной зелени гор и остановился. Слева – каменный забор, через который все старшие наблюдают происходящее за ним, а Арбакешу, как назло, ничего не видно. Он подпрыгивает, встает на цыпочки – но все без толку. Только зайдя в калитку, Арбакеш увидел... Эта картина до сих пор у него перед глазами. Ання¹ вся в черном сидит на крыльце. И тетя Кулистан, моющая черные-черные волосы в тазу на табурете. Волосы были гордостью тети, густые, длинные, самые длинные волосы в Карачаево-Черкесии, их кончики достигали пяток и касались земли, когда она спускалась по лестнице. Тетя Кулистан очень красивая. Но почему она совсем не рада сестре и ее детям?! Ведь они проделали такой длинный путь, чтобы встретиться с ней...

Ання брала внука с собой в горы и просила собирать плоские камни и складывать из них пирамиды. А сама молча сидела поодаль, глядела на реку Кубань и разговаривала с кем-то, звала какого-то Исмаила: «Исмаил, джашым²...» Кто это был, Арбакеш не ведал. Но он обязательно вернется, если внук будет прилежно собирать пирамиды из плоских камней. Так говорила ання Эдихан.

Когда пришло время возвращаться с Папой в Казахстан, Эдихан сказала Арбакешу: «Ты рожден, как и мой Исмаил, седьмым в семье. Постарайся сделать то, что не смог Исмаил».

Годы спустя Арбакешу поведали историю, что у его бабушки был младший сын, Исмаил, брат Гокки, очень способный мальчик, необыкновенно красивый, отзывчивый, умный. Окончив школу с золотой медалью, он собрался поехать поступать в МГУ. В день отъезда он пошел купаться на реку Кубань. Все видели, как он шел вниз по улице. Но до ожидавших его у реки ребят он не дошел. Исмаил пропал. В советское время человек не мог просто так исчезнуть – несколько месяцев водолазы из Москвы искали его повсюду, прочесали все реки вплоть до Черного моря, и нигде не нашли.

Исмаил исчез бесследно...

МОРОЖЕНОЕ В ВЕРТОЛЕТ! (ЛОПУХИ В ЦВЕТНИКЕ)

Откуда ни возьмись, упав как снег на голову, в доме карачаевской бабушки появился незнакомый гость. Сильного мужчину, которого все называли Папой, Арбакеш не помнил. Ни в казенном старом доме в центре села, откуда голодный Бакир отправился искать Маму и получил в награду за рождение Арбакеша аж пригоршню изумитель-

ного мармелада, ни в новом доме, на крыльце которого Арбакеш, недоумевающий, сидел с одной сандалией на ноге, Папы в его воспоминаниях не было.

Подтянутый Папа как будто прилетел с Луны, говорил на непонятном языке и вносил всеобщую сумятицу в крохотный дом Эдихан. Мама, глубоко задумавшись, часами стояла спиной к дому под дальними грушами, а тетя Кулистан стала еще более вспльчивой. Только ання, в одиночку взрастившая в депортации восьмерых детей, была невозмутима.

Папа появился как будто бы с единственным желанием – дарить счастье детям! Он тут же стал расспрашивать, не желает ли Арбакеш поесть мороженого или прокатиться на вертолете?

– Бу не¹, Папа?

Кулистан не желала отпускать детей своей сестры. Мама избегала разговоров, но упрямый Папа настаивал: в конце концов родственники Мамы не имеют права лишать детей радостей, если уж сами не в состоянии их обеспечить. И вот Папе удалось убедить несговорчивую свояченицу, что он на день заберет сыновей в город. Однако Кулистан настаивала, что должна непременно сопровождать племянников. Арбакеш никогда не видел людей, которые бы так мало ладили друг с другом, как Папа и Кулистан. Без устали пререкаясь, они спустились по Школьной улице и достигли реки у нового моста через Кубань, где останавливались автобусы на пути из Домбая в Минеральные Воды.

Арбакеш опасался, что Кулистан не договорится со своим зятем, и тогда не видать ему ничего, кроме своего деревянного самолета и плоских камней на горе, которые он собирал для загадочного Исмаила, исчезнувшего в этой бурной реке.

«Недаром ання кляла эти стремительные воды! Как страшно смотреть вниз!» – голова у Арбакеша закружилась, но всемогущий Папа подхватил его на руки, перенес через мост и остановил красивейший уазик с открытым верхом. Арбакеш никогда не видел такого чуда техники. Папа попытался было отделаться от назойливой Кулистан, но красавица тетя, обычно такая гордая, несмотря на все Папины колкости, не желала оставлять племянников наедине с их отцом.

У Арбакеша перехватило дыхание: карусели сменялись трубочками, в которых переливались красивейшие разноцветные стеклышки. Но времени взглянуть в чудесные стеклянные узоры не было совсем, потому что Папа уже привез их в зоопарк. Папа был настоящий волшебник, в его руках как по мановению волшебной палочки появлялись всякие невиданные сладости и что-то такое странное, чего никак не мог распробовать Арбакеш, а Бакир проглотил уже три штуки и кланчил опять: «Папа, еще хочу мрожная».

Кулистан не вынесла такой идиллии и, вконец расстроенная, отстала. Арбакеша стало подташнивать от избытка впечатлений, как вдруг, откуда ни возьмись, перед его носом появилась гудящая большая стрекоза, снесшая ветром своих железных крыльев кепку с головы. «Бу не, Папа? Вырталъот?»

Стрекоза, сильно покачиваясь из стороны в сторону, резко взмыла в небо. Уши заложило. Дома удалялись вниз, нутро все ходило ходуном. Красный сладкий петушок-леденец стал проситься назад на деревянную палочку, оставшуюся в руке...

¹ Бу не? (карач.) – Что это?

¹ Ання (карач.) – бабушка.

² Джашым (карач.) – сын мой.

Папа снял номер в маленькой гостинице у аэропорта и наверняка задумал еще большее счастье детям, но неизбалованные мизерной пенсией карачаевской бабушки детские организмы не в состоянии были вместить столько эмоций: их попеременно рвало в желтые цветы палисадника.

Какая досада! Если бы не эта несносная беспрерывная рвота, Папа забрал бы их в Казахстан, где постоянно катал бы на вертолете и угощал мороженым. Пришлось вернуться в казавшийся теперь скучным аул Сары-Тюз, где их встретили явно обеспокоенные женщины. На прощание Папа произнес: «Скажите вашей Маме, что хотите вернуться в Казахстан!»

С тех пор Арбакеш грезил Казахстаном, он думал, что это название их нового дома, с крыльца которого ему пришлось бежать некогда в одной сандалиии. И во дворе дома стоит теперь Папин вертолет, а вокруг него тетеньки в белых халатах держат наготове в руках мороженое на палочках. Любимые бабушкины хычины¹ и айран с кукурузной мукой дяди Мухтара потеряли свое очарование.

Арбакеш по несколько раз на день дергал Гокку за руку и вкрадчиво осведомлялся: «Маам, а мы скоро в Казахстан поедим?!»

И вот этот радостный день наконец настал! Папа опять приехал и весь светился, хотя и говорил на еще более непонятном языке. Хорошо, что рядом есть сестра Клара, которая может растолковать его странные речи.

Родной дом оказался совсем не таким, каким представлялся в Арбакешевых грезах. Палисадник и огород поросли лопухами, и Арбакеш очутился в джунглях, где едва мог найти тропинку к погребу. Старшие братья-сестры радовались встрече с одноклассниками Шурабековыми, жившими напротив. Столько эмоций от возвращения в «Казахстан»! Надо найти Маму и все ей рассказать.

– Ма-ма! Ма-ма! Сен кьайдаса?²

Пока дети как оголтелые внюхивались в окрестности и заново вживались в них, Гокка сидела, опустив голову, опершись локтями о колени, на краю дивана в захлавленной гостиной заброшенного дома.

– Мааам, шурабековский Тепа такой странный стал, некоторые слова говорит неправильно, а другие совсем непонятно...

– Это потому что он говорит на казахском языке.

– ...Маам, а я на каком языке говорю?

– Ты говоришь на карачаевском.

– А почему я раньше всех хорошо понимал, пока мы не уехали на Кавказ?

– Потому что ты тогда и на казахском, и на русском языках говорил, а теперь их подзабыл.

– ...Мааам, ты совсем не рада, что мы вернулись в Казахстан?

– Конечно, рада, балам.

– А почему ты тогда плачешь? Мама...

¹ Хычын (карач.) – традиционное карачаевское блюдо, лепешки с картошкой, жаренные на масле.

² Сен кьайдаса? (карач.) – Где ты?

– Это слезы радости... – ответила Гокка как-то глухо, неубедительно и не глядя в глаза сыну.

Арбакеш сделал вид, что поверил Маме, ведь ему было недосуг – друг Тепа обещал научить Арбакеша играть в асики!¹

«А все же жаль, что у Папы всегда так много работы, – еще долгое время думал Арбакеш. – Иначе он непременно вспомнил бы о своем обещании кормить мороженым и катать на вертолете!»

СВЕТ, ТЕПЛО И ПУСТОТА

Снега выпало непривычно много, и он не растаял в тот же день.

В свою первую ссылку в Заречную² Арбакеш был отправлен с Кларой. Папа отсылал сына к своим родственникам, чтобы тот овладел курдским языком.

Арбакеш с недоумением наблюдал, как родственники называют его сестру Каламкас. Странное курдское имя непривычно резало слух. Райка – а именно так называли все, включая малых детей, жену апо Кадира – усердно топила домик, хотя сама едва передвигалась: в очередной раз она была на сносях. Холодный воздух был наполнен ожиданием.

Контакт с кузенами Абди, Садо и Дашто не особо ладился. Лишь их брат Хито с помощью пары знакомых ему русских и казахских слов добродушно пытался разговорить ссыльного. На этом диалекте Хито объяснил Арбакешу, что Райка каждый год рождает девочек, но ни одна из них не проживала больше пары недель.

Сквозь ветхую тряпичную занавеску было слышно, как Райка борется с болью схваток, чей-то шепот и опять приглушенный стон. В первой из двух комнаток, служившей днем кухней, на кошке спали в ряд мальчишки.

Из сизого утреннего тумана появился незнакомый мужчина, внес с собой ледяной воздух улицы, прошмыгнув за занавеску, стал что-то бормотать и, судя по шороху одежды, проделывать какие-то пасы с жалко попискивавшим новорожденным. Хито пояснил вполголоса, что это мулла пришел совершить обряд перекидывания девочки между ногами. Это должно сохранить ей жизнь.

Хито тоже учился в первом классе, но в курдско-казахской школе Заречной. Школу открыл несколько лет тому назад отец Арбакеша. Арбакеш показывал Хито русский букварь и объяснял, что на картинке самый лучший человек в мире, дедушка Ленин. Апо Кадир буркнул себе под нос: «Oy le ba lê ketiye³, нашли тоже хорошего человека. Райка и та в сотни раз лучше вашего лысого...» Арбакеш умолк в недоумении. Изучение русского букваря на этом завершилось.

В рано наступавшей темноте кузены пробирались в огромный хлев и, умело орудуя, фонариком, вылавливали мирно спавших под сводом голубей. Через полчаса красивые

¹ Асики, алькики, ашики (и др.) – старинная игра, предположительно зародилась в Египте в V–IV вв. до н. э. в качестве гадательной практики на костях животных, например барана. Перекликается с гаданиями на костях в Древней Индии, у израильтян времен до Пророков, зороастрийцев, викингов и др. Широко распространена в Азии.

² Ферма Заречная – так, в женском роде, называли селение все в округе.

³ Oy le ba lê ketiye (курд) – Чтоб ему пусто было (букв.: Чтоб его ветром продуло).

безобидные пташки превращались в груды мелких жареных кусочков с беспомощно торчащими лапками. Поедать мирных пташек было очень жаль. Арбакеш совсем не ел мяса, Мама всегда готовила для него вкусные детские смеси, хотя Папа и ругал ее за это.

Но выказать дяде свое отвращение Арбакеш не решился.

Апо Кадир был нелюдимым и строгим. Желание перечить ему отбивал глубокий шрам на переносице Хито. Летом он чем-то не угодил своему отцу, и тот с размаху запустил в него пиалой с чаем. Ребро пиалы перерубило нос Хито пополам. Мир был чужим и неласковым, когда рядом не было Гокки.

Все эти тянувшиеся вязкой вереницей дни Арбакеш затаенно выискивал случай остаться наедине с сестрой и, когда выжидать уже было нельзя, за углом дома посвятил ее в свой секретный план. Завтра Гокка уезжает в далекую Алма-Ату на зимнюю сессию, и Арбакеш непременно должен попрощаться с любимой Мамой. Старшей сестре предназначалась роль проводника, ведь братик понятия не имел, как добраться до родного дома.

Клара и Арбакеш, играя, поднялись на холм над домом апо Кадира и, продолжая предаваться невинным детским забавам, все дальше и дальше удалялись направо от оставшегося в низине жилища. Убедившись, что они вне поля зрения, дети пустились наутек. Беглецы явно недооценили глубину выпавшего снега. Достигнув в эйфории побега холма над пионерским лагерем, следовавшего сразу за огромным садом на окраине Заречной, они растерянно обнаружили, что ногам холодно в промокшей обуви и сил идти дальше едва оставалось. Возвращаться к грозному дяде тоже совсем не хотелось.

Сумерки настигли беглецов в самой глубокой балке над изгибом реки Боролдай. Ноги Арбакеша беспомощно вязли в бездонных сугробах. Клара пыталась поднять братишку на руки, но ноша на таком крутом подъеме была ей не под силу. Сестра в отчаянии предложила вернуться, пока не поздно, в Заречную, иначе можно замерзнуть, а ночью съедят волки. Братик, опустив голову, молчал, но и шагу назад не ступил: он был полон решимости идти до конца. Каламкас не могла оставить продрогшего и обессиленного кенжетая одного вдали от селений.

Часом позже трактористы Верхнего Боролдая покидали свой гараж и, заметив две детские фигуры, неверной поступью выплывшие из холодной темноты гор, в недоумении разглядывали их. Из-под беспорядочно слипшейся над бровями челки мерцали глаза Клары, она из остатков сил прижимала к своему боку голову Арбакеша. Трактористы разводили руками и открывали рты, объясняя что-то Кларе, но смысла их слов Арбакеш уже не воспринимал и только тихо твердил: «К Маме хочу... не завтра ... сегодня ...к Маме хочу...» Один мужчина расстроено махнул рукой, вернулся в гараж, завел трактор, помог Кларе втащить в тележку Арбакеша и рванул вниз к реке, отделявшей их от родного села. Угрожающая беззвучная масса заполнила весь деревянный решетчатый настил. Трактор качало во мраке, и тогда ноги, совсем не чувствуя холода, проваливались в бездонную жидкую темноту между досками. Несколько раз, сильно накренившись, трактор останавливался, казалось, прицеп вот-вот перевернется и выплеснет в черные воды две детские фигурки, сидящие посреди тележки, крепко обнявшись.

Тракторист высадил беглецов на задворках стройчасти. Выбравшись ко входу, Арбакеш опознал напротив него въезд в село, где на остановке стоял он некогда с одной сандалией на ноге. Все было теперь как в тумане: лампочка над продаггом, за ним – длинный дувал гаража за кидаящими мрачные тени акациями, напротив него – почта

и столб перед ней со скорбно молчащим алюминиевым громкоговорителем. Дальше Арбакеш пути не помнил, вероятно, до дома его тащила Клара.

На кухне сказочно светло и чисто, раскаленная печь приятно обжигает обмороженное лицо и руки. Папа уютно сидит в кресле и читает газету, Зарифа, засучив рукава, как обычно неустанно возится по дому... Пожалуй, никогда еще не было такого теплого вечера в жизни Арбакеша. Но... где же... где... где...

Арбакеш боялся мысленно додумать свой вопрос.

Тревога ледяным жгутом опоясала начавшее оттаивать детское сердечко.

– Зарифа, а Мама... она... ведь корову доит?

– Гокка в Алма-Ату сегодня уехала...

Опоздал. Огромная зияющая пустота поглотила сей же миг самый теплый вечер в жизни Арбакеша.

ЛУНА НА ТОПОЛЕ, СТАЛИН ПОД ОПИЛКАМИ

Когда небо наглухо окутывало своим звездным сводом реку Боролдай, опираясь на холмы по берегам, семья Арбакеша пила чай на топчане в саду. Папа горделиво возлежал на подушках, братья и сестры восседали вокруг дастархана¹, а Гокка, сидя на стуле у топчана, передавала через Арбакеша пиалы по кругу. Кенжетай сидел по правую руку от Мамы.

Порывы ветра шильды² урывками доносили из-за дома Непруков протяжное пение Сабиры и Закиры, близняшек Беренкуль-апай. Время от времени, и каждый раз неожиданно, падали яблоки на землю. То глухо, едва слышно, на сухую почву, то с шелестом на первые опавшие листья, то – на мгновение пугая Арбакеша – звонким шлепком, с бульканьем погружаясь в воды арыка.

Арбакеш ложился на спину.

...Звезды висели так низко, что казалось, они держатся на соседских тополях. И сруби Люфт, ссыльный тихий немец, свои тополя – небо рухнет на мясомолочный колхоз им. Сталина. Усатый бюст стоял на постаменте посреди Центральной улицы, грозно обозревая со своей высоты въезжающих. За его спиной, напротив дома Калашниковых, возвышалась деревянная ограда, охранявшая буйство ярких цветов. К усатому бюсту стекались иногда нарядные односельчане с воздушными шарами в руках детишек, одетых в обновки. Детвора чувствовала себя неуютно в обуви и новой одежде и затравленно озиралась по сторонам. Наконец дяди, стоявшие вокруг усатого бюста, уставали неестественно махать руками и выкрикивать высокими срывающимися голосами что-то невнятное и вместе с толпой, теряя праздничный строй, устремлялись к базару. Сам базар представлял собой три огромных тополя слева от железных ворот склада. Под тополями сидели обычно их ровесницы – узбекские торговки семечками и прочей востребованной народом снедью.

¹ Дастархан – тюркская скатерть прямоугольной формы, на которую выставляется еда. В летнее время дастархан накрывают посреди топчана, а по его периметру кладут стеганые одеяла-курпача, на которых удобно возлежать.

² Шильде (каз.) – самый жаркий месяц лета.

Бабули, одни и те же на протяжении многих лет, приезжали из Кара-Булака, большого узбекского городища на пути следования в Чимкент. Попотеть им приходилось вдоволь в канун Дня международной солидарности трудящихся – буквально у каждого представителя юного поколения было в руке по изготовленному ими красному петушку-леденцу. Кому праздник, а кому тяжкий, наполненный конкуренцией, день: с другой стороны железных ворот склада, у входа в сельпо, уйгуры продавали свои вкуснейшие пирожки, дунгане – дымящийся лагман, а китайцы – яблоки, полотенца с меткой «Дружба» и ярко расписанные термосы. Несносный писк детских свистелок сопровождался громкими отрывками – с автолавок шла бойкая торговля привезенным из Белых Вод газированным грушевым дюшесом. На этом солидарная часть праздника вырождалась в расслоение трудящихся масс: женщины с детьми, осоловевшими от впечатлений и избытка сладостей, медленно и неохотно разбредались по домам, сильный же пол, предварительно запасшись в сельпо прозрачным напитком за 3 р. 62 коп., возбужденно устремлялся за склад вниз по тропинке в тогай, тальник у реки. Лишь несколько самых отчаянных женщин решалось составить компанию разгоряченным мужчинам. К вечеру они выплывали из низовьев Боролдая со сбитой прической и нетвердой походкой, подворачивая каблук, под прицелами сотен порицающих женских и любопытствующих детских глаз, не решаясь поднять взор, ссутулившись, плелись по аллее из акаций домой.

Как-то сельские зеваки собрались вокруг усатого бюста, но на этот раз без красных петушков в руках. Чувство тревоги, подогреваемое отсутствием кумачовых стягов и воздушных шаров при большом скоплении люда, предвещало катастрофу.

Незнакомцы накинули веревку на шею бюсту, другой ее конец привязали к трактору. Трактор медленно тронулся с места, усатая голова накренилась вперед и под испуганный вздох толпы упала на землю.

Колхоз имени упавшей в придорожную пыль усатой головы переименовали в совхоз имени XXII съезда КПСС, а сам гипсовый Сталин валялся с петлей на шее на задворках сельской стройчасти. Но и там он внушал Арбакешу необъяснимый животный ужас. Арбакеш боялся смотреть на того, кто гонял по свету как пушинки его самую добрую, самую красивую Маму и его самого сильного Папу. Папа, правда, говорил, что торчащий из-под опилок памятник все делал верно, поскольку курды не любят никому подчиняться и им нужны железные командиры...

Огромный светящийся блин прямо над головой задумчиво внимал горячим речам Папы о светлом будущем Курдистана.

Арбакеш терпеливо дожидался, пока Папа начинал громко, с хлопаньем втягивать в себя чай из пиалы, и спрашивал:

– Паап, если я залезу с нашего забора на тополь Люфты, смогу достать луну? Нет?! Почему? А с горы над домом Шурабековых?.. Только с Малой или Большой Туры?

Станный все-таки Папа. Такой умный, а говорит – не поймешь что: луна висит прямо перед носом Арбакеша на тополе Люфты, а чтобы ее достать, нужно якобы дойти до вершины едва видневшихся на горизонте гор.

«Твой самый старший брат, – говорил Папа, – пытался догнать луну. Он пошел как-то на гору...» – и дальше так странно описывал произошедшее, что до Арбакеша так и не доходило, дотронулся ли Азим до луны.

Речи Папы убеждают людей, к нему каждый день приходят за советом, но он не может ясно и просто ответить на вопрос Арбакеша. К тому же в самый захватывающий момент

вдруг требует «Kurmançî xebêrde!»¹, отбивая тем самым всякое желание что-либо спрашивать. То ли дело Мама! Гокка понимает Арбакеша с полуслова и тут же движением своих изумрудных глаз развеивает опасения, теснящиеся в его груди. «Конечно, балам достанет луну с тополя... вот станет больше кушать, наберется сил, взберется на тополь и...» – задумчиво говорила Гокка, как бы представляя себе эту картину. И вдруг опомнившись: «Айтпахшы², корни тополя в чужом огороде, нехорошо взбираться на него без спросу. Я спрошу при случае Люфты, уверена, он разрешит моему кенжетаю достать луну».

Люфт с помощью удавки и дверной ручки ушел из жизни, но к тому времени Арбакеш подрос и не нуждался в посторонних предметах, чтобы дотянуться до своей мечты.

Зозан

Был год Быка.

Отец разбудил Арбакеша еще затемно со словами: «Гони овец на зозан³ к апо Садыку. Хито ждет тебя во дворе».

Оборванные и разбросанные школьниками желтые и красные тюльпаны вяли на школьном дворе. Между школой и домом Шурабековых вышли на гору.

В стаде оказалось около ста овец и еще больше ягнят, и предстояло гнать их до Малой Туры.

Кто когда-либо гнал овец, знает, что это не спокойная прогулка: овец надо постоянно направлять, совершая кучу перебежек. Часа через четыре пути руки-ноги Арбакеша стали отказывать, но ему почему-то ужасно стыдно было показать свою усталость ровеснику, хотя Хито, в отличие от Арбакеша, рос в горах и не стоило на него равняться.

Когда пришло наконец время перекусить, в глазах у Арбакеша рябило. Достали чайник, носик которого был аккуратно заткнут местной районной газетой о тружениках села «Алгыабас», и кусок лепешки – это был весь провиант. Арбакеш с вождением смотрел на хлеб и уже приготовился откусить, как Хито остановил его. Он вытянулся и стал смотреть вперед, туда, откуда приближался всадник – аксакал⁴.

Арбакеш вопросительно взглянул на Хито. В ответ тот произнес: «Мы ждем гостя». Арбакеш очень удивился, ему казалось, сначала надо перекусить: «Хито, у нас ведь так мало хлеба, давай сначала его съедим, а потом поговорим с аксакалом...» – попытался возразить он. Оказалось, так нельзя, трапезу надо разделить с гостем. Самое удивительное, что аксакал воспринял все очень серьезно.

Хито поприветствовал его: «Саламатсыз ба, Акъсакал, отырыныз, чай ишенізі!»⁵ Всадник спешился, отломил кусочек хлеба, отпил глоток чая и сказал: «Сизге рахмет!»⁶ Только после этого кузены приступили к еде.

¹ Kurmançî xebêrde! (курд.) – Говори по-курдски!

² Айтпахшы (каз.) – Кстати (букв.: Вот что я хотела еще сказать).

³ Зозан (каз.) – курдское кочевье, джайляу.

⁴ Аксакал (каз.) – «ак» (белый), «сакал» (борода).

⁵ Саламатсыз ба, Акъсакал, отырыныз, чай ишенізі! (каз.) – Здравствуйте, уважаемый! Присаживайтесь, угощайтесь чаем!

⁶ Сизге рахмет! (каз.) – Благодарю вас!

Часам к четверем вечера юные пастухи наконец оказались в юрте апо Садыка. Хито, поев, тут же уснул у дастархана на подушках, а Арбакеш почему-то решил вернуться в этот же день домой, к матери. Сложно сказать, почему он захотел это сделать, наверное, это была такая эйфория, которая возникает, когда уже и так что-то необычное, героическое сделано и хочется совершить еще большее... Дядя отговаривал племянника: «Ты не сможешь дойти, темно и шакалы бродят по дорогам». Но тот ответил, что попробует. Тогда апо Садык посоветовал идти по скалам, это всего часа три займет, хоть и опасно, да путь зато в несколько раз короче. Так Арбакеш и сделал.

Солнце садилось за Большую Туру. Надвигались сумерки. Арбакеш на ощупь пробирался между острыми камнями и, хватаясь за них, скользил и падал, почувствовав, что такое дыхание пропасти. В последних лучах заката весь ободранный, в царапинах и ссадинах он вышел на ровную дорогу и громко произнес: «Слава Богу! Теперь-то со мной ничего не случится». В этот момент кто-то сзади резко дернул его за ноги. Арбакеш рухнул лицом в пыль, сильно ударился и с криком «Хито!» обернулся. Кто еще, прокрававшись тайком по пятам, мог так подшутить над ним?! Но позади на хорошо просматривавшихся предгорьях никого не было. Абсолютно никого.

С тех пор Арбакеш старается не говорить «гоп», пока не перепрыгнет.

Хаджи Садык

Пока апо Садык мирно пас овец в высокогорьях зозана, Папа, словно советский командир в фильмах о Великой Отечественной войне, накручивал диск стоявшего на подоконнике гостинной телефона, высоким возбужденным голосом просил коммутатор соединить его с «два полсотни девять один» и в пространственных телефонных разговорах с апо Надиром часто упоминал слово «хадж».

Это слово у Арбакеша ассоциировалось с занимательными и поучительными историями о Хаджи Насреддине и Хаджи Надире. О первом из, как он думал, братьев Арбакеш постоянно читал в книжках, а о втором любили рассказывать старшие родственники. «Как это несправедливо! – думал Арбакеш. – Одному брату почет, уважение и столько книжек о нем написано, а второму, хотя его истории гораздо более трогательные, ничего, кроме любви десятка родственников. И ни слова ни в одной книжке! Так вот и с моими дядями: самый старший – апо Садык – самый остроумный, самый мудрый, самый добрый. Он всегда сажает меня слева от себя на корпачу¹, поглаживает по макушке и никому не дает в обиду, а сам сидит, занятно подогнув под себя ноги, и с веселым прищуром поглядывает на мир. И никогда, никогда не позволяет целовать ему руки, как этого требует от Арбакеша Папа. И как обидно, что Папа не любит его так же, как своего младшего брата Надира, то есть он, конечно, вежлив с ним, но как-то слишком подчеркнуто и как бы даже с иронией – наверное, Папе не нравится, что Садык – чабан и совершенно безграмотный, ни писать, ни читать не умеет. Ну и что?! Зато он рассказывает истории так, что перестаешь даже дышать, боясь пропустить слово. И считать

овец, как апо Садык, никто в мире не умеет! Он стоит в сторонке, а мимо него гонят стадо, и потом апо Садык говорит спокойно: девятьсот восемьдесят семь. И ни разу в жизни не ошибся! Говорят, у него есть свой секрет, доставшийся от предков, – считать сразу по шестнадцать овец. А вот апо Надир приезжает из города на дорогих машинах, всегда обклеен толпами сюсюкающих с ним родственников, и ему наверняка бы понравилось, если бы я ему целовал руки...» Но такого удовольствия Арбакеш ему не доставляет, и Папа ругает его за это.

И вот Папа и апо Надир постановили: апо Садыка превратить в хаджи!¹

Умысел, согласно которому братья хотели упечь Садыка в хаджи, оказался совершенно далек от религии: Садык был совсем не враг спиртным напиткам, и они смекнули, что после хаджа он наверняка не осмелится быть уличенным в употреблении запрещенного правоверным алкоголя.

Апо Надир занимал высокий пост в городе, он выбил для брата путевку в Египет и Саудовскую Аравию, что по тем временам было делом немислимым: отправить неграмотного чабана в загранпоездку в капстрану.

Апо Садык вернулся из хаджа полон впечатлений. Одна, главная, комната в доме была набита почетными гостями. Хозяин сидел спиной к стер², где на сундуке сложена постель хозяев. Его жена, мяте³ Фаллак, была рада больше всех и с деланным недоумением вопрошала: «Водка?! Вы что?! Где вы видели, чтоб хаджи употреблял алкоголь?!»

Гости все прибывали и прибывали, поздравляли с возвращением из хаджа. О гостях оповещал самый младший, седьмой ребенок дяди – Абубакр, приемный казачонок, которого апо Садык подобрал некогда на рынке грязным и косолапым сиротой и который впоследствии оказался очень преданным ему сыном. И вот когда все собрались, слово предоставили хаджи. Он показывал фотографии, вывешенные к тому времени на стене – вот Кааба, вот Зем-Зем... Арбакеш и гости, конечно, верили в это с трудом, но открыто перечить не решались: «Что, апо Садык, прямо в воздухе висит этот Черный камень?» – «Да, прямо так и висит!»... – и наступала взволнованная тишина.

После долгих рассказов и многочисленных расспросов все, и в первую очередь апо Садык, заметно подустали. Тут хаджи привычным жестом просунул руку между одеялами за своей спиной, достал оттуда припрятанное, налил, сказал облегченно: «Ну, друзья, путь был долгий и трудный. За это надо выпить!» – выдохнул и опрокинул стакан.

Уроки Немецкого (Отто, Космос и Отменный Урок)

«Бендеровец Непрук был по молодости поделником Остапа Бендера и за их совместные с турецкоподданным проделки был наказан ссылкой в нашу глухомань. Невинно пострадавший, как и мои родители», – так думал Арбакеш о выпивающем соседе, с увлечением наблюдая каждый вечер, в каком именно месте тот свалится в арык на этот раз.

¹ Хаджи – мусульманин, совершивший хадж, паломничество в Мекку.

² Стер (курд.) – постельные принадлежности, сложенные друг на друга, обычно на сундуке, у стены в отдельной комнате. Является местом поклонения, олицетворяет собой священный очаг.

³ Мяте (курд.) – тетя по отцовской линии.

¹ Корпача, или курпача, – стеганое лоскутное одеяло, стелющееся вокруг дастархана.

Пока не был просвещен в далеком от деревни Университете о бандах Бандеры в Западной Украине.

Но по жизнелюбивому нраву Остапу в компаньоны более подошла бы соседка дяди Гриши – Беренкуль-апай, дом которой находился справа, через забор от «недобитого бендеровца» дяди Гриши.

Беренкуль, как и почти все взрослые на этой улице, преподавала в школе. Вот почему улица, на которой жил Арбакеш, именовалась «Учительская».

Скучной теории катализаторов Беренкуль-апай предпочитала бодрящую жилы практику: именно по этой причине ее ученики вместо решения нудных контрольных по химии часто были замечены в ее огороде с лопатами в руках. После вступления в неформальные отношения с учениками, она, по-видимому, считала зазорным изводить их вопросами, касаемыми чего-либо кроме своего огорода. Неистраченный пыл экзаменатора направлялся ею при этом на окружающих, и, бывало, она пытливо вопрошала Маму Арбакеша: «Гокка, а твой кенжетай умеет писать-читать?» – «Нет еще, он же только осенью пойдет в первый класс». – «А моим близняшкам через два года в школу, а они уже читают и считают до ста. Хочешь, они и твоего мальчика научат?!» – «Зачем? – невозмутимо ответствовала Гокка. – Чем же он тогда будет в школе заниматься?»

Идти в школу Арбакешу совсем не хотелось. В ней преподавали дяди и тети, о странностях которых наперебой рассказывали старшие братья и сестры. Менее всего Арбакеша прельщала встреча с Адельгидой. Сестры постоянно дразнили друг друга, на манер учительницы немецкого, покрикивая «ккак это такк?!». При этом звук «к» произносили пугающе гортанно, как Алхазуровы, жившие в селении сосланные чеченцы.

Наконец пришло время изучать иностранный язык. Малодушная попытка сбежать в класс французского закончилась полнейшим крахом: именно в этом году «французенке» приспичило надолго заболеть, и... выбора не оставалось.

Наступил день, когда все детские страшилки грозили стать реальностью: в положенный час урока немецкого дверь в класс со скрипом приоткрылась, и в ней как-то неуклюже, полубоком, появилась высокая кряжистая мужская фигура. Трогательный прищур, устремленный ввысь, пронзительные ясные синие глаза – казалось, они вглядываются в вечность, и видят в буднях чудо, не подвластное взгляду других. Добрейший романтик Отто Эммануилович Вит.

На третьем занятии Отто с сильным очаровательным акцентом произнес:

– Дети, послушайте меня внимательно, что я хочу вам сказать. Если бы мне сказали: «Отто, тебе завтра лететь в космос. Кого ты хочешь взять с собой?» – я бы ответил: «Арбакеша. На него всегда и везде можно положиться, даже в невесомости...»

Соседка Арбакеша по парте Рашида Маусони, дочь ссыльного иранского революционера, приснула в кулачок: «А стартовать, точняк, со свинофермы¹ будете...»

– Не смейтесь, дети. Наш Арбакеш поедет далеко, выучится и станет переводчиком.

¹ Историческая справка, она же алирическое отступление. Свиноферма вкупе с ничего не подозревавшими ее обитателями была основной мишенью шуток мусульманских детей. На ферме работали только немцы и русские, дети мусульман обходили ее за несколько верст.

Маусони и тут реплику вставила:

– Ага, переводить свиней с одной фермы на другую будет...

...Много лет спустя, после Олимпийских игр в Москве, Арбакеш навестил родителей в родном селе, зашел к отцу в школу. Видит: Отто стоит на верхней ступеньке лесенки, белит известкой стену учительской.

– Отто Эммануилович, здравствуйте! Это Арбакеш, ваш ученик. А я на Олимпиаде переводчиком работал.

– Ну, конечно. Я же тебе говорил. – И едва обернулся...

Это была их последняя встреча.

Но Арбакеш и поныне ощущает невыразимую симпатию к светлым германцам с ясными синими глазами...

Гром грянул среди ясного неба. Отто Эммануилович задерживался, семиклассники мирно болтали и в меру бузили, как и все их ровесники во всем мире в подобной ситуации. Вдруг дверь резко распахнулась, в дверном проеме возникла угрожающая фигура Лоран. Она едва сдерживала свой гнев, и первой его жертвой стала дверь: учительница немецкого захлопнула ее с такой силой, что известка посыпалась с косяков.

– Кто тут Арбакеш? – с порога завопила она. – Аааааа, так это ты! – злорадно отметила Адельгида. – Думаешь, если ты директорский сынок, так тебе и внимание особое требуется?!!

Арбакеш, застигнутый врасплох неожиданным поворотом событий, интуитивно решил ответить невозмутимой интонацией Гокки:

– Да, разумеется.

Этого безобидного ответа оказалось достаточно, чтобы привести в движение целый вулкан. Месячный запас мела был раскрошен в пару секунд.

– An die Taffel, schnell!¹ – завопила взбешенная Лоран.

Началась долгая-долгая череда экзаменов для Арбакеша и полной лафы для однокашников. Однообразная череда «пятерок» в его дневнике раскрасилась непривычной «тройкой» по немецкому.

Гокка успокаивала расстроенного сына:

– У Адельгиды тяжелая судьба, и муж ее попивает, да под этим делом побивает ее... А так-то она человек неплохой.

Пара «троек» довольно быстро сменилась ненавистными Арбакешу «четверками», и к концу года все стало на свои места: годовая по немецкому в дневнике не выделялась из других оценок. Но своей привычке вызывать Арбакеша в начале урока к доске строгим голосом и допрашивать его одного на протяжении всего занятия Адельгида Севастьяновна не изменяла.

В тот год ставший, казалось бы, привычным школьный КВН вдруг привлек внимание сельской общественности и по причине ажиотажного интереса к нему был перенесен из школьного зала в сельский клуб, где обычно показывали кинофильмы и выступали редкие залетные гастролеры из города.

¹ An die Taffel, schnell! (нем.) – К доске, быстро!

От выступавшего на сцене Арбакеша не ускользнуло, что сидевшая в первом ряду учительница немецкого, искренне заливаясь смехом, как-то странно и совсем по-ребячьи задирала ноги.

На следующий день Адельгида Севастьяновна не на шутку напугала класс тем, что вошла в кабинет совсем тихо и незаметно. Дети, почуяв неладное, сами собой притихли и молча уставились на учительницу.

Лоран тихо отодвинула стул и медленно присела. Класс не дышал. Из всех звуков Вселенной было слышно лишь кукареканье петуха семьи Федоренко, казенный домик которой находился рядом со школьным забором.

– Дети, как классный руководитель ваших соперников я должна признать вчерашнюю ничью бесчестной подтасовкой. Конечно же, вы несомненные и безоговорочные победители.

Класс радостно загалдел.

– Но это не все...

Все умолкли в недоумении.

Адельгида была в каком-то тихом смутении, что навевало на школьников животный ужас: никто никогда, ни при каких обстоятельствах не видел буйную учительницу немецкого такой нерешительной. Набрав побольше воздуха в легкие, учительница как-то странно вздохнула и медленно подняла взгляд.

– Дети, я должна сделать очень важное заявление и в присутствии всего класса извиниться перед одним человеком... Я была молодая, как вы, счастливая, мечтала о будущем, у меня был любимый чудесный братик, он разговаривал с травой и старался не ступать по земле, чтобы не раздавить муравьев... Но все кончилось в один день. Нас всех согнали с Волги прикладами в Сибирь... Там мой нежный братик заболел, я шла пешком день и ночь, не останавливаясь, чтобы вызвать ему врача из райцентра. Но было поздно. Потом я валила лес в тайге... У меня было очень мало радости в жизни. Но вчера, спустя очень многие годы, я вновь была счастлива... С юных лет я так не смеялась, как вчера. И все это благодаря капитану вашей команды, перед которым я прилюдно извиняюсь... Арбакеш, прости меня за мое несправедливое отношение к тебе. Ты талантливый мальчик и далеко пойдешь. Я хочу, чтобы ты воплотил в жизнь не только свои, но и наши с братиком растоптанные мечты... А теперь, дети, все свободны. Немецкого сегодня не будет.

Это был единственный урок за всю жизнь, который отменила Адельгида Лоран.

БОЛЕРО

Очередные летние каникулы Арбакеша в Заречной – селении, сплошь заселенном его родственниками, – стали уже традицией. Окруженный с трех сторон рекой Боролдай, не имевшей моста, речной оазис был облюбован курдами за его изолированность от советской власти. Дети именовали местечко Зыртечная, Пукаловка¹.

В то лето повелось купаться в водоеме, образованном пробившимся из земли источником. Рашо, младший сын апо Садыка, искусство держаться на водной глади без по-

¹ Игра слов: с курд. «Зыртечная» переводится как «Пукаловка».

сторонней помощи пока не освоил, зато перенял от отца острый язык и смысленность. Однажды ему надоело сидеть на раскаленном берегу и смотреть на резвящихся в ледяной воде сверстников, и он решился на водные процедуры. Прием для этого был выбран беспрюграммный: привилегию плыть Рашо великодушно предоставил Арбакешу, сам же, обхватив мертвой хваткой его шею, удобно пристроился на его спине.

Ценой невероятных усилий, изрядно наглотавшись воды, Арбакеш смог-таки разомкнуть цепкие объятия младшего кузена. Он вылез на сушу и сел на берегу кани¹, дрожа от переохлаждения и нервного потрясения. Совместное с Рашо купание едва не стоило ему жизни.

Арбакеша тянуло домой, к Маме, к своему уютному, прохладному, полному цветов дворику... Отчужденное молчание прервал Рашо: «А у апо Ади маленький синий ящик появился...» – И плутовато улыбнулся. Но, смекнув, что насупившегося Арбакеша не так-то легко задобрить, выпалил: «Он картинки показывает! Serê apo»². Обида отступила на второй план. Арбакеш, не поворачивая к мучителю головы, пробурчал: «Ври больше...»

В приземистой глинобитной мазанке³ дяди Ади действительно стоял маленький рогатый ящик, в котором двигались синеватые размытые силуэты. Разглядеть большее Арбакешу не удалось: младшая поросль Зыртечной не утруждала себя знанием изящных манер и немедленно отпихнула локтями пострадавшего при спасении на водах.

Когда ящик гораздо больших размеров появился в доме Арбакеша, он захватил его внимание полностью. Мужчина и женщина, страстно обвиняя друг друга руками и ногами, с отрешенным от всего земного выражением на лицах, элегантно и самозабвенно скользили по льду. Звучало загадочное и притягательное «Болеро», Равель... А тягуче-ласковое «Ириина Моисеева» и мужественное «Андрей Миненков» стали заклинанием, которое Арбакеш твердил про себя, словно зикр⁴.

Китайские лазутчики перестали нападать на мирных граждан совхоза имени XXII съезда КПСС, и сознательному члену местной пионерской организации имени Рихарда Зорге – Арбакешу – не нужно было впредь каждую ночь повторять партизанские вылазки. Место мученических подвигов Арбакеша-пионера в сновидениях заняли танцы на льду, полные изящества, грации и безукоризненного скольжения.

Единственной, кого несколько не смутило желание Арбакеша овладеть не совсем обыденным для отдаленного степного аула искусством, была Гокка. И через пару недель она положила перед кенжетаем журнал «Работница» с рубрикой «Самоучитель начинающего фигуриста».

Вскоре коньки, одни во всей деревне настоящие, а не лезвия-клинки, привязываемые бечевкой к обуви, были привезены Папой из дальней командировки. Дело осталось за малым – нужен был полигон для претворения мечты в жизнь.

Ледового комплекса в поселении, хоть и высокопарно именовавшемся Центральной усадьбой совхоза, все же не было, как и слухов о его строительстве в обозримом буду-

¹ Kani (курд.) – родник.

² «Serê apo» – сокращ. от курд. «Bi serê apo kîm» («Головой дяди (клянусь)») – распространенная курдская клятва.

³ Мазанка – жилище, построенное из сорта кирпича, изготовляемого из глины с примесью навоза, соломы, конского волоса или других волокнистых веществ.

⁴ Зикр – исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей имя Аллаха.

щем. Местный же климат мало способствовал образованию ледяного покрова на естественных водоемах.

Однако такая оплошность природы не была для Гокки препятствием на пути осуществления заветной мечты ее сына:

– Асыкпа¹, можно ведь зимой на ночь огуречные грядки водой заливать, – предложила она.

Буренка с недоумением взирала на протягиваемый мимо нее водяной шланг. Обычно сие означало, что солнце в зените и подошло время водопоя. Ныне же в крошечной тьме шланг тянули в невозделанный огород. Клара не выказала ожидавшегося от нее рвения стать достойной партнершей своего брата. Обязательные элементы выполняла шутя, а через пару тренировок вовсе покинула ледовую площадку, как обычно безапелляционно резюмировав на прощание: «Че зря народ смешить?! Вон полдеревни над нами ржет!» – и указала на холм за огородом Непруков. Любознательные сельчане неотрывно следили за развитием на огуречной грядке звездного сюжета.

Гокка, занимаясь домашними делами, исподволь наблюдала за ходом ледовых перипетий и, глядя в спину дочери, демонстративно покидавшей поле боя, лишь удивилась: «Неужели насмешки деревенских зевак для тебя важнее заветной мечты твоего брата?!»

Но одно стало ясно: успеха прославленных французских фигуристов, брата и сестры, занимавших тогда вторые места, Арбакешу уже не повторить. Обескураженный стоял он на коньках в огороде. Стремительно таявшие к полудню осколки льда превращали ледовую грядку в обычную лужу.

«Коркма, айналайын², Аллах видит твое усердие, станцуешь ты еще свое "Болеро"», – голос и взгляд Гокки исключал любой повод для малейшего сомнения. С этого момента Арбакеш знал, что все его заветные мечты осуществляются.

Девочка-Пуговка

Пустой колодец кишмя кишел змеями. Ступить ногой Арбакешу было решительно некуда: если и удавалось присмотреть свободный пяточок еще влажного дна, все равно оказывалось, что под ступней начинало извиваться что-то скользкое и холодное... Когда Арбакеш уже не чаял выбраться из змеиного логова, на помощь неизменно приходила рука Гокки.

Ее шершавая от тяжелой физической работы, но всегда нежная ладонь слегка поглаживала Арбакеша по макушке... Значит, все это сон, успокаивал он себя и опять проваливался в забытие.

С криком первых петухов Люфта гады наконец уползали в свои норы. Было время завтрака, но Арбакеш, изможденный ночной схваткой с рептилиями, не мог шевельнуться от усталости. Папа, обычно суровый, заботливо брал его на руки, сажал на спину и нес на кухню.

¹ Асыкпа (каз.) – Не торопись, не спеши.

² Коркма, айналайын (каз.) – Не страшно, родимый.

Есть не хотелось вовсе, но ароматное какао, дымившееся на печи, вкупе с утренней предшкольной суетой братьев и сестер медленно возвращало Арбакеша к жизни.

Бабушка Мамык, как обычно, сидела молча на диване. Ее сухонькая согбенная фигурка с испещренным морщинами темным загорелым лицом как-то незаметно стала частью интерьера кухни, и никто не обращал на нее внимания, будто она была оленьими рогами на стене темного коридора, которые некогда вызвали ажиотаж при своем появлении в доме, – их привез дядя из Хабаровска, но многие годы затем они висели, никем не замечаемые, под ворохом папиных шляп.

Мама и все дети искренне предлагали Мамык разделить с ними трапезу. Мамык неуверенно подходила к столу, отламывала маленький кусок лепешки, прикладывала его к губам и говорила: «Ешьте на здоровье». Тем самым церемония ауызашар¹ была инициирована, и можно было завтракать без опасения нарушить незыблемые законы гостеприимства.

Когда все уходило в школу, Арбакеш оставался наедине с Мамой и Мамык и лично от себя еще раз просил бабушку поддержать его и вместе позавтракать. В ответ Мамык поднималась с дивана, отламывала еще один кусочек лепешки, символически проталкивала его между губ, затем вытирала краем своей косынки губы и влажные добрые глаза и говорила: «Ешь, айналайын², ешь, мамина отрада, я сыта», – и начинала свое повествование об очередных злоключениях и бедах, павших на ее голову. Муж опять напился на последние деньги от ее крошечной пенсии в 32 рубля. Покупать еду не на что, топить хижину нечем. Нечем и единственную дочь накормить.

Мама ни разу не прерывала тихое журчание голоса Мамык, слушала ее, как всегда, сосредоточенно, по ходу прибирая со стола и моя посуду в теплой воде в тазу, стоявшем на печке.

Арбакеш пытался понять, откуда явилась в Мамину жизнь Мамык и почему она питала к этой казахской бабушке негласную симпатию, но объяснения этому не находил. Мама сказала однажды, что Мамык как-то прислали из стройчасти покрасить еще их старый казенный дом в центре села. «Вот так и познакомились», – односложно заключила Гокка.

Но эта фраза совершенно не объясняла некую внутреннюю связь Мамы и Мамык. Это движение Маминой души могло ускользнуть от кого угодно, только не от Арбакеша.

В конце аудиенции Гокка глазами указывала Арбакешу на вещь или узелок, которые надо было передать бабушке. Поскольку Мамык стыдилась принимать помощь Гокки, Арбакеш молча нес узелок вслед за бабушкой вниз по Учительской улице и у покренившихся ворот ее дома незаметно передавал поклажу. Мамык благодарила всегда смущенно, но искренне и сердечно, просила передать благие пожелания Маме и всем ее детям: «Я буду молиться, чтоб Аллах был всегда доволен Гоккой».

Иногда Гокка отправляла Арбакеша на спецзадание: надо было незаметно для Папы и соседей по улице довести до Мамык санки с углем, дровами и теплыми вещами. Арбакеш очень гордился тем, что всегда успешно выполнял Мамин наказ. Он катил санки

¹ Ауызашар (каз.) – букв. «открыть рот», окончание запрета на прием пищи или сигнал к началу еды.

² Айналайын (каз.) – дорогой.

то в одну сторону, то вдруг, как бы передумав, устремлялся в другую, а то долго копался у санок в снегу. И когда был абсолютно уверен, что никто не обращает на него внимания, стремглав влетал в убогую хату Мамык, где кроме тахты и умывальника ничего не было, быстро выгружал содержимое санок и на всех парах летел домой.

Исповеди Мамык прервались с появлением в доме Арбакеша телевизора. И без того смиренная, хрупкая женщина совсем сникла, не подавала голоса и сидела не дыша, словно пионерка сложив руки. Гокка несколько раз просила ее не стеснять себя, но Мамык словно окаменела. Наконец, с ужасом в глазах, указуя подбородком на телеведущих, она смущенно прошептала: «Уят¹, они же смотрят на нас...»

Единственное, о чем всегда просила она Маму, – это не оставлять одну ее дочь Тьюмекыз². Когда выпивавший и бивший старуху муж помер, практически все содержание монологов Мамык сводилось к просьбам помочь отраде ее сердца Тьюмекыз.

Мать семерых детей, Гокка, отправилась в далекую Алма-Ату и каким-то немалым образом упростила принять малограмотную девушку в институт без взятки, что по тем, а впрочем, и по нашим временам – дело невообразимое. А после разделила с ней ставку библиотекаря сельской школы. Неряшливая дочь Мамык так толком и не выучилась грамотно писать, так что Гокке приходилось делать двойную работу.

Душа Мамык к тому времени уже покинула этот мир, а Гокка достигла пенсионного возраста. Тьюмекыз написала заявление в районо о незаконном занятии пенсионеркой Гоккой Кагиевой ставки школьного библиотекаря, и Гокку уволили.

Прознав во время университетских каникул о кознях Тьюмекыз, Арбакеш вслух сетовал на неблагодарность малограмотной дочери Мамык. На что Гокка невозмутимо ответила: «Я выполнила просьбу Мамык и чиста перед Аллахом. А что ответит Тьюмекыз Аллаху на Его вопрос, это уже ее дело».

КАРЕ И КАЛАМКАС

Курдская бабушка Арбакеша была изваянием с трубкой во рту и шевелилась лишь изредка, когда подводила сурьмой брови или колола калбаданом³ сахар.

Но в тот день Каре как-то странно, глядя в одну точку перед собой, сошла с топчана и медленными шагками плохо управляемой марионетки направилась за дом. Клара, которую бабушка называла Каламкас, как обычно, последовала за ней с кумганом⁴ в руках.

В доме возникло какое-то странное, невидимое взгляду, но осязаемое движение, и в воздухе повисла тревога. Последнее, что помнит Арбакеш, – бледное лицо бабушки, лежащей в узкой детской комнате. Затем то ли его увезли из родительского дома, то ли выключили память. Во всяком случае, дальше Арбакеш ничего не помнил. Бабушка Каре в доме больше не появлялась.

¹ Уят (каз.) – стыд.

² Тьюмекыз – казахское женское имя, буквально переводится как «Девочка-Пуговица».

³ Калбадан – специальные щипцы, предназначенные для того, чтобы колоть крупные куски сахара.

⁴ Кумган – кувшин для омовения.

Через несколько лет Папа опять стал упоминать имя Каре и часто употреблял вместе с ним незнакомое слово «гранит». А летом, отправляя Арбакеша в обычную летнюю ссылку в Заречную, Папа добавил: «Будешь поливать дерево, посаженное в память о твоей бабушке».

Воду качали из колонки в доме Хито и потом долго несли ведра по пыльной тропинке, на солнышке, в гору. Вскоре на вершине холма среди безмянных бугорков появилась единственная железная ограда, внутри которой возвышалась большая властная бабушка Каре в камне.

На исходе лета в Заречной играли свадьбы, и семье Арбакеша приходилось приезжать на эти «веселья». Пока Мама помогала родственникам Папы готовить пищу, Арбакеш невольно становился свидетелем взрослых разговоров. Многочисленные говорливые родственницы в кричащих цветастых одеяниях с рядами золотых и серебряных монет на кофиг¹ судачили о всяком. Машинальными, годами отточенными движениями они с размаху лепили лепешки в тандур и вытаскивали их из огненного жерла испекшимися, не обращая ни малейшего внимания на потерянно стоявшего среди этого чуждого ему гвалта Арбакеша. Из этих женских бесед он узнал, что бабушка Каре была третьей в гареме дедушки Карима и до того уже успела побывать замужем. После ее второго замужества, как злорадно ехидничали родственницы, другие жены дедушки подозрительно быстро покинули наш грешный мир, и Каре стала полноправной хозяйкой многочисленных имений деда. А затем произошло что-то страшное. Что именно, как ни силился Арбакеш, уразуметь толком не мог, но запомнил, что сначала все куда-то кочевали, потом пришли коммунисты. И тут начиналась совершеннейшая чехарда...

Арбакеш, как и все советские детишки, знал наизусть много стихов о дедушке Ленине и Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей всем народам СССР, в том числе родителям Арбакеша, путь к светлому будущему. Но тетки, упоминая советскую власть, всякий раз кривили губы: «Wey de xwedê texta bolşevîkan tar û mar bike!»²

А из дальнейших рассказов становилось ясно, что большевики, – трижды проклятые и которым, если верить теткам, гореть в Аду, – что-то сотворили с бабушкой. Что-то настолько ужасное, что тот после этого так и не вернулся домой. Во всяком случае, Арбакеш его никогда не видел.

Дальше на повестке дня у теток возникал Анвар, сын дедушки Карима. Как такой красивый, знатный, умный и видный парень мог совершить роковую, непростительную ошибку: при стольких достойных кузинах, обожавших его, женился на карачаевке... «матери вот этого»? И тыкали поварешкой на сиротливо стоявшего в стороне от резвившихся детишек Арбакеша. Дальнейшее развитие сюжета то ли было недостойно их обсуждения, то ли всем было хорошо известно. Посему они перекидывались на другие темы.

Намек на дальнейшее развитие событий содержался в монологах Мамы. Когда Арбакеш оставался дома с ней наедине, Гокка позволяла ему расчесывать ее чудесные загадочные косы. Загадочными они были для Арбакеша потому, что никто никогда их не

¹ Кофи – курдский женский головной убор.

² Wey de xwedê texta bolşevîkan tar û mar bike! (курд.) – букв.: «Да разрушит Бог до основания трон большевиков!»

видел, они были всегда скрыты под восточной косынкой. Чудесные – потому что таких волос ни у кого не было. Сочные. Тугие. Ароматные.

Гокка исповедовалась Арбакешу. Многие слова были непонятны кенжетаю, но он за поминал их и много позже расшифровывал их смысл.

Однажды они разговаривали на летней кухне. «Когда я оказалась в его доме, – говорила Гокка (она всегда говорила об отце в третьем лице, не называя имени), – Каре подарила мне несколько золотых монет, которые позже своровали у меня. Каре обвинила меня в их краже». – Она говорила тихим, спокойным голосом, как будто речь шла о вкусовых качествах свежей картофелины, которую она чистила. Гокка внимательнее обычного разглядывала картофелину. Арбакеш тоже невольно перевел взгляд на овощ и ожидающе посмотрел на него, как будто тот должен был рассудить по правде описываемую Мамой историю. «Золотые монеты. Какие странные люди, – добродушно ухмыльнулась Гокка. – Зачем они мне? Разве их возьмешь с собой туда?» – и слегка приподняла макушку вверх. – Потом родился Алихан, наш первенец. Такой... хороший... красивый... красивый... необыкновенный... совсем необыкновенный... Она... – продолжала Гокка, властно прищурилась. Арбакеш тут же догадался, что речь опять шла о бабушке Каре, – ...посетила нас, долго вертела моего мальчика в руках, он как раз на поправку после болезни пошел. Она... – уже без мимических намеков продолжала Гокка, то ли рассчитывая, что кенжетай по интонации должен разобрать, о ком речь, то ли просто поглощенная своими воспоминаниями, – ...ушла. А мой мальчик тут же на моих глазах сник. Глазки его погрузнели, и стал он таким печальным, как взрослый страдающий мужчина. На следующий день его не стало. Кетты балам»¹, – Гокка опустила чистые картофелины в казан, подправила под ним кизяк, сорвала росший прямо у летней печи укроп, присела опять на свой табурет.

«Родила я Азима, байкус², какой неуклюжий был! Все никак не мог научиться ровно сидеть, мордашка его перевешивала тело, на сторону все валился. Через год – Зарифу, ну нашу Зину... с вредным характером она была в детстве, житья брату не давала, все лицо этому тюфяку царапала. Через два года появилась Нарифа, эта с пеленок свой характер показывает, не зря ведь ее обзывали кара бяле³... А она (опять кивок в сторону) все довольна... Тот январь был особенно суров, живот у меня огромный. Каре в кои веки притихла: мол, раз большой живот, значит, внука ей подарю. Роды трууудные были, сама не помню уж, как и родила. Жили мы тогда в Джамбульской области, в саманном сарайчике. Он продувался со всех сторон, степь ведь дикая кругом. Теленок с нами в сарае по детской постели топчется – спали ведь тогда прямо на полу... Она приняла новорожденного, взяла его на руки, повернула в сторону керосиновой лампы в углу и, довольная, хмыкнула: “Mer”»⁴...

Тут монолог Гокки прервался: в калитку громко постучала Беренкуль-апай. При виде Арбакеша она многие годы повторяла единственную фразу, которую знала на курдском: «Kuro, were vira, çay buhe»⁵. Соседка страстно предалась рассказу о кознях ее наперсни-

¹ Кетты балам (каз.) – Ушел мой мальчик.

² Байкус (каз.) – беденький.

³ Кара бяле (каз.) – черная напасть.

⁴ Mer (курд.) – мужчина.

⁵ Kuro, were vira, çay buhe (курд.) – Сынок, поди сюда, попей чайку.

цы Кудайкулихи. Их дома стояли напротив. Гокка резала баклажаны, безучастно подерживая говорящую на казахский манер междометием «ыыыыы», изредка добавляя «солай ма? вот оно как?»

Из-за развесистого урюка, прямо за которым стоял топчан Кудайкуловых, раздалась рулада громких отрывков героини повествований Беренкуль-апай. В здешних краях ими завершали обильный и сытный обед. Уже три десятка лет Гокка жила здесь, но никак не могла привыкнуть к этому показателю безбедной жизни. Как и есть конину...

Продолжение прерванной истории Арбакеш узнал много позже из дневников отца, которые он переводил и редактировал для издания.

«Тот январь был невыносимо холодный, морозы доходили до 43-45 градусов. Школа, где я работал, находилась очень далеко от нашего сарайчика. Промозглый буран сносил с ног. Приходилось зарываться в сугроб, набираться сил и потом продолжать путь. Буран покрыл дом снегом по крышу. Не найдя лопаты, я очистил снег у двери валенками. Внутри хижина оказалась темной и совершенно холодной.

Услышав мой голос, дети стали радостно кричать. Азим подбежал и дрожащим голосом доложил: “Папа, Мама дочку родила, и наша корова еще до бурана теленка родила. Бычок большой, а петух замерз, сдох. Бабуля болеет, в постели лежит, а мы с утра ничего не ели”. Малышка заходится в углу истошным криком. Бычок встал и пытается ходить по комнате, мычит, топчется по постели детской. Окна и двери дрожат и стучат – оркестр хаоса без дирижера...

Я зажег светильник. Вода в посуде замерзла. В щели намело снега, постель на полу сырая, замерзшая. Но все же дома лучше, чем на улице. Успокоив себя этим, подошел к матери: “Мама, поздравляю с рождением внучки. Ты же утром была здоровой, на ногах. Что случилось? Что болит?”

В ответ Каре разразилась накипевшим: “Ты вообще меня не слушаешь никогда. Я хотела, чтобы ты женился на курдянке, а ты на карачаевке женился. Ну и что вышло? Твои дети не знают родного языка. Вот, приехав к вам, не могу говорить со своими внуками. Это же позор. Ты все мечтаешь о своем великом Курдистане, а домашние проблемы решить не можешь! Курдистан начинается со знания своего родного языка. “Черная корова заботливей снохи”, – от злости я сказала ей эту поговорку. “То, что сноха другой национальности, – куда ни шло, а вот с какой кровью смешал ты свое продолжение? Какие гены у нее? Что за род у нее, ты знаешь? Почему ты не думаешь о своем потомстве, а о Курдистане думаешь?” – “Партия говорит, что все зависит от воспитания, а не от рода и генов” – “Что, твоя партия, сажая помидоры, получает яблоки или, сажая перец, получает лук? Что посеешь, то и пожнешь. Если бы твоя жена была из хорошего рода, давно бы выучила наш язык и детей бы научила. Как родить знает, а как сохранить здоровье не знает. Когда я приехала к вам и увидела, в каких условиях вы живете, у меня чуть сердце не остановилось от злости. Я жалею, что наша кровь смешалась с ее кровью”. – “Мама, я был в безвыходном положении. Среди здешних курдянок не было грамотных девочек, а куда-либо ехать, выискивать их – комендант не отпускал. А ты знаешь, что женятся или по расчету или по любви. Вот я женился по расчету, чтобы она помогла мне в воспитании и обучении детей”...

В этом месте Арбакеш отложил записи. И только спустя 12 лет, начав писать эту новеллу, вернулся к ним.

«...Мы так горячо спорили, что какое-то время не замечали крик голодной малютки, плач детей и мычание теленка. В пылу спора я говорю хозяйке: “Ты хоть малютку успокой, пусть не кричит”. – “Как успокою, если она голодна. Молока у меня нет. Откуда ему взяться, если я сама со вчерашнего дня ничего не ела. Даже животные и птицы и те за своими детенышами ухаживают, оберегают их, а ты спокойно смотришь, как гибнут твои дети...”

“Мама, ты обижена на свою сноху, пожалела бы своих внуков. Почему не сварила им мясо?”

“Из-за этого мяса все и началось. Я поставила его вариться. Когда оно закипело, по запаху сноха учуяла, что это конина, и стала плакать. Я ей: “Не хочешь есть его, так помолчи, пусть хоть дети поедят”. Тут у нее и начались схватки. Огонь под казаном затух. Дети начали подливать солярку в печь, чтоб разжечь огонь. Нечаянно солярка попала и в казан. Запах солярки смешался с запахом конины, дышать стало невозможно. Дети стали кричать: “Как воняет! Не будем есть это!” Сынок, я критикую сноху, а на самом деле ты сам во всем виноват. Говорят же казахи: “Дочка, я ругаю тебя, а ты, сноха, слушай”. Ты все про Курдистан твердишь, а в каком положении твой очаг? Твои дети умирают от голода и холода, а ты мне чушь несешь про Курдистан!”

Каре, не докурив папиросу, стала закручивать из газеты и махорки другую.

Я стал успокаивать Каре: “Мама, ты сильно расстроилась из-за того, что сноха родила еще одну внучку? Что ты расстраиваешься из-за этого? Это раньше все радовались мальчикам, потому что при кочевой жизни нужны были защитники. Сейчас при оседлой жизни, когда не с кем воевать, девочки и мальчики, мужчины и женщины имеют равные права. Вот посмотришь, мои девочки будут поддерживать нас. Малютку, из-за которой ты плакала в эту ночь, я отдаю тебе, она будет потом только за тобой ухаживать. Увидишь, родилась девочка необыкновенная, которая будет стоить трех мужчин. Qız pıne, gur e!”» Смотрю – лицо матери перестало хмуриться, отложила свою папиросу и предложила: “Давай вдвоем что-нибудь приготовим поесть, а то твои дети хуже бурана надоели”».

Далее, описывая события этой ночи, Папа на двадцати четырех страницах писал о своей главной мечте – Курдистане, во имя которой он совершал такие естественные для себя и такие подчас жестокие, непонятные для семьи поступки. И о том, как Каре, его мать, горько проклинала несложившуюся жизнь и свою недалекость, когда в 1926 году, после того, как Ататюрк посадил ее мужа Карим-агу в измирскую тюрьму, поддалась уговорам бедных родственников и перекочевала из богатых имений в колыбели мировой цивилизации, где она была полноправной хозяйкой, в Советский Союз. По дороге весь скот погиб, и кроме нищеты и насмешек, она ничего не нашла на новой земле. Молодая, энергичная, властная, привыкшая управлять большим владением и жить с размахом, Каре лишилась всего. От прежней жизни она сохранила лишь стать и привычки: курить папиросу и подводить сурьмой брови...

Внучке своей Каре дала имя Каламкас.

¹ Qız pıne, gur e! (курд.) – Не девочка, а волк!

До джамбульских степей докатилась из Москвы реабилитация. Семья перебралась в Чимкентскую область.

Каламкас едва исполнился годик. Гокка белила дом, когда к ней, запыхавшись, прибежала зареванная Нарифа и, глотая слезы, всхлипнула: «Тушты!»¹ «Если сестренка упала, подними ее и не плачь», – ответила Гокка. Но Нарифа продолжала рыдать и твердила: «Тушты, тушты, тушты!» Гокка вышла на крыльцо, ища взглядом младшую дочурку. Каламкас нигде не было видно. Нарифа, рыдая еще пуще, указывала пальцем на колодец во дворе. Гокка видит: крышки, прикрывавшей колодец, нет... и успела лишь заметить краем глаза, как через забор перепрыгивал, мчась на выручку, сосед-немец. Вспышкой мелькнуло в голове: у соседа год назад погиб, упав в колодец, ребенок. Обессиленная, Гокка упала навзничь. Сосед спустился по цепи в колодец и опешил: на дне выдавался из земли большой камень, а на нем сидела Каламкас и невозмутимо сучила ручонками. Ни одной царапины.

Но вернемся к дневнику Папы:

«В 1958 году Мустафа Барзани² поднял восстание за создание Республики Курдистан, я хотел встать в строй борцов, но обком партии не дал мне разрешения. Бог услышал Мамины молитвы: в 1958 году у нас родился второй сын, Бакир, а в 1961 году – третий, Назим.

Наша молодежь стала учиться в вузах. Мы жили в стандартном государственном доме. Радости матери моей не было предела – ее внуки начали говорить на родном, курдском, языке. Но жить с нами Каре не хотела, так как наши соседи держали свиней. В 1965 году я построил дом среди мусульман.

И вот наконец Каре с нами в новом доме. Ее внучка Клара, родившаяся в буранный день 1956 года, когда мама плакала, расстроенная ее рождением, ухаживала за ней. Мама называла ее “моя Каламкаш”. На второй день Каре прогуливалась со своей Каламкаш, ни на шаг не отходившей от бабушки. Каре упала. Каламкас пыталась ее поднять, стала плакать и звать на помощь. Слезы моей дочери капали на лицо моей матери. Каре открыла глаза, тихо молвила: “Не плачь, моя Каламкаш”, – и закрыла глаза навсегда.

Это было то самое омовение, которое помнит Арбакеш.

А Каламкас выросла, родила четверых детей, назвала старшего сына Каримом, а старшую дочь – Каре. Недавно Каре сделала Каламкас бабушкой. Подарила ей... внука.

Под Вишнями в Саду

...мне вдруг представилось одно странное соображение, что если б я жил прежде на Луне или на Марсе, и сделал бы там какой-нибудь самый срамной и бесчестный поступок, какой только можно себе представить, и был там за него поруган и обесчещен так, как только можно ощутить и представить лишь разве иногда во сне, в кошмаре, и если б, очутившись потом на Земле, я продолжал бы сохранять сознание о том, что сделал на другой планете, и, кроме того, знал бы, что уже туда ни за что и никогда не

¹ Тушты (каз.) – упала.

² Мустафа Барзани (курд. Mela Mistefa yê Barzani; 1903–1979) – видный курдский военный и политический деятель, лидер национально-освободительного движения в Иракском Курдистане.

возвращусь, то, глядя с Земли на Луну,— было бы мне все равно или нет? Ощущал ли бы я за тот поступок стыд или нет? Вопросы были праздные и лишние¹...

«Гокка, Гокка!..» – трескучий голос нетерпеливо сотрясал калитку. Пришлось покинуть старый пружинистый диван, направиться в огород:

– Мам, у писателя кризис...

...Жандарбек был единственным в деревне представителем одной из самых древних профессий. В каждом номере районной «Алгъабас» появлялись его заметки об ударниках труда. Удовлетворены были не только герои – гонорара за очередной шедевр хватало автору аккуратно на бутылку. Лишь одной его жертве удалось избежать искушения славой в еженедельной казахской малотиражке. Как только Жандарбек начинал прелюдию к своему интервью: «Гокка, нет мочи спокойно жить. Обо всех достойных написал я по нескольку раз, а о той, кем восхищаюсь, кто образчик трудолюбия, скромности, красоты и доброты...» – Гокка, глядя в сторону, останавливала его признания: «Не утруждай себя, Жандарбек. Если ты желаешь мне добра, не пиши обо мне. Прошу тебя», – выпренные восхваления внештатного корреспондента, казалось, причиняют ей душевные страдания. Гокка спокойно вытирала руки о фартук и повторяла мягким тоном, каким обычно разговаривала с Мамык: «Не утруждай себя, нет нужды в этом...» – и незаметно, как бы между прочим, перекладывала в его руку «гонорар». Журналист мялся, как в первый раз, а затем семенил в сельпо отовариваться, продолжая вслух превозносить достоинства Гокки. Гокка, стоя у калитки, задумчиво смотрела ему вслед и, несколько раз едва слышно повторив: «Байкус, Жандарбек, хариб», – окуналась вновь в свои ежедневные заботы.

...Сны, как известно, чрезвычайно странная вещь: одно представляется с ужасающей ясностью, с ювелирски-мелочной отделкой подробностей, а через другое перескакиваешь, как бы не замечая вовсе, например через пространство и время. Сны, кажется, стремят не рассудок, а желание, не голова, а сердце, а между тем какие хитрейшие вещи проделывал иногда мой рассудок во сне!²...

Калитка вновь громыхнула, и раздался радостный крик:

– Медаль утвердили! Ты настоящий Папин сын! Ка ez te raşkim!³

– Папа, пожалуйста, дайте мне дочитать книгу.

– Ты слышишь меня?! Поздравляю с золотой медалью! Радуйся, непутевый.

– Папа, медаль моя. Можно я сам буду решать, радоваться мне или нет?

Отец пробуравил сына уничтожающим взглядом, гневно прошипел: «Мамина порода!» – и, решительно развернувшись, пошел прочь гордой, подтянутой походкой.

...Но как устроить рай – я не знаю, потому что не умею передать словами. После сна моего потерял слова. По крайней мере, все главные слова, самые нужные⁴...

Неспешные тихие шаги. На массивный валик дивана бесшумно легли новенькие купюры. Арбакеш никогда не держал в руках больше десяти рублей, а тут целых три сотни.

– Он передал, – ответила Мама на вопросительный взгляд сына. – Велел поступать в институт. Все уже уехали давно, по деревне ползут слухи...

– Слухи?

– Директор школы выбил, мол, золотую медаль сыночку. А в вуз не может по благу пристроить, вот и почитывает его кенжетай книжки под вишнями в саду.

Арбакеш задумчиво обозревал синее небо сквозь вишневые ветви.

Вот и настал момент, о котором он мечтал. Пас ли овец на горе с книжкой в руках, шел ли под редким в этих степях дождем, когда дождемки смешивались со слезами отчаянья на рещицах, он знал, что время испытания этой степью закончится. И мир распахнет перед ним свои двери. На последнем звонке он недоуменно глядел на ревущих одноклассниц: о чем они убиваются? О глухой деревне и сельской школе? Все это позади, и жизнь явит наконец свои приятные стороны! Но теперь, когда все двери открыты, Арбакеш не спешил в этот огромный мир. И сказал глухим голосом, не поднимая взгляда от стоптанных тапочек Гокки:

– Как я поеду? Куда? Не умею я... Не хочу... уезжать от тебя...

– Балам, пришло время моему кенжетаяу идти самому по жизни. Тут Гокка не помощница тебе. Мой Аллах будет помогать тебе. Бог тебе в помощь!

Арбакеш поехал в город, сам еще не зная, в какой именно. Купаться на прощание в реке он не стал.

Джыланды – Змеиное логово, Тюе-Тас – Верблюжий Камень, Кара Булак – Черный Источник, Аксу – Белые Воды... – по новой асфальтовой дороге стоявшие на пути селенья пролетали быстрее. Арбакеш сидел рядом с Мамой в одной сандалиии на ноге на этом сиденье – с того дня минула целая вечность, казалось Арбакешу...

«Ты Папу больше любишь или Маму?» – этот вечный отцовский вопрос ставил Арбакеша в тупик, как сочинение на тему «Кем я хочу стать». Арбакеш точно знал, что насколько не желает быть летчиком, космонавтом или тем более врачом, как его ровесники. И честно сознавался в том, не желая писать сочинение. Учительница была уверена, что все дети Земли мечтают кем-то стать, и это странно, что Арбакеш этим не грезит. Арбакеш, опустив голову, подавленно молчал, не решаясь признаться учительнице, что то, кем он станет, пока не имеет названия и он не хочет загонять свое будущее в рамки известного. А к чему писать заведомую ложь? Теперь он вырос, и все дороги открыты перед ним. А он до сих пор не знает, по которой ему суждено идти.

Космополит апо Хасан во время ежевечерних шахматных баталий с Папой, любил повторять: «Гокка, как же твой младшенький похож на Шестеркина, моего сокурсника по Ветеринарной академии, просто копия. Гокка, братишка твоего старика окончил Академию в Риге на латышском языке! Жена – золотой была человек – сразу после родов скончалась... Надо, кстати, летом дочурку Лайлу навестить, уже сколько лет собираюсь. И вот что скажу я тебе, дружище Шестеркин: не ищи счастья в далеком краю, если тому бывать, оно тебя само найдет. Поступи в зооветеринарный техникум в Пахта-Арале, где ты хлопок собирал. Я устрою тебя потом зоотехником в наш совхоз. Твой апо главный агроном все же или пальцем деланный?!¹

¹ Сон смешного человека // Достоевский Ф.М. Избранные сочинения. – М., 1947. – С. 467.

² Там же. – С. 468.

³ Ка ez te raşkim! (курд. разг.) – Дай-ка я тебя поцелую!

⁴ Сон смешного человека // Достоевский Ф.М. Избранные сочинения. – М., 1947. – С. 474.

¹ Коронная фраза апо Хасана. Он любил резкие словечки и был единственным, кому дозволялось ругаться матом в доме Арбакеша.

Будешь всегда сытый, чабаны будут свежее мясо и айран привозить, пчеловоды – мед в сотах. Как сыр в масле будешь кататься. Вон, посмотри на мой авторитет! – и весело хлопал себя по выдающемуся животу: – Верно я говорю, Гокка? Кяко¹, джаным, тебе шах и мат! Друг мой Шестеркин, плесни по стопке, твой баво² расстроен, ему срочно трэба утешение!» – И заливался громким заразительным смехом.

Гокка растерянно улыбалась – она жалела своего любимчика, возможно, полагая, что оба они заслуживали лучшей доли вдали от этих мест, и, приподняв плечи, неопределенно отвечала: «Къайдам», – не вникая в суть разговоров, продолжала свое вязание.

«Какой же всегда жизнерадостный апо Хасан! Кто же теперь будет нести вахту у шахматной доски и подливать утешительный приз? Милый, милый Ион Ионыч, как жаль, что твои советы не пригодятся мне», – с легкой грустью думал Арбакеш.

Список факультетов университета был китайской грамотой. Большинство названий ни о чем не говорило Арбакешу. «Может, мехмат? А что – решать задачки умею, на олимпиадах побеждал, но... всю жизнь возиться с закорючками, это уж слишком... Химический?» – Арбакеш интуитивно понимал, что гений – это легкость и непринужденность, а решая самые сложные задачи по химии, не представлял, над чем думают другие – все было настолько очевидно и просто. Но стань он даже всемирно признанным ученым, всю жизнь за ним будет тянуться шлейф славы апо Надира, он ведь химик, первый курдский академик. Нет, чьей-либо тенью Арбакеш не желал быть... – «Филфак. Не очень понятно, чему там учат, зато конкурс огромный. Значит, возрастает шанс завалить экзамены, потерять все накопленные за время кропотливой учебы в школе баллы и с беспроегрышным алиби начать жизнь с чистого листа. С легким сердцем поехать навстречу своей мечте».

Арбакеш сдал документы на этот неведомый факультет.

После сочинения, не обнаружив себя в списках допущенных ко второму экзамену, удивился, как радостно трепыхнулось сердце. С надеждой перешел к списку провалившихся. Хмм... его фамилия и здесь не значилась.

Во вступительной комиссии сквозь зубы велели внимательнее ознакомиться с обоими списками. Через довольно продолжительное время женщина оторвалась наконец от своих бумаг и недоуменно уставилась на стоявшего на том же месте абитуриента.

– Ты? До сих пор? Сказано ведь, внимательней...

– Смотрел много раз. Нет.

– Фамилия! Аааа, так сразу бы и сказал, чего голову морочишь? – возмутилась сотрудница и уже равнодушно добавила: – Ты принят.

Вердикт о счастье прозвучал обыденно. Одной затаенной мечтой – строить БАМ, о котором Арбакеш зачитывался в «Алых Парусах»³, стало меньше. Внутри разлилась Пустота – как в детстве, когда не удалось проститься с Мамой.

Папа, позабыв обиды, ликовал: «Я всегда говорил: мой кенжетай, мой кишкентай станет профессором МГУ и первым президентом Курдистана! Ка ez te рақkim». Роза Кирил-

¹ Кек (курд.) – старший брат, кеко – вежливое обращение к старшему брату, другу или знакомому.

² Ваво (курд.) – форма обращения от вав «отец».

³ Рубрика в газете «Комсомольская Правда».

ловна, учительница русского в параллельных классах, стоя у калитки своего казенного, на две семьи дома, с жалостью взирала на Арбакеша с высоты своего исполинского роста:

– Так ты станешь учителем русского как мы с Лидией Григорьевной? – и скорбно складывала губы трубочкой. – Как же ты нас разочаровал. Мы надеялись, на худой конец, дипломатом будешь. Ай-ай-ай... без ножа зарезал.

Арбакеш подавленно перечитывал за ее спиной текст с детства набившего ему оскомину щита «Ничто не обходится нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость». На душе было муторно, он хотел было признаться, что сам не знает, рад или нет поступлению в университет, сам не ведает, хочет или нет быть филологом, и сам боится ошибиться в выборе своего пути.

Как узнать, какой Путь твой, а к какому подталкивают тебя другие, выдавая свой путь за твой?.. Вопросы, на которые нет ответа. Одно он знал наверняка: лицемерным дипломатом он не желает быть... Удрученный, шел он по аллее меж акаций. Слева стоял старый дом, где прошли его первые годы жизни. Вот и колодец, в который упала Каламкас. И выжила. На все воля Аллаха. «Буду прилежно учиться этой неведомой “филологии”, – подумал Арбакеш, – а там уже – как Бог даст».

– Валентина Ивановна, можно мне студенческий получить?

Начальник курса удивленно, будто ей в диковинку выдавать первого сентября студенческий билет первокурснику, переспросила:

– Студенческий?!

– Да, студенческий билет.

– Жаль изводить корочку.

– Жаль?

– Все равно через пару месяцев отчислим всех нацменов.

– Каак?! За что?

– За неуспеваемость.

Арбакеш был огорошен: вот те на! Не успел посетить ни одного занятия, а уже отчисляют.

– Я школу с золотой медалью окончил.

– Все вы, узбеки, с золотыми медалями, купленными.

– Я не узбек, я курд.

Начальник курса явно не поняла, что за словечко ввернул новобранец университета, но на всякий случай отпустила:

– Тем более.

Академик Толстой, широко улыбаясь Арбакешу, выбрал из кипы зачетов одну, поставил в ней оценку, расписался и отложил в сторону. Арбакеш, косясь на отложенную в сторону зачетку, нерешительно спросил:

– Никита Ильич, мне можно приступить к ответу на свой билет?

– Неужели вы думаете, что я опущусь до того, что стану вас допрашивать? Мне понравились ваши вопросы на лекциях. Давайте будем коллегами и поговорим лучше о вашей специализации.

Выслушав семейную сагу Арбакеша и узнав, что русский – его четвертый родной язык, рекомендовал перевестись на восточный факультет Ленинградского университета. И при-

нялся писать письмо: «Уважаемые коллеги! Я, Никита Толстой, имею счастье просить Вас оказывать посильное содействие предьявителю сего письма...» Далее, не жалея красок, описал таланты Арбакеша и приписал: «Заверяю Вас, со временем Вы будете испытывать гордость за то, что внесли свой вклад в становление человека, который широко прославит достижениями своих учителей и тех, кому были небезразличны его первые шаги...»

– Нона Владимировна, подпишите, пожалуйста, заявление, я перевожусь в другой вуз. Замдекана, не отрываясь от своих дел, буркнула:

– С хвостами не даем перевод.

– У меня нет хвостов.

Нона Владимировна внимательно оглядела студента в индийском костюме, купленном Гоккой по большому благу в сельпо у Биттаевых, и с портфелем, который некогда подарил отцу Арбакеша председатель сельсовета Калыбеков, в руке.

– Ну-ка зачетку!

С нескрываемой иронией замдекана изучила итоги первого семестра; бросив на Арбакеша лукавый взгляд: мол, ну ты попался, голубчик, – набрала короткий, видимо, внутренний, номер на стоявшем на столе телефоне:

– Тут один с первого курса с «пятеркой» по античной литературе. У Тахо-Годи разве... Одна? А фамилия? Да-а? Ясно.

Положила трубку. Еще раз осмотрела нелепого покроя брюки, массивный портфель и членораздельно изрекла:

– Так вот, дорогой студент! Отличники нам самим нужны – показатель успеваемости улучшать будешь.

Облизывая пальцы – Гокка славилась своим бешбармаком¹ – и закусывая хрустящими во рту фирменными Мамиными капустными листьями, маринованными в бочке с острым перцем, Арбакеш докладывал Папе:

– Познакомился в общаге с земляками. Все учатся на юридическом. Там в списках студентов одни наши, с Востока. Все как один твердят, что я дал маху, поступив на филологический. А самая полезная и выгодная профессия, мол, юрист. Советуют перевестись к ним. А наши, наоборот, называют юрфак дубовой рощей. Разве их поймешь в Москве? Правнук не любимого Вами Льва Толстого советует Вашему сыну изучать восточные языки в Ленинграде. Но меня в деканате не пустили. Такое письмо написал, удивительно. Вот оно. Маам, как я соскучился по нашему чаю! В Москве настоящий чай не заваривают, разливают старую заварку из заварочного чайника и добавляют кипяток. И беспрестанно говорят о погоде, еде, обмене квартир и ругают родителей.

Настал щемящий миг расставания с Мамой.

– Паап, Вы не видели письмо Толстого?

– Зачем оно тебе? Ты мой сын и без помощи Толстого докажешь, на что способен в жизни.

¹ Бешбармак (букв.: «пять пальцев») – казахское национальное блюдо из крупных кусков теста и мяса, его следует есть кончиками пальцев.

Воззвание Никиты Толстого к человечеству содействовать Арбакешу так никто, кроме его собственного отца, и не прочитал. Оно исчезло без следа.

АНГЕЛ В МЕТРО

– Я тебя спрашиваю! – настаивал бархатный мужской голос.

Арбакеш, вздрогнув, удивленно открыл глаза. На него в упор смотрел ясно-синий проникновенный взгляд в обрамлении роговой оправы. Арбакеш помнил, как, утомленный, сдавал книги в Фундаментальной библиотеке на Моховой, но понятия не имел, как оказался в вагоне метро опирающимся на дверь с надписью «Не прислоняться». Он бегло окинул взором лица по обеим сторонам от пронизывающего взгляда в дорогих очках: пассажиров в час пик было много, но никто из них не отреагировал на вопрос. Не успел Арбакеш отвлечься от мыслей о восточных манускриптах, витавших в голове после библиотеки, и обернуться к вопрошавшему, как тот повторил:

– Не смотри по сторонам. Я тебя, именно тебя спрашиваю!

– Меня?! О чем?

– Я спросил: ты из Грузии?

– Я? Из Грузии? Почему из Грузии?! Нет, я не из Грузии, – выдавил устало Арбакеш и вновь смежил веки. Обыкновением вступать в беседы с незнакомцами он не славился.

– Зачем лжешь?! Ты из Грузии.

Погружение в мысли было прервано вновь, и чаша отравы древними знаниями проплыла мимо губ.

– Чего вы от меня хотите? Я же ответил вам: не из Грузии я.

– И откуда же?!

– Из Казахстана.

– Неправда! Ты не казах.

– Разве в Казахстане одни казахи живут?

– Так кто же?

– Курд.

– Вот видишь! Курды живут в Грузии.

– Как видите, не только... – облегченно проронил курд из Казахстана, полагая, что диалог завершен.

– В сексе ты любишь... – не унимался голос.

Арбакеш, весь вспыхнув, окончательно вернулся из мира грез и затравленно посмотрел по сторонам. Слава Богу, никто вроде не обращал внимания на невыносимо громкое, как казалось студенту, обсуждение подробностей его интимной жизни.

– Допустим, – малодушно выказал Арбакеш несвойственное ему соглашательство, лишь бы быстрее завершить прилюдное вторжение в его личную сферу.

– Не допустим, а точно.

Самоуверенность и навязчивость непрошеного собеседника действовали на нервы.

– Тоже мне, знаток нашелся. Грузию от Казахстана отличить не... – пытался было съязвить Арбакеш, но синие глаза опять припечатали его.

– Ты филолог! Литературоведение... нет, не то. Языковедение! Твой профиль между языковедением и древностью...

– Сравнительно-историческое языкознание, – с готовностью пришел на выручку собеседнику молодой лингвист. От души отлегло – перестали наконец копаться в его белье. С ранних лет он полагал, что обсуждать личную жизнь – это самое постыдное дело. – У меня как раз защита диплома через пару недель, – и неожиданно для себя протодушно добавил: – А я совсем не успеваю...

– Защитишь на «отлично», не переживай. Сразу после защиты надо бросать языкознание. Это не твое. Ты будешь меценатом.

– Кем?!!

– Меценатом. И чем быстрее бросишь свое языкознание, тем лучше для тебя.

– Вы опять подтруниваете надо мной? У меня, конечно, повышенная стипендия, но все равно на 46 р. благодетелем не стать.

– Не шучу. Нисколько, – уже совсем спокойно и глаза-в-глаза говорил синий глубокий взгляд.

Его собеседник впервые за время беседы осознал, что не следует защищаться от пронизывающего взгляда, он не нанесет ему вреда. Внутри разлилось тепло, как будто Гокка гладила его по макушке... и беззащитный ребенок внутри совсем растерялся.

– Меценаты были в Древнем Риме! Медичи... ой, что я такое несу... во Фло...

– Не важно. Не волнуйся. Ты будешь меценатом-искусствоведом в области музыки.

– Искусствоведы этажом выше учатся, на истфаке, – доверительно поведал Арбакеш, – Иии... я нот не знаю. Моя классная Панова говорила, что мне петь противопоказано, необучаем, мол. А Егунов на уроках пения вызывал всегда Сашу Кабанова, и тот пел «Враги сожгли родную хату». До нот дело так и не дошло. А Сашка женился на сестре Лехи Федорова, она одноклассница моей сестры Зарифы, старше него на 9 лет. Представляете?! Вот Саша поет очень душевно!

– Все равно забросишь языкознание, так не теряй зря время, – прервал словесный поток напористый мужчина.

– А как же аспирантура? Мне надо диссертацию написать по истории курдской фonoлогии. Значит, я не поступлю?

– Поступишь.

– Завкафедрой сказал, что только через его труп.

– Поступишь.

– И диссертацию надо защитить. Папа мечтает об этом.

– Защитишь.

– Значит, все примут мою теорию?

– Нет.

– Так меня завалят?!

– Защитишь с блеском.

– Вы опять взялись измываться надо мной?!

– Ничуть. Станешь известным человеком, изменишь отношение людей этой страны к музыке мира... Но мне надо идти, – неожиданно сказали синие глаза и повернулись к двери на выход.

Арбакеш внезапно почувствовал сожаление: он не хотел, чтобы незванный собеседник исчезал.

– Извините, а вы кто?

– Профессор. Парапсихолог. Ты еще не раз вспомнишь меня. Бросай скорей свое языкознание. И пантомиму. Они тебе ни к чему.

Активистки сельпо «Пчелка», как именовал Арбакеш ближайший круг своих друзей в общежитии Университета, все родом из глухой провинции, подняли взволнованного соседа на смех:

– Валь, ты погляди на него! Нот не знает, ни одну песню спеть не может, а будет музыковедом. Ну, вечная умора с ним!

– Ир, так, главное, понарасказал нам с три короба, на цельный роман хватит, а говорит, что общался с мужиком лишь три станции, от «Кропоткинской» до «Спортивной».

* * *

Академик Толстой мыл руки в уборной ВАКа, на улице, названной в честь автора пьесы «Горе от ума».

– Здравствуйте, Никита Ильич!

– Приветствую вас, коллега. Как поживаете?

– Здравсти! Сами вляпали меня в д...рмо, – ответил развязно Арбакеш, окидывая взглядом уборную, – и теперь спрашиваете, как у меня дела?!

Академик Толстой, поглаживая свою окладистую седую бороду, растерянно всматривался в собеседника:

– Коллега, отчего вы изволите говорить со мной таким тоном?! Чем я заслужил сие?

– Так это же вы, Никита Ильич, мне еще на первом курсе рекомендовали сравнительным языкознанием заняться. Мол, столькими языками с детства владею, сам Бог велел...

– Коллега, так это вы?..

– Да, Никита Ильич, это я.

К Толстому возвратился его коронный добродушный интеллигентный взгляд.

– Вашу диссертационную работу уже в который раз вернули на обсуждение, хотя все наши предыдущие отзывы были положительными. И чего это, уважаемый коллега, они к вам привязались? Видать, перешли дорогу какому-то неучу.

Арбакеш с досадой повел плечами:

– Четыре дополнительных рецензирования, три обсуждения в ВАКе, и вот сегодня очная ставка с черным оппонентом. И это все после двух предзащит в университете и Институте языкознания и успешной защиты «19 : 1» в Докторском совете Академии наук. Достали уже, Никита Ильич!

– Не сердчайте, коллега, что не сразу признал своего ученика. Видать, кто-то здесь очень заинтересован в невыгодном свете представить вас и вашу работу...

Учитель и ученик вместе вошли в зал заседаний.

Академик Толстой поднял руку, прервав сбивчивые нападки черного оппонента, и попросил соискателя рассказать о своем образовании.

– Пять лет древнеперсидский и пять лет язык Авесты у профессора Василия Ивановича Абаева, столько же лет санскрит и хеттский у профессора Широкова, готтский и литовский у доцента Марины Нецецкой, арабский у академика Зализняка, древнегреческий у...

Академики оторвались от кулуарных обсуждений своих дел и с удивлением узнавали в авторе нашумевшей диссертации бывшего ученика. Ободряющие кивки ученых мужей придали сил диссертанту. Нелепые замечания черного оппонента он парировал с юмором. Терять ему было нечего: к тому времени он уволился из Академии наук и разъезжал с гастролерами по миру. Почтения к официальным бумагам, и кандидатскому диплому в том числе, он теперь не испытывал.

В стане светил науки наступило непривычное оживление: в голос смеялись над хлесткими ответами Арбакеша и, не таясь, выказывали ему знаки одобрения. Редуты черного оппонента и его покровителей пали. Истеричные выпады недоброжелателей утомили академиков. Заседание было остановлено. Арбакешу принесены глубокие извинения за грубейшее нарушение правил, сфабрикованное против него дело было названо «нонсенсом за всю историю». Черного оппонента уволили.

* * *

Восемь лет спустя Арбакеш основал «Арбу Семи Муз»; любил встречаться и беседовать со спутниками, даже когда «Арба» прекратила свои поездки в прямом эфире и превратилась, как отозвался один журналист, в резонансный прибор, который работает всегда. На встрече со спутниками «Арбы» в Воронеже Арбакеш, отвечая на вопрос о начале своего пути в музыке, в который раз поведал о случае в метро. Припомнил, что предсказатель говорил очень громко, чем ужасно смущал Арбакеша. Но люди словно ничего не замечали...

После встречи к выступавшему подошел загорелый молодой мужчина, как выяснилось позже – знаток мистики Востока, и сказал: «Арбакеш, вы наверняка поняли, что это был Хизр? Ангел-хранитель, указующий дорогу тем, кто в пути. Его видели и слышали только вы».

Ритон

Вороны в густо запорошенном дворике университета на Ленинских горах каркали, не унимаясь. Будущий писатель Алан Черчесов ночи напролет печатал в соседней комнате свои первые рассказы. Диссертация аспиранту Арбакешу не давалась. «Сталинские застенки», как называли массивное здание университета его обитатели, давили. Хотелось солнца и простора.

Света постановила: будем улетать по системе «НМ». «НМ» – это Нина Михайловна, мама Светы из Ульяновска. Ее рецепт отъезда был таков: никаких новых продуктов в течение недели перед отъездом не покупать. В итоге, достав из «Морозко» единственную оставшуюся томатную пасту, приправили ею козинаки и плотно позавтракали. Затем разморозили холодильник и отправились через снег по колено в аэропорт.

В самолете Светлана прозорливо предложила заранее подвести итоги научной конференции, на которую они летели с Арбакешем. Аргументация была безукоризненна: «Слушай, на обратном пути будет впечатлений полон рот, давай сразу напишем отчет – и дело с концом!»

Яркий солнечный свет заливал последние строки отчета о насыщенной командировке. Самолет приземлился. Батюшки! В Ашхабаде +23° С! Разоблачившись до коротких рукавов, вышли из самолета, а обещанных встречающих и близко нет.

Бесстрастные глаза неподвижно сидящих яшули¹ из-под больших мохнатых шапок следили, как молодые столичные ученые топтались вокруг единственной сломанной телефонной будки. Ни один из указанных в программке телефонов не отвечал. «Зато солнечно и тепло! А это для меня самое главное!» – резюмировала первый блин местного гостеприимства Светлана и опасно подошла к стоянке такси. Сели в нагретую Волгу, таксист молча включил счетчик, на табло высветились обычные «20 коп.».

– Гостиница «Туркменистан», пожалуйста, – сказал Арбакеш неподвижно сидевшему водителю. Тот, не говоря ни слова, тронул дребезжащую машину, отъехал немного от аэропорта и остановился. Арбакеш и его спутница с недоумением ожидали от недвижимой спины комментариёв. Счетчик показывал: «42 коп.».

– Яшули, гостиница «Туркменистан», – ноль внимания. – Яшули, извините, нам нужна гостиница «Туркменистан». – Смуглый таксист надменно повел правой бровью и едва качнул головой вправо. Обескураженные спутники глянули в заданном направлении. Машина стояла прямо под вывеской «Гостиница Туркменистан». Выяснилось, что аэропорт находился в центре города.

Номер, куда поселили Арбакеша, скудно обставленный, с треугольниками подушек, возвышавшимися в изголовье железных кроватей, больше походил на больничную палату. Удобства во дворе, двора нет.

В те годы хорошие книги можно было достать только в валютных магазинах. Но по столице ползли слухи, что Ашхабад был почему-то немислимим исключением, где можно было купить все, что душе угодно. Арбакеш со Светланой вошли в книжный у Дома офицеров и обомлели: Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Михаил Булгаков... И это в разгар застойного советского времени! Из ступора библиофилов вывел зычный голос за спиной:

– Хватит разглядывать книги! Давай лучше отметим твой приезд.

Это был Сердар, ныне один из лучших мужских голосов российского радиоэфира, а тогда – диктор новостей на местном телевидении. Именно ему Арбакеш в тот вечер был обязан уроками питья виски. Опьянев от теплого приема, избытка эмоций и горячительных напитков на исходе этого долгого дня, Арбакеш еле вырвался из объятий учителя с отговоркой, что рано утром ему предстоит читать свой доклад.

Едва держась на ногах, он дополз до своей палаты и обнаружил, что там сидят мужики в белых майках и полосатых штанах и, увидев его, безапелляционно заявляют: «А теперь будем пить!» Докладчик пытался было робко защищаться: «Да я уже и так...» – но заводила компании налил из трехлитровой банки в граненый стакан спирт и приказал: «Пей!» После чего, как водится, мужики представились: «Вообще-то мы ракетчики, сами из Тирасполя. Сейчас мы тебе расскажем, где расположены наши объекты».

¹ Яшули (туркм.) – аксакал в Туркмении: букв. «яш» (возраст), «ули» (большой).

Арбакеш затыкал уши, умолял их не рассказывать ему ничего о своей работе, но все напрасно. Граненый стакан исправно наполнялся, тяжелым немигающим взглядом ракетчики следили, как Арбакеш мучительно, по глотку, пытается допить его, и тут же продолжали: «Триста першая установка находится на границе с Ираном там-то. Триста другая находится с другой стороны, возле Нисы...» Арбакеш встретился, услышав наконец знакомое слово. Ниса – это городище под Ашхабадом, на границе с Ираном, бывшая столица Парфии – иранского государства среднего периода.

Назавтра Арбакеш в красках стал изображать Сердару ночные посиделки. Друг, обернувшись по сторонам, заткнул Арбакешу рот и посоветовал забыть как можно скорее эту историю и уж, во всяком случае, никому, никогда, ни при каких обстоятельствах ее не пересказывать. Все имена, которые называл поутру Арбакеш, принадлежали руководству секретных органов Туркмении. Сердар знал их наверняка, так как его отец заведовал сектором идеологии в ЦК компартии республики.

В день отъезда соседи по палате сделали Арбакешу подарок – в неряшливом свертке покоился странной формы предмет, которому он не придал ни малейшего значения и постарался поскорее от него избавиться, памятуя строгий наказ Сердара накрепко забыть все, что связано с ракетчиками.

Прошло два десятка лет. Как-то Арбакеш посетил своего друга, замдиректора Музея народов Востока, и в его кабинете обнаружил схожий предмет. Оказалось, что это ритон – древний ритуальный сосуд для питья вина, бесценная археологическая находка из Нисы.

«Толком не разглядев, собственной рукой я отправил в урну ашхабадского аэропорта царский подарок», – сожалел Арбакеш.

Поездка в Баден-Баден (Шила)

«Назимкин, дорогой, – вкрадчиво, но настойчиво подначивала Арбакеша пышногрудая звезда советского кинематографа¹, – давай-ка махнем в Страсбург кофий пить!» В Баден-Бадене, видите ли, выпускнице нижегородского судостроительного техникума кофе приелся.

На это Арбакеш как здравомыслящий менеджер возражал, что и в Баден-Бадене кофе отменный, но тут за звезду вступилась режиссер Хельга, и пошло-поехало: «Merde! Во Францию! Мы имеем право, это свобода! Не будь совком...» Как мог, Арбакеш стоял на своем, увещевая, что советским гражданам и в «баден-баденах» хорошо, тем более и виз-то во Францию не было², хотя она заманчиво простиралась всего лишь за мостом. Все это было настолько очевидно, что в какой-то момент самым непостижимым образом и остальным членам съемочной группы вдруг стало казаться, будто кофе в Страсбурге всем жизненно необходим...

¹ Наталья Лапина, актриса.

² Эта история происходила в 1989 году, и о свободном пересечении европейских границ советскими гражданами не могло идти и речи (Примеч. ред).

Так или иначе, Арбакеша и Пышку¹ арестовали на границе, поставив в паспортах штампы, с которыми они не имели больше права никуда, никогда и ни по каким причинам выехать, и, вконец удрученные, они вернулись в Баден-Баден. Как только про их злключения стало известно, к пострадавшим потянулись сочувствующие друзья, в числе которых были консулы, и все вместе они причитали о вселенской несправедливости: «Какая дикость – не выпускать бедных советских граждан без виз в другое государство, чтобы попить кофе!..» Пышка ужасно расстроилась и винилась: «Зачем я, непутевая, помчалась?!» Арбакеш успокаивал ее: «Поздно причитать, дорогуша, больше никогда никаких съемок у нас на Западе не будет...»

В разгар всеобщей скорби к Арбакешу подошли две, как ему показалось, негритянки:

– Мистер, вас ожидает одна важная особа.

– Какая еще важная особа? Все важные собрались здесь... – искренне удивился Арбакеш.

– Нет, вы не вполне верно нас поняли, это очень важная особа.

Принятые Арбакешем за негритянок южные индианки под страшным секретом, с условием, что Арбакеш никому ничего не скажет, повели его в дом, где обитала загадочная особа, которую, как оказалось, разыскивал Интерпол. «Батюшки! – у Арбакеша просто язык отнялся. – И зачем я понадобился этой важной особе, может, лучше не входить?..» – «Нет, входите, она жаждет с вами познакомиться».

Вошли в мансарду. На диване сидела смуглая изящная женщина. Она приветливо сказала: «Hi, my name is Shyla».

В те времена Арбакеш еще читал иногда периодические издания и вспомнил недавнюю статью в одном журнале о первой в Америке индийской общине Бхагвана Шри Раджниша-Ошо. Он построил целый город в пустыне США с тридцатью тысячами жителей, и правой рукой, казначеем Бхагвана Ошо, была Шила. Также сообщалось, что эта «жрица» смылась с тридцатью миллионами долларов в неизвестном направлении и ее разыскивает Интерпол.

На вопрос Арбакеша, не опасаются ли пригласившие, что он сдаст их, Шила ответила, что ни она, ни ее приближенные никогда раньше не видели русских, и прежде чем познакомиться поближе, она не один день наблюдала за ним, «придя к выводу, что такие не предают».

Шила просила держать связь через человека, в доме которого они встретились. Хозяином оказался доктор, автор научной книги, которую он Арбакешу тут же презентовал. Общую, не вполне реальную картину происходившего дополняли жена доктора – японка в кимоно – и желтый любознательный попугай. А Шилу тянуло на мистические разговоры: «Давай про Достоевского поговорим», – предлагала она.

Арбакеш, не смущаясь, отнекивался: «Ну, зачем о Достоевском, давай поговорим о чем-нибудь простом и насущном». Работа в Академии наук и защита диссертации оставили у него настолько неприятный осадок в душе, что он инстинктивно избегал любых «умных» разговоров. И в самом деле: не для того же он забросил свои филоло-

¹ Роль Натальи Лапиной в музыкальном телефильме по новелле Ги де Мопассана «Пышка» (1989), реж. Е. Гинзбург, Р. Мамедов.

гические штудии, вырвался из Советского Союза в буржуазное «логово» Баден-Баден, чтобы говорить о «трагическом и комическом в произведениях Достоевского». О последнем писала диссертацию словоохотливая соседка Арбакеша по «сталинским застенкам» и, не скупясь, ежедневно на протяжении нескольких лет посвящала его в перипетии своего диссертационного исследования...

Шила стала расспрашивать о занятиях Арбакеша и, узнав, что тот организует международные музыкальные фестивали, поинтересовалась, какие у него проблемы и может ли она чем-то быть ему полезной.

Арбакеш ответил как есть:

– Проблемы, как у всех советских граждан, – нет валюты. А она нужна для приглашения участников и гостей на фестиваль.

– Так сколько тебе надо? – допытывалась Шила.

«Для того чтобы пригласить всех тех музыкантов, которых я хотел, сколько мне денег нужно? Наверное, двух тысяч долларов хватило бы. Ну, от наглости, может, пять попросить?..» – прикидывал Арбакеш.

– Пять миллионов долларов хватит? – совершенно серьезно спросила Шила.

– Пять миллионов... Шила, пять миллионов... их мне даже на много фестивалей хватит...

Советский Союз давно развалился, а пяти миллионов все равно хватило бы на много фестивалей. Но эти миллионы Арбакеш у Шилы не взял. Он взял главное. Шила поведала ему свою тайну. А тайну ведь не купишь ни за какие деньги.

ТКЕМАЛЬ

На щиколотках музыканта наколки... «Странно», – подумал Арбакеш. Но долго размышлять об эстетических пристрастиях барабанщика, которого Ингусик умоляла приютить на неделю, пока Арбакеш пробудет в Ашхабаде, было недосуг.

Как обычно после поездки в любимый чудесный солнечный город, обратно в Москву Арбакеш летел единственным утренним рейсом. А до аэропорта уже по традиции везла Света, жена скрипача Гасана, одной рукой лихо руля «Волгой», другой – запахивая ворот халата. Так, уже в который раз после обмывания подписанного контракта или успешной записи легендарного «Ашхабада», Арбакеш возвращался домой.

Ступив через порог, хозяин обнаружил, что дверь в комнату заперта, и не стал будить спящего барабанщика. Но когда, допив кофе на кухне и для приличия подождав еще немного, все же приоткрыл дверь в комнату, немало изумился: постель убрана. И вокруг – чистота! «Какой аккуратист», – подумал Арбакеш. Лжебарабанщик оказался настоящим профи: подчистил в квартире все – наличные деньги, технику, одежду, музыкальный архив и даже немецкие зажигалки и спички.

«Хорошо-то как в пустой квартире, вольно так дышится...» – прислушивался Арбакеш к новым ощущениям. Вскоре примчалась Ингусик, стала вся синяя и беспрестанно причитала: «Прости, прости!» Так что Арбакешу пришлось еще и наводчицу вора успокаивать: «Ничего, не плачь, деньги – не самое главное, заработаю еще».

В это время раздался телефонный звонок:

– Мерхаба!¹ – и далее все по-турецки. Но, наткнувшись на упрямо повторяемое Арбакешем «I don't speak Turkish», перешли на плохой английский.

«Дайте ваш адрес. Мы ваши родственники, мы к вам сейчас приедем». – «Какие еще родственники! Приедут и последнее из квартиры вынесут», – насторожился Арбакеш. «Давай-те лучше митинг ин ээ сити завтра устроим», – уклончиво предлагал он, не имея абсолютно никакого представления, что это за родственники. Многократно заполняя всякие анкеты перед выездом за рубеж, он уверенно писал: «родственников за границей не имею», «интернирован не был», «не имею», «не был»... А тут – на тебе, какая-то турецкая родня...

На следующий день встретились ин ээ сити. Оказалось, что засланцы здесь по просьбе почетного председателя турецкого меджлиса² Ильфана Картала. Разложили на столе родословное древо. «На мошенников, вроде, не очень похожи, – присматривался Арбакеш. – Хотя кто их знает?!»

В конце очередного телефонного разговора со своим братом Азимом Арбакеш вдруг вспомнил: «Тут такая занятная история произошла: какие-то странные люди на меня вышли, утверждают, что родственники из Турции, всучили мне родословное древо, запиши пару имен...»

В понедельник Азим позвонил Арбакешу непривычно рано и взволнованно доложил: «Представляешь, ездил на выходные к Папе в деревню, пересказал ему твою историю. Он сказал, что это наша близкая родня!»

Новоявленным родным, настойчиво звавшим в Турцию, Арбакеш ответил, что на историческую родину отца он поедет только с отцом.

Вскоре к Арбакешу в Москву приехал Папа, и тут – буквально в этот же самый день – случился путч. Папа очень переживал: из Турции он, как теперь признался, уехал шестилетним ребенком, и сейчас срывалась возможность вновь увидеть родину. Сын, напротив, радовался, что в магазине «выбросили» недорогой коньяк.

Арбакеш убеждал Папу, что путч – это очередное шоу, и не успеют они пересечь советскую границу, как спектакль будет окончен... И вот они на болгарско-турецкой границе. Просмотрев паспорта, пару раз вслух прочитав имя-фамилию и уже собираясь перейти к следующему купе, пограничник, видимо, ради вежливости, спросил: «Azəri mi siz?»³ И вышел. Однако, не услышав ответа, вернулся и вопросительно посмотрел на молчавших отца и сына.

И тут Арбакеш вспомнил Папины уроки. В детстве Папа говорил Арбакешу: «Сынок, ты сын свободолюбивого курдского народа, всегда гордись этим». Но поскольку до того момента гордиться не приходилось: никто особо не спрашивал Арбакеша, какой он национальности, Арбакеш понял, что пришло время, когда он мог бы продемонстрировать свое усердие, тем более в присутствии самого учителя, и показать, что его уроки не прошли даром. Отец молчал, а сын спокойно ответил: «Yok. Ben kurt»⁴. Ученика вместе с учителем высадили из поезда и забрали все документы.

¹ Мерхаба (тур.) – здравствуйте.

² Меджлис (тур.) – парламент.

³ Azəri mi siz? (тур.) – Вы азербайджанцы?

⁴ Yok. Ben kurt (тур.) – Нет. Я курд.

Через решетчатое окно пограничной службы Арбакеш видел, как отец растерянно ходит перед отправляющимся поездом. Ему стало неловко, что он невольно поставил под угрозу встречу отца с родиной. Применяв все свое красноречие и приправив его великодержавным шовинизмом, Арбакеш ввел пограничников в ступор, выхватил паспорта, выбежал на перрон и посадил Папу в набиравший ход поезд на Стамбул.

Из Стамбула на *mavi train*¹ новоявленные родственники отправили их в Анкару. Первым, что посетили отец с сыном в столице Турции, был мавзолей основателя Турецкой Республики. Папа горько посетовал: «О, Мустафа, будь ты проклят! Ты погубил мою жизнь!» Но Арбакеш парировал: «Папа, вы что такое говорите?! Не будь революции Ататюрка, ваш отец Карим-ага не оказался бы в измирской тюрьме, не бежал потом в Армению, оттуда вас не сослали бы в Казахстан, и там вы не встретили бы карачаевку Гокку, и тогда не родились бы все мы, ваши дети. Вы сожалеете, что подарили нам жизнь?» Папа громко рассмеялся. Почтительно шествовавшие мимо турки недоуменно оглянулись, услышав оживленную русскую речь. До своих последних дней, рассказывая о памятной поездке, Папа цитировал эти слова Арбакеша...

Днем и ночью путешественников посещали депутаты меджлиса от различных партий и испрашивали совета по будущему устройству государства турецкого. Папа глубоко-мысленно отмалчивался, а сын не имел права на слово в присутствии отца. Напускное и многозначительное молчание давалось Арбакешу с усилием, но если ему и хотелось высказаться, то точно не на тему о политической расстановке сил. Из Анкары уже новая смена родственников повезла их в провинцию Ван, на родину отца. Однако по дороге их выкрали другие родственники, считавшие, что возвращение пропавших без вести наследников Карим-аги после 60-летнего отсутствия должно непременно начаться с посещения именно их городка. В этой сумятице все танцевали гованд, курдский хороводный танец, а пешмярга, курдские партизаны, стреляли из Калашникова. Как в лихо закрученном вестерне, ни Арбакеш, ни отец толком не понимали, кто именно все эти люди и чего от них хотят. Затем их повели в мечеть Хаджи Надира, посадили на самое почетное место и просили прочитать молитву. В гробовой тишине нагрянувшей неловкости – ни Папа, ни Арбакеш не умели совершать намаз – Арбакеша вдруг осенила догадка: герой его любимых притч – не брат Хаджи Насреддина, как полагал он в детстве, а его прадедушка.

Неделю спустя Арбакешу сообщили, что на завтра их повезут осматривать имения его дедушки Карим-аги и его жен, и спросили при этом: «На лошадях или на авто?» Дабы не пасть в грязь лицом, Арбакеш с уверенностью бывалого наездника, хоть и не сидевшего в седле уже лет пятнадцать, без раздумий ответил: «На лошадях!» – не зная еще, какой приговор себе подписал.

Прежде чем Арбакеша хватил солнечный удар в горах, так и не дав добраться до имения младших жен, он как вкопанный остановился на территории одного из дедушкиных угодий.

Родственники обступили Арбакеша и тоже стали вглядываться в торчащую из земли табличку, которую он внимательно осматривал.

Один из них простодушно спросил Арбакеша: «Eva ursi nivîsiye?»¹

Арбакеш удивился: «Çima ursi?!»² – «Ne, tu dixwîni!»³

Надпись гласила «Я взял молодой терновник, ароматизирующее растение, яблочный уксус и грушу и смешал их вместе с ячменной мукой» совершенно не по-русски, а на языке, который только в 1916 году был расшифрован чешским профессором Эржи Грозным и который Арбакеш изучал пять лет в университете. Это была хеттская клинопись, которую позже расшифровал однокурсник Арбакеша профессор Олег Мудрак⁴. Рецепт ткемали из 16 века до нашей эры.

Азиз и Исмаил

Какое наслаждение бродить по остывающему от невыносимого дневного пекла городу. Ближе к полуночи у входа в центральный парк взяли самую большую корзину цветов. Мадина, вырвавшаяся из тисков опостылевшего без Мамы дома под скалой, боялась не успеть посвятить Арбакеша во все свои секреты. Дома поставили корзину у изголовья спящей Зарифы и, весьма довольные своим поступком, уселись судачить на кухне.

– Мадик, Азиз не может ошибаться, может ты забыла о ком-то из воздыхателей? Давай-ка завтра еще раз хорошенько потрясем Азиза...

Во время университетских каникул Арбакеша Мадина, бывало, рассказывала истории об Азизе, которые казались небылицами, но потом все как одна оказывались правдой. Азиз – внук иранских революционеров Ашрафи, учившийся в параллельном с Мадиной классе, – ясновидящий с малых лет. Как-то шепотом пионерка Мадина поведала Арбакешу: Азиз предсказал, она будет жить с Мамой на Кавказе. Он в подробностях описал двухэтажный дом из белого кирпича, стоящий прямо на берегу реки, и нависающую над домом огромную скалу...

Вдруг в дверях появилась сонная Зарифа, казавшаяся недовольной ...

Арбакеш с Мадиной возбужденно зашипели:

– Құттықтаймыз, айналайын қарындас Зина-апай!⁵

– Эй, вы что спятили? Проснулась от запаха, встала, споткнулась о корзину, испугалась. Вы в себе? Не успели отойти от годовщины, о каком еще дне рождения может быть речь?

– Зина, Папу не вернешь, а ты – его старшая любимая дочь, и мы имеем право поздравить тебя.

¹ Eva ursi nivîsiye? (курд.) – Это по-русски написано?

² Çima ursi?! (курд.) – Почему это по-русски?!

³ Ne, tu dixwîni! (курд.) – Ну, раз ты читаешь, значит, по-русски!

⁴ Содержание хеттской клинописи было оглашено в докладе проф. Олега Мудрака «Хеттская еда и способы ее приготовления в нахской фонетике» на международных юбилейных чтениях Вяч. Вс. Иванова «Символ & symbologium» (сент. 2009, РГГУ) в рамках круглого стола «Экзотические явления в этимологии». – Прим. ред.

⁵ Құттықтаймыз, айналайын қарындас Зина-апай! (каз.) – Поздравляем, дорогая сестра Зина!

¹ Mavi train (тур.) – скорый поезд между Стамбулом и Анкарой наподобие «Красной стрелы».

– Вот артисты... – бубнила про себя Зарифа то ли расстроено, то ли растроганно, возвращаясь спать в свою узкую комнату. Все остальные комнаты ее большой квартиры были, как всегда, полны гостей.

Вечером допрос с пристрастием продолжился:

– Так я выйду за кудрявого рыжего, Азиз?

– Нет, Мадина, – устало твердил Азиз.

– Значит, за брюнета?

– Нет, Мадина.

– Азиз, ты давай не халтурь, хорошенько смотри. Сколько тебе можно повторять, больше вздыхателей у меня нет.

– Есть, Мадина.

– И я его знаю?

– Да.

Пока Мадина ломала голову, пытаясь идентифицировать будущего жениха, Азизу приходилось постоянно отвечать на вопросы любопытствующих, вроде: «Азиз, а вот на новой работе у меня какой будет директор – усатый или конопатый?» На третьи сутки допроса Азиза все удивлялись, почему московский гость не задает ему никаких вопросов. «У меня всего один вопрос, – сказал Арбакеш, – дядя Исмаил у меня был... скажи, где он?»

Азиз, как обычно, закрыл глаза, повертел зрачками под веками, лицо его порозовело. Открыв глаза, он долго молча глядел на ковер перед собой и потом тихо молвил: «Ваш дядя Исмаил был не отсюда, он с другой планеты. Он недалеко от того места, где люди думают, что он утонул. Он всегда здесь, рядом с вами, в другом измерении».

АХМЕД

Голос старшей сестры по телефону был едва слышим, говорила она очень тихо и непривычно медленно. Речь давалась ей с неимоверным трудом:

– Мадина и Азиз? Нормально. Назначили никах¹ на конец декабря. Мы только вернулись втроем из Заречной. Ты разве не слышал? Хито похоронили. Рядом с нашим Папой. ...Попала в жуткую ситуацию. Скажи, ты его настоящее имя знаешь?

– Зарифа, ты чего?! «Хито» ведь «сопливый», от курдского «хитык» – «сопельки»! Так мы его в детстве дразнили.

– Выражаю соболезнование, а на меня так странно смотрят. Потом кто-то говорит: «Назови в день скорби его своим именем». А ведь я все время его так называла, думала, это настоящее имя. Как я могла не слышать, что все его Ахмедом зовут? А он за всю жизнь ни разу не поправил меня.

Струятся годы. А Арбакеш продолжает так же бесхитростно делиться с гостями тем, что есть: то обильным дастарханом, а то просто кусочком бородинского с горчицей.

Как научил его на зозане Ахмед по прозвищу Хито.

АЙТПАХШЫ

Сухие кукурузные стебли вонзались в кожу, от пыли першило в ноздрях и горьким комом отдавало в горле. После многочасового изнурительного труда наконец – тонкая струя нагретой за день воды под баком за сараем. Жжение от порезов на коже стало еще нестерпимее. Но надо, как обычно, помогать Маме подавать на стол. Кумган с водой в правой, тазик в левой руке, полотенце на шее. Омовение рук гостей.

Пройдя мимо висевших на левой стене коридора оленьих рогов, Арбакеш замер перед изящным стеклянным оконцем в синей двери гостиной. Незнакомый гость, склонившись, почтительно пожимал руку Гокке. Кенжетай машинально перекинул взгляд на отца. Папа с миной недовольства, смешанного с изумлением, искоса наблюдал за сценой.

Гость оказался новым директором совхоза и первым карачаевцем, которого видел Арбакеш после возвращения с маминой родины в Казахстан, где вместо вертолетной площадки оказался в лопухах...

– Къайдам... чего это нашло на гостя, балам, – ответила Гокка на завтра на недоуменный вопрос сына.

Начиная с седьмого класса Арбакеша, как и всех школьников, отправляли осенью собирать хлопок в далекий район на границе с Узбекистаном. Уже за несколько недель до этого Гокка, ощипывая курицу для обеда или промывая холодной водой овечьи внутренности для приготовления сохта¹, вполголоса беседовала с незримым собеседником: как можно отправлять своего болезненного, хрупкого, слабого ребенка несколько месяцев спать на холодном полу и работать от ранней зари дотемна под палящим солнцем? Разве для этого мой мальчик пришел в этот мир? Есть ли сердце у отца моего мальчика?

Папа был неумолим. Уже после первых недель сбора хлопка юного хлопкороба отправляли в больницу. К выпускному классу Арбакеш закалился и отработал от начала, середины сентября, и до конца. Конец наступал обычно с выполнением республикой взятых на себя перед Центром соцобязательств по сбору «белого золота».

В тот год план никак не хотел выполняться, и школьники в лютую стужу бродили по полям в поисках коробочек с хлопком. Родители передавали детям еду или деньги на ее покупку. Контакты же отца и сына в течение нескольких месяцев ограничились тем, что директор школы дважды останавливал старшеклассника и строгим голосом спрашивал:

– Фамилия!

Сын удивленно начинал было:

– Вы же знаете...

– Фамилия! – настаивал директор. Сын называл отцу их общую фамилию.

– Сколько хлопка собрал сегодня?

– 32 кг.

– Маловато, надо лучше работать...

¹ Никах (араб.) – финальный этап брачной церемонии, формальное заключение брака по шариату.

¹ Сохта (карач.) – колбаса из внутренностей мелкого и крупного рогатого скота.

Спали в большой казарме на полу. На завтрак в сизом тумане школьникам выдавали кипяток с керосином из бака с надписью «чай» и кусок хлеба с маслом.

На обед под палящим к тому времени солнцем в алюминиевую миску, которую каждый таскал в хлопкоуборочном фартуке, с полевой кухни наливали похлебку неопределенного происхождения.

Чувство голода становилось навязчивым и не поддавалось контролю. Как-то вечером он возвращался с плантаций... и вдруг очнулся от женского голоса:

– Сынок, тебе чего?

Арбакеш обнаружил себя перед воротами дома, откуда исходил манящий запах свежеспеченного хлеба. Тапанан, лепешки, пекли, как Мама, в железных сковородках под кизьяками.

Арбакеш непроизвольно вновь перевел взгляд с женщины на дымящийся очаг. Женщина перехватила его взгляд:

– Ты голоден?

Словно зачарованный смотрел Арбакеш на тапанан, не в силах вымолвить слова.

– Ты не похож на других ребят. Кто ты по национальности? И мама курдка? Извини, курдянка. Карачаевка?! А фамилия ее как?

– Кагиева.

– Кагъыйланы?¹

Арбакеш кивнул. Женщина странно мотнула головой, как бы желая убедиться, что это не наваждение:

– Сен Гокканы джашымыса?!² – уже тише, пригнув голову и оглянувшись по сторонам, спросила она, словно речь шла о страшном секрете.

Быстрым шагом женщина вернулась во двор и стала лихорадочно собирать в узелок продукты, громким шепотом подгоняя домашних: «Во дворе сын Гокки, голодный, живее, живее!»

Сумерки, как водится на Востоке, мгновенно сменились ночью.

Арбакеш невольно попятился назад – в открытые ворота как раз вгоняли коров, возвращавшихся с пастбища, – и встал под кроной деревьев, откуда с притупленной тревогой наблюдал за суматохой во дворе.

Когда женщина вышла с узелком, полным продуктов, он уже схоронился в густом кустарнике за деревьями. Из укрытия ему было хорошо видно, как женщина долго ходила перед воротами, освещенными фонарем, и беспрестанно окликала: «Джаш, сен къайдаса?»³

Вернулись с хлопка в декабре. Гокка оставила яствами круглый столик на маленьких ножках. Сын ел несколько часов кряду, а Мама молча убирала пустые и придвигала ему полные тарелки. И вполголоса повторяла: «Байкус, балам, хариб. Рядом с живым сытым отцом ребенок чуть с голоду не умер».

¹ Кагъыйланы – оригинальное карачаевское название рода Кагиевых (Келеметовых).

² Сен Гокканы джашымыса? (карач.) – Ты сын Гокки?

³ Джаш, сен къайдаса? (карач.) – Парень, ты где?

– Мама, Папа – за справедливость. Всем все должно быть поровну. Разве директор школы имеет право выделять меня среди других учеников только потому, что я его сын?

– Балам, так ведь другим детям родители, будь они хоть неимущими уборщиками в школе, еду и деньги передавали, а твой родитель рядом с тобой был всегда и даже не спросил тебя, хочешь ли ты есть!

– Мама, ты же знаешь, я бы все равно не признался ему, что голоден.

– И он еще хочет построить справедливое государство для своего народа. Как можно заботиться о всеобщем счастье, а о своем родном сыне не думать?

– Маам, ну не расстраивайся, видишь, твой кенжетай живым вернулся. А кстати, Мам, там мне встретила одна карачаевка, хотела дать мне хлеба. Так разволновалась, когда узнала, что я твой сын...

– Ты взял?

– Нет, убежал.

– Ыыы, – казахским междометием задумчиво, потупив взор, ответила Гокка, – видишь, мир не без добрых людей.

– А почему она на твое имя так отреагировала?

– Къой, айналайын, выдумывать. Ешь медленно, не торопись. А я пока коров подою.

– Мам, давай помогу. У тебя же экзема, тебе нельзя...

– Отдохни, айналайын.

* * *

Как и предсказал много лет тому назад школьник Азиз Ашрафи, Гокка поселилась с Мадиной на берегу ясной Теберды-реки в белом двухэтажном доме, который приобрел старший сын.

Ссылка в Казахстан, продлившаяся более полувека, была позади. Гокка наслаждалась родной – карачаевской – речью, общением с родственниками, свежим горным воздухом и родниковой водой.

Вечерами пили чай из самовара под яблоней в саду. Теберда шумно несла свои ледяные воды по валунам, над домом висела скала. Страшно не было. Было спокойно. Родина.

Придя как-то из города, Арбакеш прямо с порога дурашливо прокричал:

– Маам, выходи, я тебя рассекретил...

Гокка, как обычно неторопливо, вышла в прихожую и, потирая большой палец правой руки – привычка, оставшаяся от мучившей некогда экземы, – спокойно спросила:

– Не болгары¹, балам?

– Маам, почему ты скрывала от нас, что ты горская княгиня?

Гокка как-то странно, с досадой отмахнулась:

– Это тебя твой говорливый кузен просветил?

– Какая разница, кто именно? У твоего младшего сына уже седина в бороде, а он только узнает, что его Мама велик...

¹ Не болгары (карач.) – Что случилось?

– Теперь ты счастлив? – в кои веки перебила кого-то Гокка.

Арбакеш смутился.

– При чем тут счастье? Я же видел, что твои соплеменники странно реагировали, когда узнавали твое имя. Мы даже с Тарковскими, великими горскими князьями, в родстве. Это уже тетя Назифа в университете мне поведала. Почему ты скрывала от нас это?

– Балам, я старалась воспитать вас так, чтобы вам не приходилось заниматься тем, чем ты занят сейчас, – бахвалиться своим происхождением. Это должно быть видно по вашему поведению.

– Маам, скажи мне правду ... Ты толком никогда не рассказывала: что, в ноябре 43-го за три часа всех выслали с узелками в руках?!

– К чему тебе это знать?

– Вдруг я возьмусь книгу писать о тебе? А ничегошеньки не знаю о тех годах...

– Зачем об этом писать? Хочешь стать писателем? Как он? – и указала глазами наверх – на втором этаже Папа неустанно печатал свою новую книгу про Апо¹.

– Ну, допустим. А что в этом плохого?

– А для чего он пишет книги?

– Чтобы помнили и любили...

– Кто?

– Курды, люди, потомки, человечество...

– Ыыыы, оказывается можно любить все человечество, не любя детей, которых сам породил?

– Мама, ты не увиливай. А ты любила Папу?

– Кьой... глупости болтать, – растерялась Гокка, щеки ее покрыл румянец.

– Мама, ну, пожалуйста, так нечестно, я ни разу в жизни не позволил себе задать тебе личный вопрос... Как я напишу книгу, если ничего не знаю о твоём прошлом? Ответь: ты любила Папу? – и положил голову на колени матери. Отчасти оттого, чтобы пригубить любимого с детства бальзама от всех напастей – когда Гокка гладит по макушке, отчасти, чтобы не смущать ее пристальным взглядом.

– Что тут ответить, балам? Разве Гокку хоть раз в жизни спросили, кого и что она любит?

– Маам, к Зарифе тут седой благообразный дед подошел, спросил, не дочь ли она Гокки. Мол, их было трое друзей, самых видных парней, все они боготворили тебя, но не решались признаться тебе. Ждали, пока ты сама окажешь предпочтение кому-то из них, настолько они преклонялись пред тобой. Почему ты не вышла за одного из них?

– Он взял меня силой. Был 49-й год, есть было нечего. Твой отец, будучи уже тогда директором школы, был хорошо обеспечен. Меня родные предали. Гокку продали. Они думали, так будет лучше.

– Ну неужели нельзя было что-то изменить?

¹ Апо – Абдулла Оджалан – политический деятель, лидер Рабочей партии Курдистана. Известен также под партийной кличкой «Апо» – «Дядя». С 1984 года его отряды выступали против Турции за независимость Курдистана. В 1998 году был захвачен спецслужбами Турции и приговорен к смертной казни. Позднее она была заменена пожизненным заключением в тюрьме на острове Имралы (Примеч. ред.).

– Кьой, балам, ворошить былое, пустое это. Я стала его женщиной, что тут можно изменить? У Гокки не было выбора.

– Маам, а почему ты плакала, когда мы вернулись в Казахстан?

– Плачь – не плачь, балам, разве прокормишь семь ртов на 30 рублей Эдихан? Работы здесь не было, я ездила в ее поисках с раннего утра до ночи. Кулистан нервничала, из-за нас она не могла скопить приданое. Она была свидетельницей наших первых лет жизни с вашим отцом и ужасно боялась выйти замуж бесприданницей. Может быть, поэтому и сгорела в расцвете сил. Байкус, хоть замуж бы вышла, родила ребенка – остался бы след от красавицы. Страшно было видеть, как женихи убивались на ее могиле. Он (движение головой на второй этаж) не мог больше «делать карьеру», партком обязал его вернуть семью, иначе грозили снять с работы. Он приезжал сюда, баловал вас ... Дети есть дети... и вы просились назад, в Казахстан. Подумала, а вдруг вы, повзрослев, не поймете меня. В одиночку не смогла бы я дать вам должное образование. Попрекали бы Гокку на старости лет. Вот я и вернулась к нему. Я не жалею об этом, балам. Вон какие вы все видные, образованные, независимые. А Гокка вернулась наконец домой, будет лежать в родной земле.

– Мама, очень прошу тебя, умоляю, не говори так. Жизнь только начинается. Минеральная вода из источника у дома, свежий горный воздух, кругом родственники – тебе только жить и жить.

– Послушай, Назеке¹, Гокка не вечная в этом мире, придет и ее время уходить, хочу кое-что сказать тебе. Когда Гокки не станет...

– Мама, я не дам тебе договорить эту фразу, слышать даже об этом не желаю ...Лет в 90, в возрасте ухода твоей матери Эдихан, скажешь. Договорились? Ну, пожалуйста, Мама!

Скотившись с дивана, Арбакеш стоял на коленях перед Мамой, обхватив ее ладонь своими ладонями. Как некогда в аэропорту огромного чужого города. Его красивая, сильная, гордая Гокка, всю жизнь заслонявшая его собой от невзгод, ныне сама выглядела беззащитной.

– Ыыыыыы, – смиренно ответила Гокка. Было видно, что она мучительно переживает невысказанное, но... Гокка не спорила. Никогда.

* * *

Лицо сестры Нарифы в черном платке, с черными бездонными от скорби глазами. Не-обыкновенная красота, словно она только сошла со старинной иконы. Такую красоту страдания Арбакеш видел только в детстве, разглядывая семейную реликвию – любимый альбом «Живопись эпохи Возрождения».

Слегка вывернув нижнюю губу, признак глубокого погружения в себя – одна из многих общих черт с младшим братом, – Нарифа спросила глухим голосом:

– Назимчик, ты видел эту тетрадь?

³ Назеке – уважительная форма от Назим в казахском языке. Обычная манера при обращении к старшим. Так Арбакеша называла только Гокка.

Простая ученическая тетрадь зеленого цвета, Гокка в детстве нам покупала такие за две копейки.

На первой странице перечислены все места работы. Последняя запись: «1958 г. сент. до 1995 г., июля месяца, Южный Казахстан, Чимкентская обл., с/з им. 22 партсъезда».

На другой странице: «Наша семья:

1. Надилов Азим Анварович, 1951 г., янв., село Уюк
2. Надилова Зарифа Анваровна, 1952 г., 5 сент., с. Уч-Арал
3. Надилова Нарифа Анваровна, 1954 г., 25/2, Таласск. р-н Джамб. области, к/з Ворошилова
4. Надилова Клара Анваровна, 1956 г., 18/1, к/з Ворошилова
5. Надилов Бакир Анварович, 1958 г., 1/1, Кара-Тау Таласск. Джамб. области
6. Надилов Назим Анварович, 1961 г., 18 июня, с/х 22 партсъезда (бывший к-з Сталина) Алгабасского района Чимкентск. области
7. Надилова Мадина Анваровна, 1978 г., 3 июля, Алгабасский район Чимкентской области (г. Чимкент)»

На третьей странице:

*«Мне кажется не надо торопиться
Не надо вовсе никуда спешить.
Известно всем, лишь то случится,
Что кто-то свыше, в небе, разрешит.
Бери от жизни все, что можешь,
Бери хоть крохи, все равно...
Ведь жизнь на жизнь ты не умножишь
А дважды жить не суждено...»*

Эти слова (подсказы) остались от старины...

Мое воспоминание о своих прошедших годах жизни с 1943 до 1995 гг.»

И больше ни единого слова.

А я вновь и вновь окунаюсь в реку времени. И далеко на дне ее наконец разглядел потерянное в бескрайней степи село и в нем невыразимо красивую гордую женщину с сердцем, чистым, словно воды горной реки, взрастившей ее. Душа Мира шепчет: «Ей срочно нужна помощь, ей нужна радость». И вот я уже ныряю вниз, чтобы стать ее младшеньким.

– Ты эту тайну хотела раскрыть мне, Гокка?

Айтпахшы, на карачаевском языке имя моей Мамы означает «Цветок».

СЛОВАРЬ АРБАКЕША

Айналайын (каз.) – дорогой, любимый.

Айтпахшы (каз.) – кстати, буквально «вот что я хотел(а) еще сказать».

Аксакал (от тюрк. ак – белый, сакал – борода) – старейшина, почтенный человек у тюркских народов в Средней Азии и на Кавказе.

Ання (карач.) – бабушка.

Апо (курдск.) – дядя по отцовской линии, обращение к уважаемым старшим мужчинам.

Ауызашар (каз.) – букв. «открыть рот», окончание запрета на прием пищи или сигнал к началу трапезы.

Байка – занимательный рассказ, основанный на реальных событиях. Достоверность байки не исключает литературных приемов, с помощью которых рассказчик подает байку в желаемом виде.

Байкус (каз.) – бедняга, горемычный.

Балам (каз.) – сын мой.

Бу не? (Карач.) – Что это?

Дастархан – тюркская скатерть прямоугольной формы, на которую выставляется еда.

В летнее время дастархан накрывают посреди топчана, а по его периметру кладут стеганные одеяла, курпача, на которых удобно возлежать.

Джашым (карач.) – сын мой.

Зозан – курдское летнее кочевье = джайляу (каз.).

Кенжетай (каз.) – младший ребенок в семье.

Кишкентай (каз.) – маленький.

Корпача, или курпача, – стеганое лоскутное одеяло, стелющееся вокруг дастархана.

Къайдам (каз.) – откуда мне (знать).

Къой (каз.-карач.) – оставь, прекрати.

Кумган – кувшин для омовений.

Мяте (курд.) – тетя по отцовской линии.

Сохта (карач.) – колбаса из внутренностей мелкого и крупного рогатого скота.

Стер (курд.) – постельные принадлежности, сложенные друг на друга, обычно на сундуке, у стены в отдельной комнате. Является местом поклонения, олицетворяет собой священный очаг.

Тапанан (карач.), или Таба гырджын (таба = сковородка, гырджын – нан = лепёшка) – лепешки, испеченные в сковородках.

Хаджи – мусульманин, совершивший хадж, паломничество в Мекку.

Хычын (карач.) – традиционное карачаевское блюдо, лепешки с картошкой, жаренные на масле.

Чабан – пастух овец.

КТО ТАКОЙ АРБАКЕШ

Елена Неведрова*

Рассказать в двух словах о том, кто такой Арбакеш, довольно затруднительно, ибо у него две сущности. Первая – человек, как мы с вами: Назим Надиров, выпускник филфака МГУ, журналист, продюсер, ведущий радиопрограмм и автор многочисленных публикаций в прессе. Второй жил во все времена, побывал всюду, где люди слагают сказания, молятся богам и поют песни, и внимал откровениям многих пророков, и души многих народов открывались ему. Но для того чтобы проявился второй, и главный, Арбакеш, совершенно необходим первый.

Звание Арбакеша предполагает наличие соответствующего средства передвижения. И сотворил он «Арбу Семи Муз», и музы с радостным послушанием спустились с Геликонских высот и стали всемирными кочевницами. Эти божественные создания, в свою очередь, помогли запрячь не кого-нибудь, а самого крылатого Пегаса. С таким конем, с таким экипажем – границы не границы, горы не горы и моря не моря. И вот уже Арбакеш под всё и вся расплавляющим ангольским солнцем слушает не менее пламенные, чем солнце тропиков, песни Бонго. А через минуту он в заснеженном Стокгольме сидит у камина с очаровательной Эммой Херделин, которая, разумеется, тоже поет.

Вообще там, где Арбакеш, всегда поют и играют на самых невиданных инструментах, потому что мировая этническая музыка – дело его жизни, суть, душа и любовь. И «Арба» была создана именно для того, чтобы как можно больше людей приобщились к этой красоте. Приобщившиеся и начавшие кататься на «Арбе» становились спутниками.

Спутники – статья особая. Это что-то вроде рыцарского ордена. На пароль «Арба» не знакомый, но посвященный человек всегда откликнется с готовностью и радушием. Приобщаться к красоте и становиться спутниками было легче, когда «Арба» во всем блеске еженедельно прокатывалась по прямому эфиру. Те времена миновали, но продолжается очень бурная и насыщенная жизнь «Арбы»: виртуальная, фестивальная, театральная.

О театральной составляющей «Арбы» следует сказать особо. Созданные Назимом Надировым спектакли представляют собой синтез танцев, музыки, экранной проекции и монологов самого Арбакеша. Эти монологи прекрасно звучали со сцены, но при этом так и просились на бумагу. Арбакеш долгое время этого не осознавал. Но, по-видимому, музы вызвали его на общее собрание «Арбы» и внушили ему необходимость писать. Арбакеш не мог устоять перед доводами и обаянием столь прекрасных представительниц обманчиво слабого пола, и вот – о радость! – родилась увлекательная и наполненная многими смыслами книга.

* Елена Неведрова – журналистка, увлекается классической филологией и астрологией, любит «Арбу Семи Муз» и кошек.

Послания мудрости

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ПОЭЗИИ АФЗАЛ АД-ДИНА КАШАНИ

Константин Васильцов*

Сведения, которыми мы в настоящее время располагаем в отношении жизненной судьбы Афзал ад-дина Мухаммада б. Хасана Кашани, вероятно, более известного под поэтическим именем-псевдонимом (*тахаллусом*) Баба Афзал, едва ли можно считать исчерпывающими. В произведениях Кашани практически нигде не встречается информация автобиографического характера, которая могла бы пролить свет на подробности его жизни. Что же касается данных, которые приводятся в *тазкире* (антологии) или иных нарративных источниках, то они довольно скудны и, кроме того, нередко вызывают сомнения по части своей достоверности и потому, требуют осторожного к себе отношения и проверки¹.

Насколько мы можем судить, основываясь, за неимением более точных свидетельств, преимущественно на косвенных данных, Афзал ад-дин родился в Мараке – местечке, расположенном неподалеку (приблизительно в шестидесяти километрах) от Кашана².

До сих пор среди исследователей нет единого мнения ни в отношении даты рождения Кашани, ни в отношении года его смерти. По всей видимости, Баба Афзал родился либо в 582/1186–87 г., либо в 592/1195–96 г. и умер приблизительно в 667/1268–69 г.³

Баба Афзал был выдающимся художником и мастером слова, сумевшим соединить в своих трактатах, в которых затрагивал самые разнообразные темы – от вопросов логики до мистического познания Бога, изящество и лапидарность слога с тонкостью и остротой мысли. Его известность не только как философа (*хаким*), но также и как

поэта распространилась далеко за пределы Кашана еще при жизни. Показательно, что именно Насир ад-дину Туси (597–672/1201–1274), получившему почетный титул *Устад ал-башар* (Учитель человечества), традиция приписывает авторство следующих строк:

Коли воскликнет высшая небесная сфера¹:
«Мудрый среди мудрецов, мудрейший из мудрых»,
От каждого ангела вместо прославления Господа²,
Прозвучит возглас: «Афзал, Афзал!»³

Стихотворения Кашани – это размышления философа о природе человека, его достоинствах и недостатках, о жизни и ее цели, обязанностях человека по отношению к другим людям и к Богу. Основное содержание рубаи нашего автора составляют традиционные для средневековой мусульманской теоретической мысли вопросы: Бог, человек, система взаимоотношений Бога и человека, Бога и сотворенного им мира.

В основе мусульманской религии лежит, как известно, принцип креационизма. На идею о сотворенности мира и человека помимо собственно коранических стихов недвусмысленно указывают и «Прекрасные имена Бога» – ал-Халик (Творец), ал-Бари (Создатель) и ал-Мусаввир (Образователь). Обсуждение процесса божественного творения, конечной его цели, взаимоотношений тварного (разумеется, прежде всего человека) и божественного составляли основную проблематику богословского и философского дискурса мусульманского Средневековья. В одном из своих рубаи Баба Афзал следующим образом описывает парадигму сотворения мира:

Первое из сотворенного – Разум и Душа
За ней вслед – девять вращающихся небес
После всех них – четыре столпа
Затем – минералы, растения и животные⁴.

В своих трактатах Баба Афзал не рассматривает сколько-нибудь подробно важный для средневековой религиозно-философской мысли вопрос о внемирности Бога, с одной стороны, и постоянном Его присутствии и соучастии в мирских делах (вспомним Коран: «Мы ближе к вам, чем ваша шейная артерия») – с другой. Впрочем, свое отношение к этой проблеме он выражает в следующих строках:

¹ Согласно средневековой астрономии, макрокосм состоит из девяти небесных сфер, семь из которых – сферы планет, «движущихся звезд», восьмая – сфера неподвижных звезд и девятая – «всеохватывающая» сфера.

² Слово «*тасбих*» имеет значение «восхваление», «прославление», а в более узком смысле – «прославление Бога». Согласно мусульманской традиции, основными функциями ангелов было поиминание имени Бога и его восхваление.

³ Как пишет чешский исследователь Я. Рипка, авторство этих строк, приписываемое обыкновенно Насир ад-дину Туси, представляется сомнительным. См.: Рипка Я. История персидской литературы. – М., 1956. – С. 114.

⁴ Поскольку в настоящей работе мы использовали выпущенный в Иране сборник «*Ganj-e sokhan, Electronic Library of Persian Poetry*», полагаем: нет необходимости в дальнейшем делать на него дополнительные ссылки.

* Константин Сергеевич Васильцов (р. 1978) – к.и.н., научный сотрудник отдела Центральной Азии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого («Кунсткамера») РАН. Окончил восточный факультет СПбГУ кафедры Центральной Азии и Кавказа. Область научных интересов: мусульманская философия, богословие, мистицизм.

¹ В книге «Хафт иклим» («Семь климатов») Амина б. Ахмада Рази имя нашего автора приводится как Афзал ад-дин Мухаммад Кашани. Насир ад-дин Туси употребляет следующую форму – Шайх Афзал ад-дин Мухаммад б. Хасан ал-Мараки, известный как ал-Кашани. Са'ид Нафиси во введении к изданию «Руба'ийат-и Баба Афзал Кашани», ссылаясь на рукопись одного из небольших трактатов, принадлежащих Баба Афзалу, дает такой вариант: «Так сказал произносящий эти речи маулана Афзал ал-Милати ад-дин султан 'арифов и хакимов Мухаммад ал-Хасан б. ал-Хусайн – да будет доволен им Аллах...» В заключение рукописи Минхадж ал-мубийин упоминается Афзал ад-дин Мухаммад б. ал-Хасан ибн Мухаммад б. Хуза. Полный вариант *нисбы* нашего автора, учитывая все сказанное нами выше, можно, по всей видимости, представить следующим образом – Афзал ад-дин Мухаммад б. Хасан б. Хусайн Мухаммад б. Хуза Мараки Кашани.

² Выше мы уже отмечали, что Насир ад-дин Туси в *нисбу* нашего автора включает Мараки. Кроме того, мазар Кашани находится в Мараке. Учитывая все сказанное выше, полагаем: мы имеем достаточно оснований, чтобы считать город Марак местом рождения Баба Афзала.

³ Эту дату приводит С. Нафиси во введении к «Руба'ийат-и Баба Афзал Кашани». Браун датирует смерть нашего автора 707/1307–08 г.

О, Пречистый Творец, нет подобного и равного Тебе.
 На прославленном троне нет местопребывания и обители Твоей.
 О, прославленный, милостивый и милосердный Творец,
 Ты существуешь везде, и в то же время никакое место
 Не является местопребыванием Твоим.

В другом месте наш автор замечает:

О, друг, проясни этот вопрос,
 Уразумей с уверенностью, что Бог вездесущ.
 Хочешь, чтобы открылся тебе смысл этого?
 Взгляни, где в теле твоём находится местопребывание души.

Одним из центральных положений традиционного мусульманского мировосприятия является представление о существовании множества миров. Следует понимать, что, когда речь идет о множественности миров, подразумевается вертикальная структура Вселенной, другими словами, существуют различные уровни реальности, сферы которых не должны смешиваться или объединяться. Наиболее ранняя и распространенная традиция, в основе которой лежит картина мира, зафиксированная в Коране, говорит о существовании двух миров – невидимого (духовного) и видимого (физического). Арабское слово, которым принято обозначать мир или Вселенную (космос), – *'алам*. *'Алам* может относиться ко всему за исключением Творца. В персидской традиции иногда в качестве синонима употребляется собственно персидский термин *джахан*. Согласно коранической терминологии, два мира – это небеса и земля, или, соответственно, мир сокрытый (*гайб*) и мир свидетельствуемый (*шахада*). Более поздняя традиция, устанавливая то же самое различие (т.е. мир высший и низший, тонкий и плотный, духовный и телесный и т.д.), использует наряду с кораническими выражениями также другие термины. Высший, или духовный, мир ближе к Творцу, иными словами, он в более полной мере разделяет качества и особенности Божественной реальности. Высший мир предшествует миру земному; это мир духовный, мир света и разума. Высший мир дает начало (порождает) миру низшему, т.е. телесному, миру тьмы и чувственного восприятия. С этой точки зрения все в физическом мире, все, что человек воспринимает посредством чувств, есть лишь неясное отражение предшествующей низшему миру реальности. Мир высший соотносится с Перворазумом и Всеобщей душой, низший – с миром природы, т.е. с сенсительным миром. В мусульманских религиозно-философских текстах низший мир часто именуют *кавн ва фасад*, т.е. буквально: мир «порождения и уничтожения». Данные термины описывают природу мира, в котором пребывает человек. Все вещи возникают, т.е. иными словами, получают существование, и все они уничтожаются – претерпевают изменения, исчезают и распадаются. Об изменчивости и преходящем характере низшего мира Баба Афзал говорит таким образом:

Коль существует боль, сомненья нет, – есть и лекарство.
 Воистину, коль есть любовь, существует и возлюбленный.
 Состояния мира беспрерывно изменяются.
 В том состоянии сомненья нет, ведь [мир] меняется.

Согласно мусульманской традиции, человек является наиболее совершенным из творений (*махлукат*) Бога. Средневековые авторы постоянно подчеркивали эту выделенность человека из сотворенного мира. Ибн 'Араби (560–637/1165–1240) писал по этому поводу: «Человек же в полной мере обладает сразу двумя сущностными характеристиками: благодаря первой из них он вступает в Божественное присутствие, а благодаря второй – в присутствие сотворенного мира. О нем говорят, что он – раб, поскольку на него возложены религиозные обязанности, и он, подобно миру, поначалу не существовал, а затем обрел бытие. Но о нем же говорят, что он – Господь, поскольку он является наместником [Аллаха на Земле], обладает [божественным] образом и создан “наилучшим сложением”. Он – будто “перешеек” между миром и Истинным, который соединяет тварь и Творца. И в то же время он – черта, отделяющая Божественное Присутствие от присутствия тварного, подобно границе, отделяющей солнечный свет от тьмы. В этом заключается его сущность, а значит, ему принадлежит абсолютное совершенство, как в вечном, так и в преходящем, тогда как Истинный обладает лишь абсолютным совершенством в вечном, но не входит ни в какое отношение с преходящим, будучи выше этого»¹. Ибн 'Араби не случайно говорит о человеке как о «перешейке» (*барзах*) – этим он подчеркивает двойственную природу человека, соединяющего в себе элементы тварного и божественного, ибо «перешеек» есть некая преграда, которая, с одной стороны, разделяет две вещи, но с другой – соединяет в себе свойства каждой из них². Эта мысль Кашани выражает следующими словами:

О, ты, ищущий Бога, обратись к себе,
 Ищи [Его] в себе, ибо Бог от тебя не отделен.
 Прежде к себе обратись, а после ты придешь к Богу.
 Ибо узрешь Бога внутри себя.

Представление о человеке как о высшем творении Бога являлось, как можно судить по многочисленным дошедшим до нас источникам, общепринятым положением в исламе и составляло один из трех постулатов, наряду с признанием принципа *таухида* (единства и единственности Бога), а также зависимости множественности сотворенных Богом вещей, которые формировали парадигму средневекового теоретического мышления³. Признание его «срединного» статуса, в свою очередь, ведет к постановке проблемы человека как микрокосма, структурно подобного (изоморфного) миру (макрокосму)⁴. Иными словами, человек вмещает в себя весь мир:

¹ Ибн ал-Араби. Мекканские откровения (ал-Футухат ал-Маккийя) / Введ., пер. с араб., примеч. и библиография А.Д. Кныша. – СПб., 1995. – С. 62–63.

² Добавим к этому, что, по мысли Ибн 'Араби, *барзах* также является некоей промежуточной областью между двумя мирами – материальным и духовным – и составляет особый мир, называемый им *'алам ал-мисал* (мир подобия). См.: Corbin H. L'imagination créatrice dans le soufisme d'Ibn 'Arabi. – Paris, 1986. – P. 133–183; Chittick W. The Sufi Path of Knowledge: Ibn 'Arabi's Metaphysics of Imagination. – N.Y., 1989. – P. 14–16, 117–118.

³ См.: Смирнов А.В. Великий шейх суфизма. – М., 1993. – С. 28.

⁴ Там же. – С. 28–29.

Горизонты мира от начала и до конца до края [сотворены] из нашего праха.
 Источником всеобщего разума и духа является наше сердце.
 Небеса, элементы, растения и животные
 Являются отражением нашего чистого и совершенного бытия.

Непосредственно из этого положения следует, что познание (или, говоря словами самого Кашани, познание мира человека, *джахан-и мардум*, т.е. микрокосма) своей основы (*асл*) и истинной сущности (*хакикат*) с необходимостью ведет к познанию мира. В одном из своих трактатов наш автор пишет:

«Положение знамений Всевышнего Бога в горизонтах и в душах подобно сокровищнице с запертыми дверями, отпереть каковые возможно ключом от мира человека, истинное познание всякой вещи возможно после познания самого себя»¹.

В поэтической форме Баба Афзал выражает эту мысль следующим образом:

О, ты – это список Божественной книги.
 О, ты – это зеркало шахской красоты.
 Все, что существует в мире, имеется внутри тебя,
 Ищи в себе все, что хочешь, ибо ты – это все.

Основным предметом философской рефлексии Кашани является человек, точнее то, что составляет сущность человека, отличающую его от прочих существ, а именно – душа (*нафс*). В своем трактате «Ступени совершенства» наш автор пишет по этому поводу:

«Когда мы говорим “душа человека” мы под этим подразумеваем корень, истину и сущность человека, благодаря каковым человек является человеком. Человек не является таковым благодаря телесной форме и наружности, равно как и благодаря явленному цветку и поверхности, либо качествам явленных и сокрытых членов. Скорее причиной существования этих и им подобных вещей является корень, благодаря которому человек и есть человек»².

Вместе с тем душа является одновременно источником и низких стремлений, и страстей человеческих. В качестве примера можно привести рассуждения Абу Хамида ал-Газали (450–505/1058–1111):

¹ Кашани употребляет здесь устойчивое в мусульманской традиции выражение «афак ва анфус». Сами термины имеют кораническое происхождение. В суре «Совет» сказано: «Мы покажем им Наши знамения по странам (*афак*) и в них самих (*анфус*), пока не станет им ясно, что это – истина». Первое слово (араб. мн. ч. *афак* от ед. *уфук*) буквально имеет значение «горизонты», т.е., как пишет А.Е. Бертельс, «различные стороны, направления, секторы неба, где можно наблюдать сочетания планет и звезд». *Анфус* является множественным числом от *нафс*, имеющего значение «душа». Постепенно за первым из этих терминов закрепилось значение «мир, Вселенная», *нафс* может означать не только «душа», но также и «человек». В результате словосочетание «афак ва анфус» стало истолковываться близко к греческому «макрокосмос и микрокосмос».

² Мусаннафат-и Афзал ад-дин Кашани. – Тихран, 1965. – С. 9.

«Термин третий – душа, принимает значения многообразные, из коих два имеют касательство до цели нашего [изложения]. Первым является то значение, каковое в себя включает одновременно и способность человека к страсти и влечению, кои мы истолкуем далее. Таковое значение [употребительно] по преимуществу среди суфиев, ибо они понимают под душой тот источник, какой вмещает в себя достойные порицания качества [человеческие]. Так, они говорят: “Душу должно победить и сломить”. Есть на это намек и в словах Пророка: “Душа, каковая меж двух сторон, суть враг злейший”¹. Об этом говорит Баба Афзал в одном своем четверостишии:

О душа, твой цветник подобен гробнице Ризы.
 Так почему же твое жилище – пучина страсти?
 Сегодня все то, что ты считаешь более милым,
 Назавтра тебе ясно станет – это враг твой.

Кашани неоднократно в своих рубаи задается вопросом, почему Творец соединил в человеке телесное и духовное начало:

Части пиалы, соединенные вместе,
 [Даже] опьяненный не позволяет себе разбить
 Столь изящные ноги и голову, грудь и руки.
 Ради чего [Господь] сотворил и отчего разбивает?

И сам отвечает:

Когда жемчужина души соединилась с раковиною тела,
 Посредством воды жизни она обрела форму человека.
 Жемчужина, достигнув совершенства, разбила раковину
 И опустилась рядом с краем чалмы султана.

В поэтическом наследии Кашани имеется также много произведений, по духу и содержанию своему близких к суфийской поэзии. Ставший традиционным у мистиков мотив «Бог – возлюбленный» Кашани обыгрывает следующим образом:

Мои глаза наполнены ликом Друга.
 Потому мне радостно, что Возлюбленный – в моих глазах.
 Нехорошо различие делать меж глазом и Другом.
 Ведь либо Друг есть глаз, либо сам глаз и есть Друг.

¹ Абу Хамид ал-Газали. Книга ‘аджа’иб ал-кулуб. – Кахира, 1972. – С. 3.

Или другой пример:

Подобно мне, кувшин сей был печальным влюбленным.
Он желал [лицезреть] лик возлюбленного.
Эта ручка, которую ты видишь на его шейке, –
Та именно рука, что была на шее Друга.

Говоря о мистическом пути богопознания наш автор замечает:

Человек, который вообразил сердце содержимым груди своей,
Сделал [лишь] несколько шагов и счел, что достиг [желаемого] результата.
Воздержание, практика, знание, мольба и поиски –
Суть [к Богу] путь, ходжа ж вообразил все это стоянкой.

Важное место в поэтическом наследии Афзал ад-дина Кашани занимают четверостишия, носящие дидактический характер. Так, Баба Афзал неоднократно напоминает, что главное в жизни человека – это искреннее служение Богу:

Берегись, о сердце, встань на путь [служения] Господу.
Скверно дело то, в коем нет одобрения Истинного.
Не желай никому того, чего не пожелаешь себе,
Дабы в Судный день не пришлось бы [тебе] раскаиваться.

Не будь беспечен, в том нет тебе дозволения.
Однажды наступит день, и тебя предадут земле.
За все доброе и скверное, что творишь ты ночью и днем,
Знай, что в конце концов, в день Суда, тебе воздастся.

Вместе с тем, Баба Афзал не раз говорит и о беспомощности человека перед судьбой. Например:

Коли ты [творишь] дела добрые, то не по твоему благоразумию.
А коли они скверные, то также не по твоей вине.
Одобрение и согласие сделай ремеслом и живи радостно.
Ибо скверное и доброе в мире существуют не по твоему предопределению.

Поэтическое наследие Кашани еще ждет своего вдумчивого и аккуратного исследователя. Мы не ставили и, разумеется, не могли ставить перед собой задачу сколько-нибудь полного анализа его творчества, тем более учитывая объем настоящей публикации, но лишь постарались в самых общих чертах рассказать о поэзии этого замечательного мыслителя, творчество которого, к сожалению, пока мало известно отечественному читателю.

АНТРОПОГОНИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В ДОИСЛАМСКОЙ АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ

Аида Гасьмова*

«Мы все – вода и земля»

Гомер

Среди источников по изучению арабской мифологии джахилийская поэзия занимает особое место.

А.Б.Куделин, исследовав арабское словесное искусство в фольклорно-мифологическом контексте, отмечает: «Наконец необходимо сказать, что мифологические, сказочные и эпические мотивы могут проявляться не только в биографии архаического автора, но и в определенной мере – в содержательной стороне его произведений, хотя бы и в ослабленной, но узнаваемой форме. Однако судить об этой последней стороне дела пока трудно. Являются ли эти мотивы существенным элементом поэзии раннесредневековых арабских авторов (выполняя в их произведениях пусть даже орнаментальную функцию), как некий знак преемственности по отношению к недоступной для нас на арабском материале стадии мифопоэтического творчества, предстоит еще выяснить в ходе дальнейших, более обстоятельных разысканий»¹.

При изучении поэзии доисламского – так называемого джахилийского – периода выясняется, что арабы имели некоторые представления о сотворении мира и человека. В их поэзии отчетливо видны следы антропогонических мифов. По мнению П.А. Грязневича, при обращении к обширному материалу древнеаравийской ономастики анализ этимологии и мотивировки племенных названий, имен языческих божеств, личных имен, некоторых метафорических выражений и поговорок обнаруживает отголоски представлений, восходящих к древнейшим пластам антропогонической мифологии. Автор, указывая на названия некоторых племен (*бану сахр*, *бану джандал*), видит в них следы архаических мифов о сотворении человека из камня². Этот мотив подробно разработан Д.В. Фроловым, исследовавшим семантику мотива камня в Коране. В одной из позднемекканских

* Аида Гасьмова (р. 1957) – арабист, филолог. Профессор кафедры арабской филологии Бакинского государственного университета. Научные интересы: классическая арабская литература, духовная жизнь арабов доисламской эпохи и др.

¹ Куделин А.Б. Аравийская словесность V–VIII вв. Опыт рассмотрения в фольклорно-мифологическом контексте – фольклор и мифология Востока в сравнительно-типологическом освещении. – М., 1999. – С. 242.

² Грязневич П.А. Развитие исторического сознания арабов: Очерки истории арабской культуры V–XIV вв. – М., 1982. – С. 83, 86.

сур (17: 49–51) он обнаруживает отголоски древних представлений о творении человека из камня¹. В сказании Салиха, которого считают одним из древнеарабских пророков, упоминается о рождении его чудотворного верблюда из скалы. Е.А. Резван обращает внимание на существование ряда языческих аравийских преданий, связанных с «обратным процессом» – преобразованием человека в камень. Из легенд данного круга он упоминает предание об Исафе и Наиле², которые были известными идолами арабского пантеона. Схожие мотивы имеются в египетской мифологии. У Геба, кроме одного локтя и колена, остальные части тела превращены в камень. Они образуют горы.

В *муаллаке* Тарафы б. ал-‘Абда упоминаются «сыны праха земли» (*бану габра*). По мнению Грязневича, в этом понятии содержится намек на творение человека из праха земли, так как «сопоставление предания с мотивом “первочеловек–глина” и предания с мотивом “первочеловек–прах земли” показывает, что речь идет о двух различных мифологических традициях, принадлежащих разным обществам. Идентичные по сюжету, они, однако, отличаются видом материала, который боги использовали для сотворения человека: в одном случае это глина, в другом – песчаная пыль земли. Такое различие в понятии о первосубстанции для творения обусловлено, очевидно, различием почв в местах обитания создателей этих преданий»³. Еврейский источник приблизительно третьего века сообщает, что арабы поклонялись пыли, которая приставала к их ногам.

Обращает на себя внимание специфический, иногда чисто аравийский, характер некоторых космогонических представлений. Например, арабы думали, что верблюд и финиковая пальма созданы из той же почвы, из которой сотворен Адам⁴.

В языческой среде Древней Аравии живы были отголоски архаических мифов о роли воды в акте созидания. Известно, что арабы называли себя «*абна’ ма’ ас-сама’*» (дети небесной воды). Средневековые источники иногда связывали это название с конкретными людьми, например с матерью арабского князя Мунзира б. Имру’-л-Кайс, тем самым указывая на белизну ее кожи. Имело хождение также мнение о том, что это название относилось ко всем арабам. Со слов одного из сподвижников пророка Мухаммада сообщался такой *хадис*: «Сыновья небесной воды, вы все – дети Аджара». Это идиоматическое выражение до сих пор употребляется среди арабов. Безусловно, арабы, называвшие себя «детьми небесной воды», были в курсе архаических представлений о воде, в том числе воззрений древних обитателей Месопотамии – шумеров и вавилонян, которые считали, что мироздание находилось в окружении безбрежного Мирового океана, не имеющего начала и конца⁵. Этим представлениям по смыслу близок библейский миф

о творении мира, где есть упоминание о том, что «дух Божий носился над водой» (Быт., 1, 2). Здесь свою роль также играла жизнь в пустыне. В Талмуде имеется указание на удивительную способность, которой были одарены арабы, – определять единственно путем обнюхивания почвы, близко или далеко находится ключ или какой-нибудь другой источник воды. Находясь вдали от океанов и рек, древние арабы видели, какую благодать приносит земле небесная вода – дождь, давая жизнь высохшим растениям и всей природе. Поэтому, ощущая себя частью этой природы, арабы считали себя сыновьями небесной воды. Древний арабский поэт Лябид об этом говорит:

Волосы сыновей небесной воды поседали,
Будут ли после них долгожители на Земле, или бессмертные?

‘Абид б. ал-Абрас описывает дождевые капли как плодовые воды, тем самым указывая на древние представления о дождевой капле – семенной жидкости.

При описании дождя другой джахилийский поэт, Тамим б. Убайй б. Мукбил, использует выражение «корни детей небесной воды» и тем самым связывает сотворение человека как с водой, так и с растительным миром. Существует большое число мифов, согласно которым именно на дереве в виде цветов или плодов растут души людей. Падая вниз, в утробу матери, они становятся причиной рождения ребенка¹. Наверное, такие представления не были чужды и арабам, сравнивающим себя с деревьями. По хорошо известной арабам зороастрийской мифологии, первая человеческая пара выросла из земли наподобие растения. Этот иранский миф имел распространение среди народов Ближнего Востока и, соответственно, был знаком и арабам².

Архетип дерева и в мусульманской традиции связывается с водой. В Коране упоминается Сидрат ал-мунтаха, находящийся в Раю (Ан-Наджм, 53: 13–16). В сказаниях о вознесении пророка Мухаммада говорится, что Салсабиль – животворящий родник – берет начало из корней Сидрат ал-мунтаха. Здесь налицо те же элементы, что и в стихах Лябида и Тамима ибн Убаййа: вода, дерево, жизнь.

Так как в пустынной местности корни деревьев более развитые и крепкие, чем стебли и ветки, в древнеарабской поэзии архетип дерева иногда фигурирует как «*ирк ас-сара*» (корень, росток сырой земли). Имру’-л-Кайс так описывает многочисленность своего рода: «До корня сырой земли разветвились мои корни». Большинство комментаторов понимали под этим выражением метафорическое обозначение Исмаила, как родоначальника арабов.

¹ Фролов Д.В. Мотив камня в Коране. Арабская филология – грамматика, стихосложение, корановедение. – М., 2006. – С. 318–319.

² Резван Е.А. Коран и его мир. – СПб., 2001. – С. 89–90.

³ Грязневич. *Op.cit.* – Р. 83, 86.

⁴ Цветков П. Исламизм. – Асхабад, 1912. – Т. 1. Мухаммед и Коран. – С. 4–5.

⁵ Евсюков В.В. Мифы о вселенной. – Новосибирск, 1988. – С. 27.

¹ Евсюков В.В. *Op. cit.* – С. 153.

² Грязневич. *Op. cit.* – С. 87.

То, что дерево является символом плодородия и человек также приносит потомство, способствует нахождению новых сравнений между ними. Так говорит Туфайл ал-Ганафи:

И женщины, как деревья, иногда их плоды бывают горькими.
Но и горькие плоды съедобны.

Безусловно, джахилийские арабы имели определенные представления об Адаме. К такому выводу приводит их чрезмерный интерес к генеалогии (*'илм ан-насаб*). По мнению Резвана, в среде аравийских христиан и иудеев были распространены библейские представления о происхождении человека и первопродке Адаме. В качестве примера он приводит касыду Ади ибн Зейда, которая является довольно близким переложением текстов Бытия¹. Кроме того, Адам упоминается в стихотворении Лябида. Любопытно также, что как собственное имя Адам широко использовалось в Северной Аравии задолго до ислама². Арабский ученый Мустафа Абдуллатиф Джайавук по этому поводу пишет: «Что касается сотворения человека, мы точно не знаем, как древние арабы представляли этот процесс. 'Аднан ат-Таглиби в своем стихотворении упомянул Адама. Может быть, эта реминисценция заимствована из иудейских или христианских источников. Или, возможно, они сами имели представление о первочеловеке и звали его Адам».

Вызывает интерес также панегирик ал-А'ши в честь Кайса б. Ма'дикариба – киндского князя, где дано описание морского путешествия и корабля. В этом стихотворении ал-А'ша говорит, что команда на корабле состояла из моряков четырех рас, которые различались по цвету кожи и происхождению³. В поздней мусульманской традиции мы видим, что различие цвета кожи у людей объясняется использованием почвы разного цвета при сотворении людского рода. Абу Исхак ас-Салаби в своем труде «Кисас ал-анбийя» пишет, что когда Аллах Всевышний отправил ангела смерти на землю, чтобы он принес почву для сотворения человека, он (ангел) из четырех сторон земли взял немного красноватой, немного желтой, черной и белой почвы. Поэтому потомки Адама по цвету кожи и по характеру отличаются друг от друга. Сообщение ал-А'ши о четырех видах цвета кожи у моряков показывает, что арабы еще до ислама были знакомы с некоторыми подробностями мифов о сотворении человека.

В космогонических представлениях джахилийских арабов особое место занимают легенды о сверхъестественных силах (джиннах, ангелах, демонах и т.п.). Именно из них, как думали тогда, были сотворены великие люди, герои, короли, могущественные племена. Мать царицы Савской Билкис была джинном женского рода (*джинийя*). Племя *джурхум* также имело особый род – оно было создано от копу-

ляции ангелов и человеческих дочерей. У Зу-л-Карнайна мать была человеческого происхождения, а отец – ангелом.

Как можно судить из приведенных примеров, космогонические представления не были чужды арабам доисламского периода. При изучении джахилийской поэзии выясняется, что арабы имели некоторые представления о сотворении мира и человека. Они были тесно связаны с особенностями жизни в пустыне. С этой точки зрения нам наиболее интересны древнеарабские представления о роли камня, корня дерева и дождевой воды, а также значение и место сверхъестественных существ в акте созидания.

¹ Резван. Ор. cit. – С. 84–85.

² Резван. Ор. cit. – С. 95 (прим.).

³ Филытинский И.М. История арабской литературы. – М., 1985. – С. 108.

Искры огнива

РЕЛИГИОЗНАЯ СУТЬ ХАЛИФАТА

Равиль Бухараев*

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!

В исламском мире, особенно в последние годы и десятилетия, часто поднимается вопрос о возрождении системы халифата, поскольку отсутствие в исламе верховного религиозного авторитета и исходящего от него системного руководства уже привело мир ислама к кровавому хаосу. Каждый, кто ни пожелает, объявляет всемирный *джихад*, хотя прерогатива объявления малого *джихада* как законных военных действий принадлежит только халифу, если он есть. Большой *джихад* – созидательное подвижничество на пути угождения Всевышнему – происходит в душе человека всегда и не нуждается в особом объявлении.

Более того, сегодня под *джихадом* стала сплошь и рядом пониматься вообще всякая, без разбора средств и мишеней, борьба за политическую и экономическую власть. Истинно религиозная суть *джихада* – мирное подвижничество на путях Аллаха – совершенно забыта обманутыми корыстным духовенством мусульманскими массами, обзленными в силу плохих социально-экономических условий и близорукого эгоизма собственных правительств.

Объяснить истинную суть и истинную необходимость *джихада* для совершенствования человека мог бы верховный духовный глава мусульманской *уммы* – халиф. Но что делать, если и институт халифата понимается в современном исламском мире исключительно как политический, насильственный, а не духовно-религиозный институт, только и способный обеспечить реальное созидательное единство мусульман?!

Есть весьма самоуверенные группировки и партии, открыто призывающие к восстановлению халифата политическим путем – путем избрания халифа. При этом они словно не понимают, что институт халифата в исламе является Божественным установлением, а не псевдодемократией, и нельзя просто взять и наделить человека по своему выбору Божественным авторитетом. Как нельзя выбрать себе пророка, так нельзя выбрать халифа на манер президента или даже царя.

* Равиль Раисович Бухараев (р. 1951) – русский татарский поэт, писатель. Окончил мехмат Казанского государственного университета и аспирантуру МГУ по кибернетике. Член Союза писателей СССР с 1977 года, член исполкома Европейского общества культуры и многих других культурных и научных обществ мира. Автор более 30 книг прозы, поэзии, религиозной философии и монографий по истории ислама и культуры татарского народа. В его переводе только что вышла в Англии поэма «Кысса-и- Юсуф» средневекового поэта Кол Гали.

Но хочет ли Всевышний Аллах порядка и единства в мире? Указывает ли Он нам на эти идеалы и их постижение как на цель и смысл нашей земной жизни, или сторонники постмодернизма правы, и все идеалы существуют только в нашем воображении, и на Земле, не говоря уже обо всей звездной Вселенной, нет единой истины для всего человечества? Все это далеко не праздные вопросы, так как на нашей планете существуют многие союзы – как мусульманские, так и немусульманские, – каждый из которых добивается своих целей с относительным успехом. Некоторые мусульманские богословы и политики, и в прошлом, и сейчас, пытались создать халифат по собственной мерке. Среди таких попыток – Движение Халифата 1919–1924 гг., а также планы Мауланы Маудуди, движения Талибан, организации Хизб ат-тахрир и другие. Но разве не о них Всевышний Аллах говорит нам в *суре* «Собрание»: **«Они не будут сражаться против вас все вместе, разве что в укрепленных поселениях или из-за стен. Сурова ярость их между собою. Ты считаешь, что они едины, но сердца их разобщены. Это – потому, что они – народ, который не понимает»** (59:14).

Есть величайший смысл в том, что Священный Коран постоянно напоминает нам: мир вокруг нас и наш внутренний мир полны знаков для «людей разумеющих». Позволю себе привести неожиданный пример для ответа на поставленный выше вопрос о том, желает ли Аллах единства в сотворенном Им мире. Однажды по одному из каналов британского телевидения был показан фильм о фламинго, живущих в Африке. Как говорят об этих удивительных птицах ученые-зоологи, «в силу своих структурных особенностей и предпочтений в пище фламинго способны жить в условиях, которые являются экстремальными для большинства других живых существ. Водоросли и рачки, являющиеся их излюбленной пищей, живут и размножаются в щелочной и солевой воде, обыкновенно в мелких, испаряющихся озерах. В Танзании стаи фламинго размножаются на берегах озера Натрон, самого негостеприимного из озер Рифтовой долины. Температура воды на озере Натрон может достигать 65 градусов Цельсия, но фламинго способны также выносить высокие уровни хлора, серы и фтора.

Итак, огромные стаи фламинго живут в самых негостеприимных условиях. При этом, будучи все же земными существами, в конце дня эти птицы должны обязательно омыть и очистить себя от отложений щелочи и других химических соединений. Если этого не сделать, то отложения станут настолько весомыми, что не позволят птице летать и двигаться, и она погибнет от голода или станет добычей хищников. В фильме одна из молодых птиц так и умирала – с огромными окаменевшими наслоениями на ногах. Но почему же остальных птиц минует такая трагическая участь?

Дело в том, что поведение этих неразумных птиц является истинным чудом Аллаха и могло бы стать примером для иных людей. В фильме показано, что в озеро впадает только одна пресноводная речка, в которой фламинго могут обмыться после жаркого дня, проведенного на щелочном мелководье. Всего одна маленькая речка – для тысяч и тысяч фламинго! Так вот, эти изумительные птицы, по Воле и Милосердию Аллаха, выстраиваются в длинную очередь и терпеливо ждут, чтобы искупаться и очиститься от потенциально губительных химических наслоений. Они не дерутся за то, кому искупаться первому, они не забегают вперед, – они ждут стойко и терпеливо, словно понимают, что проблема выживания всего вида зависит от

их жертвенного поведения в этой на первый взгляд бесконечной очереди. Вместо возможного хаоса мы видим здесь совершенный порядок и совершенную гармонию, которым могли бы позавидовать в сходных обстоятельствах весьма многие люди!

Смысл этого чуда столь же величествен, сколь и прост. Богоданный инстинкт этих замечательных птиц заставляет их заботиться не только о собственном выживании, но и о выживании всего вида в его единстве, и потому заставляет их поддерживать порядок, поскольку любой хаос в этих обстоятельствах был бы равносителен гибели всех этих птиц. Таким образом, даже птицы понимают необходимость и бесценность Единства – почему же то же самое непостижимо для людей?

О чем нам говорит этот пример из живой природы? Он говорит нам, что для достижения и поддержания Божественного сокровища Единства всегда сначала необходим некоторый системный порядок, и вне этого порядка Единства достичь нельзя – ни в живой природе, ни в религиозном или ином другом человеческом объединении. Но если все другие людские объединения могут положиться на свои созданные людьми законы и общие материалистические цели, то подлинное религиозное объединение – а под таким объединением мы понимаем общину, не имеющую никаких материалистических целей, – полагается только на свои духовные правила и следует образцам социального поведения, явленного Единым Богом – Всевышним Аллахом.

Значение халифата – в его наиболее зримом и осязаемом качестве – в том, что он создает и поддерживает религиозные и социальные связи между истинно верующими, бескорыстно организует их для добрых дел, несущих пользу всему человечеству, и являет этот великолепный образец человеческого единства всем людям на Земле.

Эта тема, конечно же, глубока и многогранна, как всякая исламская тема, и вот почему. Феномен халифата самым тесным образом связан с феноменом Стези пророчества. Эта сокровенная связь между институтом халифата и вечно живым осязанием Пути пророчества в мире была раскрыта не кем иным, как величайшим мусульманином всех времен, Печатью пророков Мухаммадом Мустафой, да благословит его Аллах и приветствует. В знаменитом *хадисе* говорится: «Хузайфа (да будет доволен им Аллах) повествует, что Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует) сказал: «Пророчество будет у вас до тех пор, до каких пожелает Аллах. Затем Всевышний Аллах устранил его, затем будет халифат на пути пророчества, он будет существовать столько, сколько пожелает Аллах; затем Аллах устранил его; затем будет эпоха сильного и мощного царства, оно сохранится до тех пор, до каких пожелает Аллах, затем Он заберёт его; затем будет жестокое и деспотичное правление, оно будет столько, сколько пожелает Аллах; затем когда Всевышний Аллах пожелает, Он заберёт его; затем будет халифат на пути пророчества. Затем он умолк» (Приведено в «Муснаде» Ахмада б. Ханбала).

Из одного этого *хадиса* проистекает очевидное объяснение того, что произошло с исламом и мусульманами от эры святого пророка Мухаммада и его праведных халифов до нынешних времен. Но спросим прямо – что есть халифат в его религиозном смысле? Что это за установление? На это отвечает сам Священный Коран, указывая, что институт халифата взял свое начало еще при Адаме (мир ему): **«И когда сказал**

Владыка твой ангелам: “Воистину, Я – Тот, Кто устанавливает на Земле наместника”, они сказали: “Разве Ты установишь на Земле того, кто будет сеять на ней смуту и проливать кровь, тогда как мы прославляем Тебя хвалой Твоей и перевозим святость Твою?” Он сказал: “Я знаю то, чего вы не знаете” (2:30).

В этом *айате* Аллах впервые упоминает понятие «халиф», которое получает двойное значение – «наместник» и «пророк». Ангелы спрашивают Аллаха, зачем нужен в качестве наместника человек, – ведь они лучше знают, как нужно славить Аллаха. Сам вопрос, который они задают, предполагает, что ангелы уже до ниспослания пророчества Адаму знали, на что способны люди, – похоже, на Земле уже были события, связанные со смутой, несогласием и пролитием крови. Отсюда понятно, что главной идеей ниспослания халифата, или наместничества, человечеству является утверждение на Земле веры в Бога и мирного единства людей.

Мир, созданный Аллахом, не имеет изъянов, и его составные, включая и ангельские силы, не имеют свободы воли. Один лишь человек наделен правом выбора – и он сам использует это право во благо или во вред себе и другим. Духовное единство людей на Земле является зеркальным отражением единства Божьего мироздания. Уже Адам как первый пророк человечества был послан на Землю, чтобы прекратить на ней пролитие крови и утвердить единство, уничтоженное людьми в погоне за земными благами. Как наместник, он был призван постоянно напоминать людям об Аллахе и посредством этого утверждать единство праведных людей.

Более того, Адам, как всякий Божий пророк, должен был передавать людям Благостие Единства в точном соответствии с тем, чему его научил Аллах, отражая все попытки исказить учение. Поэтому Наместник, халиф, является Охранителем этого Божьего Благостия. Таким образом, из размышлений над *айатом* о халифате следует, что халифат ниспослан на Землю ради созидания духовного единства людей и обережения чистоты учения о Божьем Единстве. Всякий верующий является свидетелем Божьего Бытия, и халиф – первый из таких свидетелей.

И все же человечество прошло огромный путь от халифата Адама (мир ему) до эры Святого пророка ислама (да благословит его Аллах и приветствует) и его праведных халифов. За первыми пророками не мог последовать институт наместничества или преемственности, поскольку их благостия были ограничены средой обитания их собственных народов. Единственным пророком, кому было доверено Универсальное, Вселенское послание, был Святой пророк, да благословит его Аллах и приветствует. Его Благостие, ислам, было столь всеобъемлющим и величественным, а сила его веры и убежденности столь велика, что после его ухода первые, праведные, халифы ислама должны были лишь точно следовать его примеру и образцу. Но даже им не вполне удалось сохранить единство ислама. Раскол среди мусульман породил систему, которая называлась халифатом в поверхностном, но не в глубинно-духовном смысле. Это была наследственная монархия, которая, не имея, по сути, Божественного авторитета, следила, да и то посылно, только за государственным единством, и всякое ее вмешательство в дела духовного единства порождало разве что преследование инакомыслящих.

Неспособность Аббасидов к духовному руководству привела в конце концов к «закрыванию дверей *иджтихада*» и к торжеству слепой веры именно потому, что они сами, не зная Божественного внушения, не могли ответить на возникающие в ходе времен

духовные вопросы и запросы мусульман. Легче было просто запретить задавать неудобные вопросы, что и было сделано под угрозой смертной казни за ересь и отступничество. Так, теряя сокровенную духовную суть, монархический халифат, будь то халифат Аббасидов, Фатимидов или османских турок, сам подрывал свои земные корни, пока совсем не исчез с Земли.

Однако Аллах в милосердии Своем Сам обещал мусульманам возрождение истинного халифата: **«Обещал Аллах тем из вас, которые уверовали и творили добрые дела, что обязательно сделает Он их преемниками на Земле, как сделал Он преемниками тех, которые были до них, и, несомненно, даст Он им взамен, после страха их, спокойствие. Они будут поклоняться Мне и не будут ничего приобретать ко Мне. Кто же после этого будет неблагодарен (Мне), то это они – нечестивые» (24: 55).**

Этот *айат* вместе с приведенным выше *хадисом* представляет удивительное пророчество и наиболее полно раскрывает религиозную суть халифата в исламе. Из этого *айата* ясно, что истинный халифат даруется Самим Всевышним Аллахом как преемничество на пути пророчества и даруется только как награда истинной праведности (*таква*).

Да, в Священном Коране постоянно говорится, что Аллах избирает того, кого Он хочет. Тем праведникам, которые опасаются своих слабостей и несовершенств на посту халифа, Всевышний обещает, что Сам поможет им на этом пути. Если они и их приверженцы будут вести себя так, как предназначено Аллахом и оберегать халифат как главное сокровище своего единства, Всевышний обещает им созидательный покой и спокойствие души после страха. Но если приверженцы халифата станут упражняться в честолюбии, а то и пытаться свергнуть избранного Богом халифа, то Всевышний назовет их нечестивыми и неблагодарными людьми. Отсюда ясно, что халифат не может иметь ничего общего с мирским политиканством, поскольку честолюбие и интриги – это атрибуты именно мирской, светской политики. Светский халифат – это прямой путь к интригам и вытекающим из них несчастьям. Недаром, когда совершались попытки отобрать халифат у третьего праведного халифа, Усмана, один из первых обращенных в ислам иноверцев, Абдалла б. Салам, предрек:

«Небесные ангелы сделали этот город святого Пророка своим обиталищем. Побойтесь Бога и перестаньте создавать трудности для Усмана. Но если вы решились лишить его жизни, берегитесь! Ангелы небесные покинут этот город, небесный меч будет извлечен из ножен и останется вне ножен до Судного дня».

Сам праведный халиф Усман тоже произнес пророческие слова, когда мятежники решили убить его: «Если вам удастся лишить меня жизни, вы никогда больше не будете жить в единстве. Вы не сможете ни молиться в единстве, ни встречать в единстве своих врагов».

После того, как институт халифата превратился в наследственную монархию, только могучая сила исламского благостия и пример святого Пророка ислама, мир да пребывает с ним, вели исламский мир по пути прогресса в течение нескольких столетий. Однако когда «врата *иджтихада*» закрылись и рациональное осмысление веры стало смертельно опасным делом, халифат из духовной опоры ислама превратился в игрушку светских политиков. Инерция великой цивилизации исламского рациона-

лизма в конце концов совершенно исчерпала себя, и только пришествие имама Махди и Масиха – Мессии, обещанного святым Пророком, могло возродить институт халифата во всем его сияющем духовном великолепии – не корыстными интригами и антиисламскими взрывами бомбистов-самоубийц, но единственно по Воле Самого Аллаха.

Другим несчастьем, постигшим ислам после исчезновения праведного халифата, стало постепенное усиление сословия ортодоксального мусульманского духовенства, которое к настоящему моменту превратилось в сильнейший властный политический класс в таких странах, как Иран, Пакистан, Бангладеш, Саудовская Аравия и, к несчастью для людей разума, набирает все большую силу в Малайзии, Индонезии и других странах Юго-Восточной Азии. Отличие этого самозваного духовенства от немногих праведных знатоков ислама в том, что духовенство присваивает себе право числиться праведниками благодаря своему месту в государственной (а не духовной!) иерархии священства. Интересно, что так называемая мусульманская ортодоксальность сегодня – это часто та ортодоксальность, которая признана удобной по политическим причинам независимо от степени ее истинности. Некоторые классы мулл, например в Пакистане, просто приватизировали право толковать ислам, опираясь на уголовные статьи против так называемых еретиков, введенные светским государством! Никто даже не задумывается над тем, насколько это противоречит свободе совести – основному свидетельству истинности ислама! «В религии нет принуждения» – говорит Священный Коран. В исламе людям нельзя навязывать под страхом смерти или изгойства те или иные верования только потому, что перед Аллахом человеку придется отвечать за них самому, и только самому.

Где будут те муллы, которые системно натравливают молодых невежественных и озлобленных социальной несправедливостью мусульман и мусульманок на убийство женщин, детей и стариков, вообще мирных граждан?! Они что – делают это во имя Аллаха?! Слаба же их вера, если им для исправления себя и мира не хватает молитв, а нужен автомат и пояс «шахида»... С такими людьми полемика, конечно, бесполезна.

Тот, кто верует в пророчества святого Пророка ислама, да благословит его Аллах и приветствует, обязательно верует в пришествие новой эры халифата. Верующие расходятся только в том, когда это случится, и в методах, способствующих этому новому пришествию. Сегодня единственной общиной в исламе, в которой уже целое столетие существует и успешно действует духовный халифат, является ахмадийская мусульманская община.

Ахмадийская мусульманская община отдает себе отчет в том, насколько системно искажается подлинная картина ее верований, какой круговой заговор молчания сложился вокруг созидательной деятельности общины, направленной на мирное возрождение ислама. К сожалению, этот заговор молчания проник и в круги российского ислама, хотя, казалось бы, благодаря степени нашей общественной и научной образованности мы могли бы по крайней мере предпринять ради выявления истины цивилизованную дискуссию, как это и было положено в исламе в его золотые века.

Главным отличием ахмадийской мусульманской общины от других сколь угодно многочисленных общин ислама является то, что в ней уже более столетия действует возрожденный имамом Махди на пути пророчества святого Пророка халифат, обеспечивающий колоссальное созидательное духовное единство этих воистину

верующих в свою истинность людей. Мусульмане-ахмади веруют в Печать пророков и в то, что в мире никогда не будет другого пророка-законодателя, но одновременно с этим веруют, что Всевышний Аллах и сегодня продолжает внушать откровения своим избранным слугам, как делал это со времен Адама. Само появление ахмадийской мусульманской общины и возрождение халифата на пути пророчества Печати пророков – это очевидные доказательства исполненности пророчеств раннего ислама.

Если кто-то думает, что ахмадийская община и ее халифат – это порождение каких-то враждебных исламу политических сил, пусть просто посмотрит, чем в действительности занята и что делает эта община для всемирного ислама. На самом-то деле нет более враждебной исламу силы, чем фанатизм и властолюбие невежд, под страхом смерти требующих, чтобы все разделяли их буквалистские средневековые верования.

Сама ахмадийская мусульманская община искренне верит, что древо ахмадийского движения за возрождение ислама посадил Сам Аллах, и Он Сам будет заботиться о нем, как заботился до сих пор, – вопреки всем гонениям, круговой поручке молчания и всей безбожной лжи. Стерпится и это ради возрождения ислама. Как было сказано в другом *хадисе*, приведенном ал-Газали в книге «Возрождение религиозных наук»: «До нас дошло высказывание Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует):

– Изначально ислам был одиноким, и вновь станет одиноким, каким изначально явился. Блаженны же одинокие!

Его спросили:

– А кто они, одинокие?

Он ответил:

– Те, кто исправляет испорченное людьми в моей *сунне*, и те, кто воскрешает то, что погубили люди из моей *сунны*...

В другом *хадисе* говорится:

– Одинокие – это немногочисленные праведники среди людей и среди созданий Божьих; ненавидящих их больше, чем любящих».

Беда лишь в том, что заговор молчания и тоталитарное, сродни коммунистическому, неприятие всякого мусульманского инакомыслия могут и среди российских мусульман привести к тому, к чему они уже привели сегодня в Пакистане после развязанных там антиахмадийских гонений и преследований. Если кому-то и будет от этого хорошо и прибыльно, то уж точно не великой и свободной религии Всевышнего Аллаха.

Не ошибается только Сам Аллах. Да помилует Аллах всех тех, кто честно и искренне ищет Его путей.

ПЕРЕПИСЬ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Ахмад Макаров*

Перепись в нашей стране всегда была мероприятием особым, имевшим смысл, далеко выходящий за пределы статистики. В далеком XIII веке проведение ордынской переписи в Великом Новгороде означало включение его в налогооблагаемую базу и в состав мощного государства. А в советский период перепись 1937 года была просто отменена как показавшая «ненужные» результаты.

Когда-то в царские времена многие народы нашей страны отказывались принимать в переписи участие, полагая, что в ходе ее всех их переписут в русских и православных. Позже, уже при «победившем социализме», она должна была демонстрировать торжество идеи построения «новой исторической общности» – советского народа. Вот уже нет Советского Союза, и советский народ давно уже перестал быть советским, а задачи кое-кто ставит те же самые...

Этнос – он ведь, как человек, – рождается, развивается, старится, умирает. Как на смену одним поколениям приходят другие, так и народы сменяются одни другими на исторической арене. Какие-то из них занимают лишь одно-два села, но обладают, тем не менее, уникальной культурой, а иные создают колоссальные империи, включающие в себя полмира. Нередко возникает коллизия, когда в границах одного государства проживают два и более государствообразующих этноса, осуществляющие разные цивилизационные проекты. Римляне и иудеи в Римской империи, китайцы и монголы в империи Юань, татары и русские в Золотой Орде, а позже и в России.

Но что представляет собой современный татарский народ? Являются ли татары потомками болгар или же, может быть, нашими дедушками были монголы из пустыни Гоби. Да, и болгары, и даже немножко монголы – правда, в меньшей степени, могут быть названы нашими предками. А, кроме них, еще сарматы, древние угры (родственники венгров), восточные финны (марийцы, мордва, удмурты), гузы, кыпчаки и печенеги. А кроме них – ближайшие родственники болгар – хазары, обладавшие развитой культурой задолго до образования Древнерусского государства и спокойно дожившие до ордынских времен, уже будучи мусульманами. В числе наших предков также значат-

ся и пришедшие из глубин Азии вместе с монголами восточные тюрки – найманы, керейты и сокрушители великого Рима гунны, поменявшие картину мира в IV–V вв. н.э. Кроме того, известно, что в цветущие города Золотой Орды, расположенные в Нижнем Поволжье и Подонье, тысячами переселялись выходцы из Хорезма, Ирана, Закавказья и Малой Азии. Многие из них позже ушли в Среднее Поволжье и Мещеру, многие остались в Нижнем Поволжье. В общекультурной татарской (в то время это слово означало скорее принадлежность к общегосударственной культуре) среде этих городов ассимилировалось население русских, мордовских и армянских поселков, фиксируемых в этих городах. Еще проще осуществлялась ассимиляция воинов – ногаев, башкир, туркмен, кавказских горцев, прибывавших в эти города с дружинами своих феодалов. Собственно, так происходило и позже – в городских татарских общинах Казани, Астрахани, Касимова и других. Там же «растворялись» и чужеземные купцы – бухарцы, хивинцы, иранцы, арабы. Известно о полной ассимиляции в XVII в. среди астраханских татар целой колонии выходцев из Индии, причем сопровождавшейся принятием ими всеми ислама.

Принятие ислама нередко означало и изменение этнического самосознания. По русским летописям и археологическим источникам известно о массовом бегстве в Волжскую Булгарию славянских и финских противников крещения Руси. Предполагается, что их потомки полностью растворились среди болгар, а впоследствии и татар. Известно также, что принимавшие ислам русские, марийцы, удмурты, чувашаи, мордва в царское время переписывались в татар, чтобы избежать преследований. Этот процесс не являлся чем-то исключительным, ведь этническое самосознание стало доминирующим лишь в XIX в., а до того момента его место занимали религия и сословное самосознание. А так как термин «татары» в период княжеской Руси воспринимался как «османы», «римские граждане», то понятны и причины таких явлений. В царское же время «татарин» означало скорее «москвитянин мусульманского вероисповедания». Потому-то под татарами подразумевались и болгары, и кочевники-кыпчаки, и выходцы из полиэтничных городов Золотой Орды, и принявшие ислам финны, угры (манси, ханты), славяне и даже телеуты (белые калмаки в Сибири). Что уж говорить о переселявшихся в города башкирах и ногаях – им даже язык не приходилось менять. Так и сформировался современный татарский народ – в большинстве своем мы потомки болгар и кыпчаков, буртасов и хазар, гуннов и сарматов, финнов и славян. Среди нас есть и выходцы из других народов, но сами мы уже не болгары, не кыпчаки, не ногаи и хазары. Мы – представители той надэтнической общности, которая вывела наших предков на иной культурный уровень, позволила осуществить принципиально новый цивилизационный проект, свой проект – ислам на севере Евразии.

Сейчас, с новой переписью, предлагалось множество вариантов на смену названия «татары» – болгары, сибирские татары, ногайцы, мишари и другие. Но ни одно из этих названий неспособно объединить и половины того народа, что вообрал в себя мусульман севера Евразии. В данном случае уже не важно, откуда пришел термин «татары» – с границ ли Китая, с юга ли Сибири или же из Поволжья. Не важно уже и то, что когда-то он обозначал принадлежность к военно-феодалской знати. Важно только, что он закрепился, и что он сегодня в себя включает. Не спрашиваем же мы, что сегодня озна-

* Дмитрий (Ахмад) Витальевич Макаров (р. 1969 г.) – мусульманский публицист. Научный сотрудник НИИ им. Х. Фаезханова. Член редколлегии и автор серии энциклопедических словарей «Ислам в Российской Федерации». Основная тематика исследований – этносоциальные процессы в мусульманском сообществе России. Автор серии передач «Наследие» на интернет-телевидении islamtv.ru. Автор более 350 публицистических, научных и энциклопедических статей.

чает «русский» – принадлежащий «русу» или же производное от финского «руотси» – «швед». Важно, что это термин, обозначающий принадлежность к определенной культуре и цивилизационной традиции. То же самое можно сказать и о татарах, которые сегодня давно уже не болгары или кыпчаки-половцы. Неспроста же великий писатель Лев Толстой даже аварцев назвал татарами (в «Кавказском пленнике»).

Между прочим, в единый социальный организм мусульманское сообщество царской России оформилось лишь к середине (по другим оценкам, к концу) XVIII в. До того определяющими были субэтнические и сословные маркеры (мурзы, служилые татары, казаки, чувашаи, мещеряки, сибирцы и т.д.). Место их занял надэтнический термин (политоним) «татары», распространяющийся также на башкир, ногаев, и часть казахов.

Именно под таким надэтническим названием, означающим «россиянин-мусульманин тюркского или тюркизированного происхождения», сохранился татарский народ до революции. При этом даже поверхностное рассмотрение позволит обнаружить в нем самые разные корни. Советская власть стремилась всех причесать под одну гребенку, невзирая на разный размер головы. Поэтому ей попросту не нужна была никакая другая общность людей, кроме пресловутого «советского народа». Тем более базирующаяся и основывающаяся свою идентичность на исламе (впрочем, другие религии тоже не приветствовались). Поэтому татар постарались «ужать» до минимума, что и понятно, исходя из упомянутых выше целей.

Сегодня предпринимаются попытки формирования новой российской идентичности. Иной раз создается впечатление, что для этого выбран старый лозунг «православие, самодержавие, народность» за исключением второго компонента. Именно этим можно объяснить идеи отдельных вдохновителей «булгарского возрождения», «сибирско-татарской нации» и тому подобных проектов. Самое интересное во всем этом то, что наибольшую активность инициаторы всех этих проектов проявляли именно в преддверии очередной переписи. Если бы они действительно занимались исследованием и возрождением культуры Волжской Булгарии или сибирских татар... Но именно в этом направлении вся их деятельность и не приносит никаких результатов. Чем же они опасны, эти проекты, спросите вы. В самом деле, даже полное отделение, скажем, сибирских, астраханских татар, крящен, нагайбаков в численном выражении составляло бы не более 200–300 тысяч населения, что не является большой проблемой для народа в несколько миллионов человек. Но ведь именно за счет этих групп, а также многочисленного татарского населения, коренного на территории от Рязанской до Кемеровской и Томской областей, мы и представляем собой ту пресловутую надэтническую общность – имперскую нацию. Самую же большую опасность содержит в себе т.н. «булгарский проект», раскалывающий изнутри два наиболее крупных татарских субэтноса – казанских татар и татар-мишарей. Кроме того, автоматически из состава татар выходят все упомянутые периферийные сибирские и нижневолжские группы (периферийный означает «находящийся не в центре»).

Для кого опасны все эти проекты? Для татар – разумеется, слов нет. Но, кроме того, они несут колоссальную опасность и для России в целом, для ее культурной идентичности. Веками татары были нацией «внутренних российских мусульман», собственно, современный татарский народ, несмотря на то, что основа его была заложена в

булгаро-хазарское и золотоордынское время, окончательные этапы своего формирования прошел именно в таком качестве. Татар можно определить как «сегмент общероссийского социума с ярко выраженной российско-мусульманской идентичностью». И, если сегодня его идентичность (та самая, вышеуказанная) будет разрушена, то надеяться на интеграцию многочисленных мусульман из ближнего и дальнего зарубежья, собственных окраин в общероссийский социум, как-то не приходится.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ЧЁТКИ»

Оформите подписку в редакции журнала.

Стоимость подписки в редакции (включая стоимость доставки):

за один номер –150 р.

годовая подписка – 600 р.

Оплатив квитанцию (находится на обороте), необходимо выслать ее в редакцию удобным для Вас способом вместе с заполненным купоном. Оплаченная квитанция является документом о подписке.

Подписной купон журнала «Чётки» на № 1 2007 г., № 1 2008 г., №№ 1–4 2009 г., №№ 1–4 2010 г.					
Фамилия _____			Мой адрес:		
Имя _____			Индекс: _____		
Отчество _____			Страна: _____		
Желаю подписаться на получение: В количестве _____ экз.			Город: _____		
			Область: _____		
			Улица: _____		
			Дом: _____ корп. _____ кв. _____		
			(Заполните печатными буквами)		
1 (2007 г.)	1 (2008 г.)	1 (2009 г.)	2 (2009 г.)	3 (2009 г.)	4 (2009 г.)
1 (2010 г.)	2 (2010 г.)	3 (2010 г.)	4 (2010 г.)		
Номера(ов) журнала (выбранные зачеркнуть)					

	Получатель: Форма № пд-4 ООО «Издательский дом Марджани» ИНН7736557629 В филиале «Гостиный Двор» КБ «Рублевский». г. Москва, БИК 044552218 Расчетный счет № 40702810700000003047 Кор. счет № 30101 810400000000218	
	Фамилия И.О., адрес плательщика	
	Вид платежа	Дата
Оплата подписки на журнал «Чётки»		
ИЗВЕЩЕНИЕ	Получатель: ООО «Издательский дом Марджани» ИНН7736557629 В филиале «Гостиный Двор» КБ «Рублевский». г. Москва, БИК 044552218 Расчетный счет № 40702810700000003047 Кор. счет № 30101 810400000000218	
	Фамилия И.О., адрес плательщика	
	Вид платежа	Дата
Оплата подписки на журнал «Чётки»		